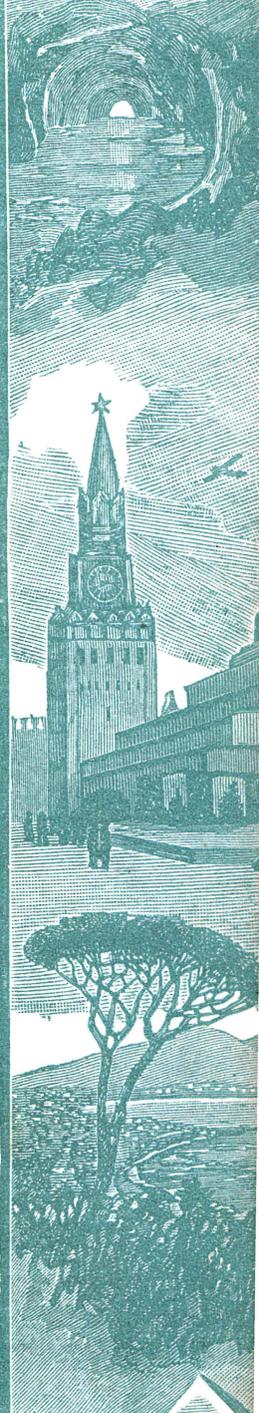

1949

ВОКРУГ СВЕТА

№ 7
Июль

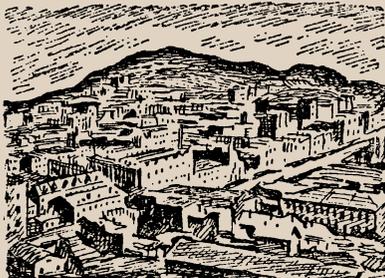
О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

КАРТА

«САЛЬСКОЕ МОРЕ»

В Ростовской области посреди широкой степи плещется громадное озеро — «Сальское море». Это искусственное водохранилище, протяженностью около 30 километров и глубиной до 12 метров, создано здесь трудами колхозников. На берегу его растет городок — межколхозная здравница, скоро здесь высадят аллею яблонь, абрикосов, кленов. Неподалеку появятся плантации риса. По-новому зажила теперь Сальская степь. Народ, под руководством коммунистов, решил насадить здесь 30 миллионов деревьев, остановить бич края — «черные бури», ввести травополюе, создать в Сальской степи мощную водную систему.

ВЛАДИВОСТОК СЕГОДНЯ

Более 20 миллионов рублей ассигновано в этом году на благоустройство Владивостока. Большие работы ведутся на центральной магистрали «дальневосточной столицы» и на других улицах, город скоро получит два новых стадиона. На берегу прославленной бухты Золотой Рог расширяются скверы, украшается Приморский бульвар. Комсомольцы — активные участники озеленительных работ. Весной этого года ими посажено в черте города более 15 тысяч деревьев.

НЕФТЬ СО ДНА МОРЯ

Далеко в море вышли в районе Баку нефтяные вышки: советские нефтяники научились добывать драгоценное топливо не только на берегу, но и со дна штормового Каспия. Еще недавно для бурения каждой подобной скважины в море сооружались своеобразные островки — дорогостоящие металлические основания. Теперь советские инженеры разработали новый метод так называемого «кустового бурения». Каждый «островок» используется для нескольких скважин. Еще в прошлом году бригада бурового мастера Я. Першукова с одного основания пробурела несколько скважин.

ВОЛЖСКАЯ ДЕЛЬТА

Опыты, проведенные Каспийским филиалом Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства, показали, что дельта Волги может стать базой естественных водоемов для разведения ценной рыбы: волбы, леща, сазана, судака. Намеченные планы мелиорации волжской дельты позволяют в будущем использовать сотни тысяч гектаров еще неосвоенной площади под нерестилища или под посевы трав и зерновых культур. Таким образом, интересы рыбозаведения в волжской дельте будут гармонически сочетаться с интересами сельского хозяйства.

САРАТОВСКИЙ ВИНОГРАД

Мичуринская наука позволяет осуществлять ранее невиданное, — теперь уже не редкость встретить виноград в Поволжье: его выращивают не только в южных районах Саратовской области, но и на 400 километров севернее, на границе с Ульяновской областью. Созданная в Саратове опытная станция виноградарства помогает колхозам области продвигать на север мичуринские сорта винограда.

НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОН

В средней части Байкала, отделенный от материка проливом (так называемым «Малым морем»), раскинулся на десятки километров остров Ольхон. У западного его берега, в одной из небольших бухт, в годы Отечественной войны возникли рыбообрабатывающий завод и рыбацкий поселок Хужир. Ныне Хужир стал благоустроенным населенным пунктом. В поселке имеются больница, школа, клуб с читальным залом и библиотекой. Радиоприемник и электрический свет есть в квартире каждого рыбака.

ОМУЛЬ

1949

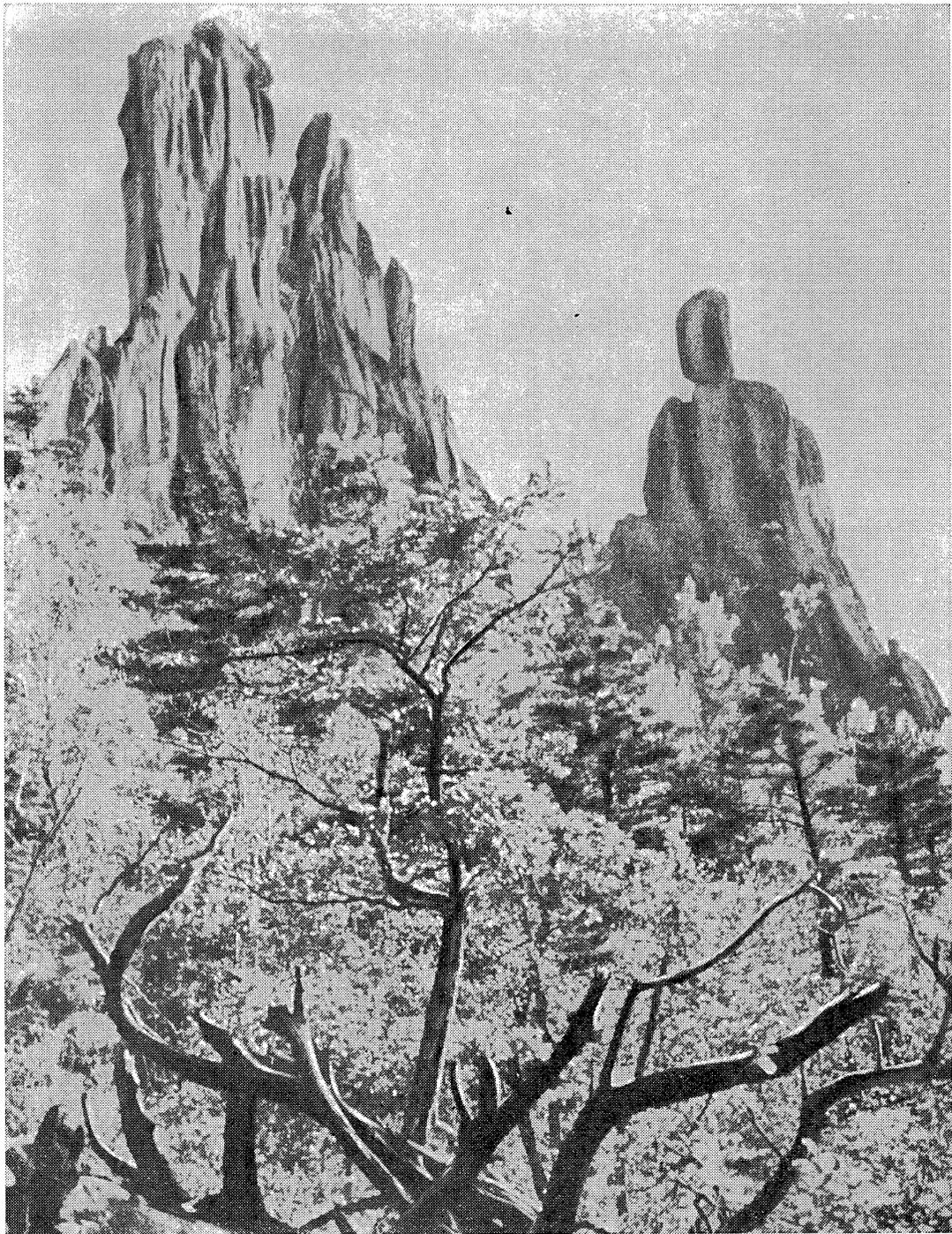
ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 7

И ю л ь

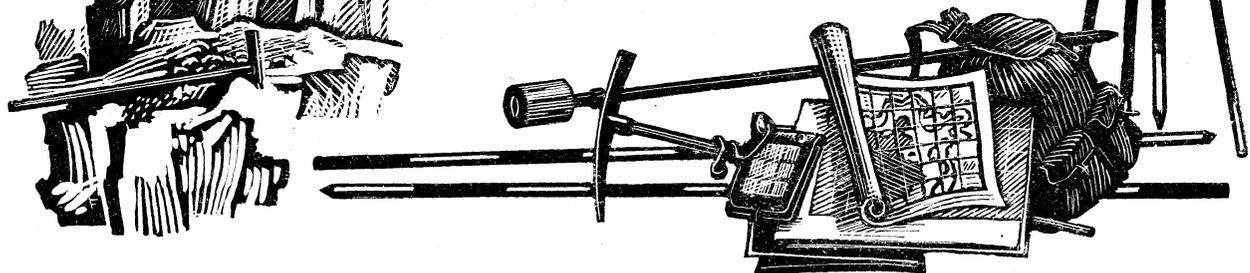
Журнал основан в 1861 году

В отрогах хребта Сихотэ-Алинь.

СОЗДАТЕЛИ КАРТ

О. ЧИСТОВСКИЙ,
действительный член Географического общества СССР

Гравюра на дереве В. Федяевской

На Крайнем Севере, за Полярным кругом, на востоке, в далекой Уссурийской тайге, на Курильских островах и, наконец, на юге, в горах Тянь-Шаня и Памира, работают неутомимые исследователи родной земли — геодезисты и топографы. И благодаря их незаметному труду все меньше становится на карте нашей родины неизученных мест — «белых пятен» — и районов с лаконичной надписью «необследовано». Геодезистам и топографам приходится порою жить и трудиться в тяжелых физико-географических условиях горных ледников, вековой тайги, сыпучих песков пустыни, бывать в таких местах, где не ступала еще не только нога путешественника или исследователя, но не бывал даже местный житель.

Интересен и увлекателен труд топографа и геодезиста. Его плоды — точные карты района — нужны и строителю, прокладывающему новые железнодорожные и автодорожные пути, и архитектору, выполняющему планировку новых городов, и смелому разведчику недр — геологу.

Военно-топографической службе в России недавно исполнилось 150 лет.

В начале прошлого века был основан «Корпус военных топографов», задачей которого стало картографирование и составление географических описаний на территории России. Мно-

гие десятилетия этот корпус был основным в России картографическим учреждением, составлявшим крупномасштабные карты, готовившим топографов.

За полтора столетия геодезисты и топографы много сделали по изучению необъятных пространств нашей родины.

Многие русские путешественники были сами хорошими специалистами в области топографии и производили съемки в ходе экспедиционных работ. Известный исследователь Центральной Азии Николай Михайлович Пржевальский во время своих четырех путешествий выполнил глазомерную съемку на территории свыше 12 тысяч километров. Хорошим топографом был и другой знаменитый русский путешественник — П. К. Козлов.

В России снаряжались и специальные экспедиции геодезистов и топографов для изучения малоисследованных мест, преимущественно окраин страны.

Первым человеком, побывавшим на высочайшей вершине Кавказа, Эльбрусе, был военный топограф Пастухов, поднявшийся на нее с несколькими помощниками 31 июля 1891 года. Пастухов пробыл на вершине Эльбруса продолжительное время, выполняя топографическую съемку.

В ряду имен первых исследователей Памира мы встретим имя геодезиста Чейкина, проложившего так называемый «триангуляционный ряд» в Алайской долине и в районах Восточного Памира. Неоспоримая заслуга в развитии отечественной геодезии, топографии и картографии принадлежит русскому ученому, профессору В. В. Витковскому, который по праву считается «отцом русской топографии». Витковский родился в 1856 году. Вся русская топография и геодезия конца XIX века развивалась под влиянием его многочисленных научных исследований в области картографической науки. Василий Васильевич Витковский написал множество научных трудов и учебных пособий и был выдающимся воспитателем молодых кадров. Он долгое время был преподавателем геодезии и топографии в военно-топографическом училище и во многих институтах; умер он в 1924 году на посту профессора Военной академии.

Все геодезисты или топографы, будь то гражданские или военные, знают В. В. Витковского и изучают его наследие. Именами Пастухова и Витковского названы ледники центральной части Памира.

На карте нашей страны встречаются имена и других геодезистов и топографов.

В честь топографа Бендерского, путешествовавшего по Памиру, назван один из перевалов Сарыкольского хребта.

На северном побережье Охотского моря есть мыс Лужина. Геодезист Ф. Лужин еще в 1719—1722 годах побывал на Курильских островах и исследовал их. В честь А. А. Тилло — известного русского картографа — назван мыс на полуострове Таймыр. Поручик Иван Евреинов в XVIII веке составил карту Курильских островов. Его именем назван пролив в районе Курильских островов и мыс на Камчатке.

В Северном Ледовитом океане имеются два небольших острова. Один из них — остров Леонтьева, другой — остров Пушкарева. Они названы так по именам русских геодезистов, путешествовавших здесь в 1763 году.

На Курильских островах есть гора Витковского и гора Каврайского.

Но, несмотря на огромный вклад, вложенный представителями картографической науки в дело создания подробных карт нашей родины, лишь часть территории страны была до революции «покрыта» картами. Большинство районов оставалось недостаточно изученными или даже вовсе не изученными. Карты пестрели «белыми пятнами».

Только после победоносной Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране, с развертыванием новостроек в различных концах Союза, развернулись в невиданно большом масштабе и геодезические и топографические изыскания.

Профессор В. В. Витковский.

Разрабатываются новые, более производительные методы съемки. Советская техника вооружает топографов более совершенными инструментами и приборами. На помощь топографии приходит аэросъемка. Создается новая отрасль знания, так называемая «аэрофото-топография».

Еще заметными тропинками, а иногда и вовсе без них проникают геодезисты и топографы в самые глухие и отдаленные уголки Советского Союза, и всюду труд их служит делу развития экономической и военной мощи родины.

Под руководством славного сына большевистской партии Сергея Мироновича Кирова отряды исследователей, в числе которых были и топографы, разведывают Кольский полуостров. На сопках Дальнего Востока и в бескрайних казахских степях в годы сталинских пятилеток появляются геодезические знаки: «сигналы» и «пирамиды». Рука об руку с геологами, инженерами, метеорологами и ботаниками, экономистами и этнографами трудятся геодезисты и топографы.

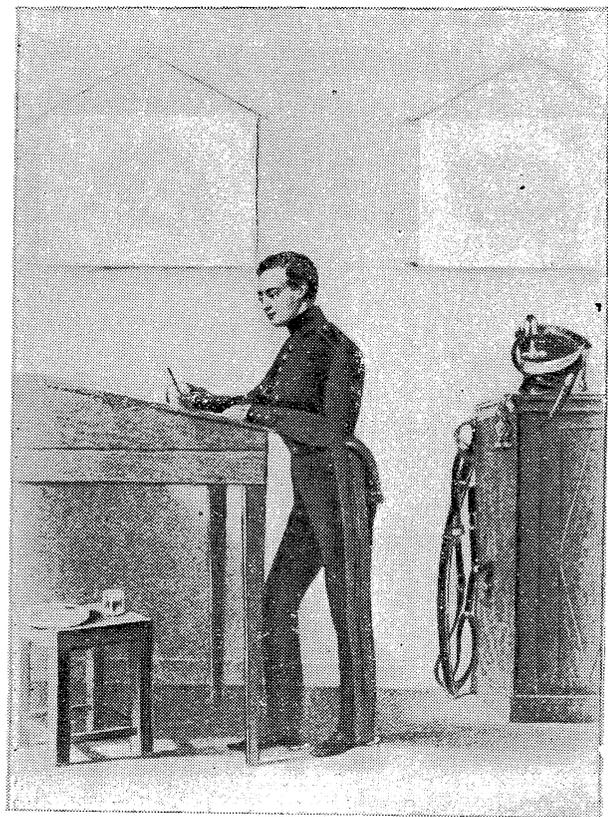
В 1928 году во время работ Памирской экспедиции инженером-геодезистом Исаковым и топографом Дорофеевым была обследована значительная площадь «Крыши мира». Сбран-

ные ими материалы легли в основу создания первых научно-точных карт Памира. Большая работа проделана топографами по уточнению карт и сбору дополнительных материалов по Памиру в ходе работ Таджико-Памирской экспедиции в 1933 году.

В годы сталинских пятилеток составляется подробная карта всего Кавказа.

Военные топографы проникли на Тянь-Шане в обширный ледниковый район Хан-Тенгри, исследовали его и открыли здесь пик Победы — одну из высочайших вершин мира и вторую по высоте в Советском Союзе после пика Сталина. Высота пика Победы — 7 439 метров, а эта вершина является наивысшей точкой узла хребтов Тянь-Шаня и на полкилометра выше пика Хан-Тенгри, считавшегося до этого изумительного открытия самой высокой вершиной «Небесных гор». Группе военных топографов, участвовавших в открытии пика Победы, Географическое общество Союза ССР присудило золотую медаль имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского. На ней выгравированы фамилии топографов: П. Н. Рапалова, Н. Я. Гамалева, А. Ф. Контарова и аэрофотосъемщика А. М. Арутюнянца. Одна из величественных вершин Тянь-Шаня названа «Пиком военных топографов».

Неоценимую пользу принесли геодезисты и топографы на фронтах Великой Отечественной войны.

Топограф. С гравюры XIX века.

Немало имеется примеров, когда топографы и геодезисты проявляли героизм и мужество в боях с врагом, выводили целые соединения из окружений, командовали подразделениями на фронте и партизанскими отрядами в тылу войск неприятеля, выполняли штабную работу.

За боевые подвиги, проявленные в боях, и трудовую деятельность в тылу многие представители топографической службы отмечены правительственными наградами.

Родина высоко ценит и труд ученых, работающих в области геодезии и топографии. Член-корреспондент Академии наук СССР профессор М. С. Молоденский за научный труд «Гравиметрическое нивелирование» удостоен почетного звания лауреата Сталинской премии в 1947 году.

Этого высокого звания удостоены также профессора Ф. В. Дробышев и М. М. Русинов за свои научные труды и изобретения, выполненные в годы Великой Отечественной войны.

Огромное научное значение имеют также исследования крупнейших геодезистов Красовского, Каврайского и многих других. Топографо-геодезические работы в нашей стране расширяются с каждым годом.

Многие десятилетия ведется изучение заоблачного Памира. Но все же отдельные экспедиции, снаряжаемые на Памир, могли обеспечить лишь неполное его изучение. Карты «Крыши мира», составленные по разрозненным материалам, не отличались высокой точностью. В конце концов назрела необходимость составить и единую крупномасштабную карту «Крыши мира».

С этой целью уже пятый год в горах Памира работает экспедиция топографов, руководимая старейшим специалистом Александром Павловичем Маковкиным.

Участниками экспедиции проделана значительная работа. Небольшим топографическим командам приходится работать в исключительно тяжелых физико-географических условиях, штурмуя остроконечные скалистые вершины высочайших хребтов, форсировать бурные горные реки, преодолевать могучие ледники.

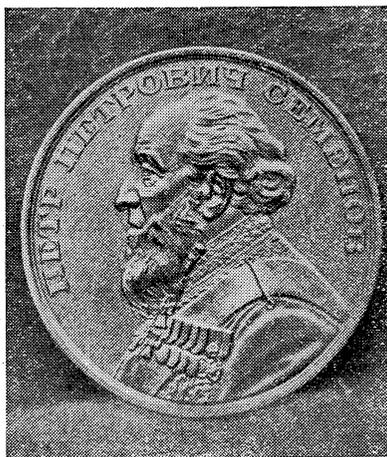
Костяком этой экспедиции является молодежь — воспитанники большевистской партии и ленинско-сталинского комсомола.

Недалек тот день, когда Памир и другие отдаленные и малоисследованные районы нашей страны покроются сплошной сетью триангуляции и получат высококачественные топографические карты, нужные для развития промышленности и сельского хозяйства. А как приятно сознавать каждому геодезисту или топографу, что его скромный труд приносит плоды; что там, где раньше была глухомань — нехоженые места, стучит молоток геолога, а строители закладывают фундаменты благоустроенных поселков и намечают трассы автомобильных и железных дорог. А через несколько лет там уже начинает бурлить жизнь и на карту наносятся условные знаки населенных пунк-

тов с разветвлением черных жирных линий, означающих дороги.

В создание карты вкладывают свой драгоценный труд ее составители: чертежники, корректоры, литографы, но на карте, выпущенной в свет, мы найдем только фамилию непосредственного исполнителя — топографа, которого по праву можно назвать первым исследователем района, подлинным создателем его карты. Вложив свой труд в создание карты, геодезист и топограф испытывают неподдельную радость, — они знают, что ими совершенно полезно, нужное народу дело.

Многие из вас, молодые читатели, тоже захотят, может быть, стать неутомимыми исследователями своей любимой родины, создателями ее новых карт. Чтобы стать хорошим и знающим специалистом в области геодезии или топографии, нужно упорно учиться, много читать, многим интересоваться. Необходимо хорошо изучить математику, иметь хотя бы элементарные сведения в области геологии и географии. Топограф или геодезист должен быть

Золотая медаль имени П. П. Семенова-Тян-Шанского.

прежде всего культурным человеком во всех отношениях. Он должен упорно заниматься спортом, чтобы закалить с юных лет свой организм и сделать его стойким и выносливым. Человек, работающий в песках, тундре, тайге, должен быть физически хорошо развит. А для работы в горных условиях требуется и немалая альпинистская подготовка.

Специальные знания в области топографии и геодезии юноши и девушки могут получить в топографических техникумах, имеющихся во многих городах, на геодезическом факультете университетов, а также в Московском институте

инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

Юноши, мечтающие быть военными топографами, по окончании средней школы могут поступить в Ленинградское Краснознаменное военно-топографическое училище.

Увлекательно путешествовать по отчизне, изучая свой край и укрепляя самоотверженным трудом могущество нашей социалистической родины!

Н. Я. Гамалеев производит фотосъемку камерой фотогеолита «СЗб» на одной из вершин Памира.

ГЕОРГИЙ ГУЛИА,

лауреат Сталинской премии

Города, как и люди, имеют свой возраст. Мой город — город Сухуми — очень молод, но он, я бы сказал, родовит. Начало свое он берет от славного города Диоскурия. То был большой город, один из крупнейших на Черноморском побережье. В нем, по свидетельству древних писателей, работало до семидесяти толмачей, то-есть переводчиков. В Диоскурии велись дела крупные, и на причалах его стояли корабли различных стран. Слава о богатстве города разносилась по всему миру. Недаром устремлялись сюда, к сердцу Колхиды, прожорливые захватчики в надежде на богатую поживу.

Город не раз подвергался вражьи нашествиям. Тогда народ уходил в горы, дома разрушались, улицы зарастали травой. Море пожирало землю, а вместе с нею и город. Но рядом, словно из семени, оброшенного великой Диоскурией, вырос другой город. Он тоже не раз предавался огню и мечу римскими, а позже венецианскими, генуэзскими и византийскими охотниками до чужого добра. Но из пепелищ и развалин вырастал снова.

Сухуми, по примеру своих родичей-городов, не раз и не два видел у своих стен вражеские полчища.

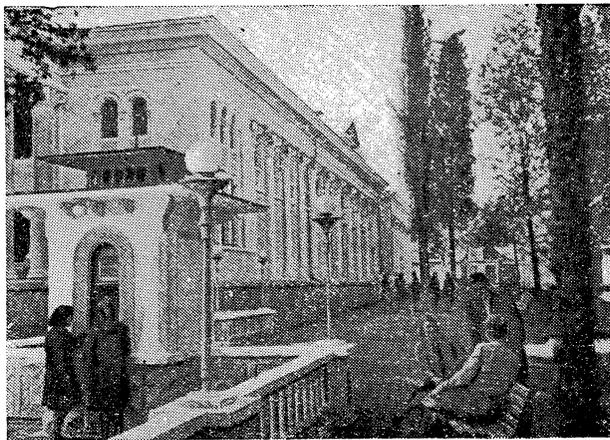
Самыми коварными,

жадными и бесчеловечными из них были турки, пытавшиеся утвердить здесь свое владычество.

Турки приносили свою «культуру», и самым характерным в ней была работорговля. То было самое мрачное время в истории Грузии, всего Черноморья. «Небо покрылось тучами, погасившими дневное светило», — говорит народ. Хозяйничанье турецких янычар привело город на край гибели, превратив его в жалкое скопище харчевен и деревянных домиков. Лишь прекрасная природа да священная память о прошлом будили в сердцах патриотов живой образ Сухуми.

С падением турецкого ига город начинает оживать. Многим, очень многим он обязан природе, которая сделала все, чтобы его украсила. В начале нашего века в Сухуми начинают обосновываться графы да князья, привлеченные необыкновенными, благотворными качествами здешнего климата. Каждый из них строил себе дом и замыкался в свой мирок, за порогом которого — хоть трава не расти. Сухуми тех лет тоже лишь очень отдаленно напоминал современный город.

Любопытно просматривать архивные документы, характеризую-

Сухуми. Новый летний театр

шие дореволюционный Сухуми. Он являл зрелище, которое можно было наблюдать во всех провинциальных городах прежней России: удушливая пыль летом, непролазная грязь зимою и бескультурье во все времена года.

Я помню Сухуми кануна установления здесь советской власти (1921 г.). В центре, разумеется, находился базар (его называли Старый базар) — средоточие неопишемого зловония. Базар имел квадратную форму, как и все городские кварталы, и почему-то был окружен глубокой канавой, всегда полной спрелшей зеленью, протухшей рыбой и прочей базарной, должно быть забракерованной снедью. Я уже не говорю о санитарном состоянии самого базара, где даже мечта о чистоте и опрятности казалась столь же отдаленной, как звезда Сириус.

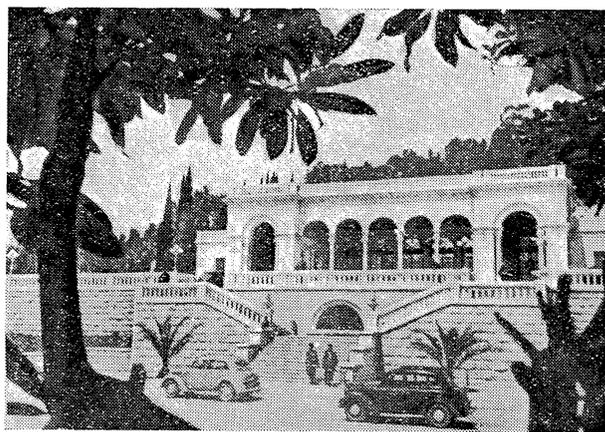
От моря к горе Трапезия шли «центральные» улицы, неровные, словно ложка высохших рек. Несмотря на исключительные природные условия, Сухуми был беден зеленью: здесь ее, пожалуй, было меньше, чем в каком-либо другом городе. Городское хозяйство было полностью запущено. Дохлые собаки и кошки иногда целыми неделями валялись на улицах, не говоря уже о мусоре, присутствие которого считалось совершенно естественным.

Вокруг города хищнически уничтожались леса. Население страдало от страшного бича тропиков и субтропиков — малярии. Нашлись умники, которые утверждали, что очагом малярии являются лесистые горы, гигантской подковой окаймляющие город. «Надо вырубить деревья», — утверждали они. «Это будет стоить дорого», — возражали столпы городской управы. Однако нашелся «добряк», который взял весь этот «труд» на себя, не пожалев «ради общества» ни сил, ни времени. Ему с радостью подарили всю гору, и «добряк», оформив, как полагается, бумаги, объявил о продаже лесных участков на дрова. Горожане с охотой вырубали лес, который им обходился дешевле дров, что продавались на складах. Гора облысела в течение двух-трех лет, а малярия стала еще злее. В наши дни мы вынуждены эту гору озеленять.

По-настоящему Сухуми начал отстраиваться при советской власти. Он не является в этом смысле исключением. Пафос строительства охватил всю нашу страну, все города. Советский человек заботливо украшает свои жилища, свою землю.

Я проехал нашу страну от Вильнюса до Ферганы, от Ленинграда до Еревана. Всюду я видел леса строек, величественные планы создания. И мой город — город Сухуми — отражает, как в малом зеркале, то, что делается на нашей советской необъятной земле.

Еще не успели отгреть залпы Великой

Сухуми. Новая железнодорожная платформа.

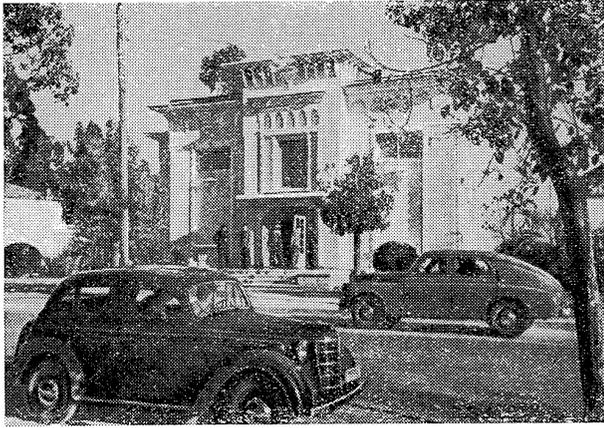
Сухуми. Улица Ленина.

Отечественной войны, а Сухуми уже начал украшаться. Одна за другой улицы стали покрываться асфальтом. На газонах появились агавы, кактусы, пальмы, благородный лавр. Цветы ковром покрыли скверы и сады. Мелкие речки, пересекавшие город и доставлявшие горожанам массу хлопот, явно присмирели: одни отведены в сторону, у других выпрямлены и расширены русла. Были улучшены стоки, и некогда с трудом просыхавший после ливней город нынче после купания под дождем становится лишь краше.

Растет число домов новой, послевоенной стройки. Их возводят любовно, прочно, хозяйский глаз строителя не ослабевает ни на минуту. На болота, находящиеся в окрестностях города, начато настоящее наступление — как на фронте.

Сухумцы построили прекрасный летний театр на тысячу мест. Оборудован концертный зал на четыреста человек. Строится новое, величественное здание драматического театра.

В разных частях города сооружены теннисные корты, спортивные площадки, в том числе чудесная баскетбольная. Совсем недавно поднесен горожанам новый подарок — здание

Сухуми. Новое здание спортивной школы.

спортивной школы. В городе сооружена железнодорожная платформа у ветки, соединяющей его с вокзалом. Это большое и красивое строение на огромном гранитном основании. Весь район, прилегающий к платформе, преобразился, оделся в асфальт и зелень.

В Сухуми прежде недоставало электроэнергии, теперь ее избыток. Энергию дает Сухумская гидроэлектрическая станция, одна из наших крупнейших высоконапорных станций. Улица за улицей, переулок за переулком освещаются яркими лампами. И мы, сухумцы, очень ими гордимся, этими сосудами света.

Созидательная жизнь в Сухуми буквально кипит. Но есть в ней нечто особенное, о чем хотелось бы сказать. Подсчитано, что к каждому рублю, отпущенному городу, фактически добавляется еще девятнадцать. Откуда, спросите вы, эти дополнительные девятнадцать?

Дело в том, что огромное участие во всех стройках принимают сами сухумцы. Они с энтузиазмом отдают свой труд делу благоустройства города, своих дворов, своих жилищ. Каждому хочется жить лучше, в чистоте и уюте, и сухумцы решили по-хозяйски взяться за свой город.

В центре города совсем недавно был расположен так называемый Новый рынок. Местонахождение ничем не оправдываемое. Поэтому было решено рынок перенести на другое, благоустроенное место, а район реконструировать.

В этой реконструкции, проведенной в очень короткий срок, деятельное участие приняло, от мала до велика, все население города. Работа не прекращалась день и ночь. Почти полутораметровый слой грунта пришлось выкопать и убрать и завезти новый, плодородный. Руками сухумцев были посажены здесь сотни деревьев и кустов. Построили новый кинотеатр

«Сухуми», а рядом с ним — «Летний», со сквером. В сквере заструились фонтаны, дорожки украсились фонарями. Вокруг сквера выросли новые дома.

От вокзала к городу идет улица Чочуа. Почти двухкилометровая магистраль на значительном протяжении была изуродована железнодорожной насыпью. Это обстоятельство не могло не привлечь пристального внимания сухумцев. Нынешней весной начались большие работы и на этом участке. Сюда высыпало почти все население, отдававшее любимому городу свой труд. Насыпь и прилегающие к ней участки были разровнены и покрыты дерном, были устроены стоки для дождевой воды, посажены кактусы, бананы, благородный лавр, пальмы. Длинной, в два ряда цепью вытянулись красивые чугунные столбы, словно эстафету, несущие яркий свет. Эту улицу теперь не узнать.

Недавно реконструированы улицы Молотова и Чарквиани. Вместе с асфальтом здесь появилась и богатая зелень.

Новое в Сухуми — аллея южных кедров на улице Чарквиани. Их тоже раньше здесь не было.

Долго перечислять то, что сделано сухумцами в послевоенное время. Эта самодеятельность масс — блестящий пример возросшего самосознания народа.

Сухумцы так привыкли к быстрым, а подчас и неожиданным переменам в своем городе, что, встречаясь, спрашивают друг друга: «Что сделано сегодня?» Эти замечательные черты нового — нежелание мириться со старым, отсталым, стремление к непрерывному совершенствованию своего города, страстная борьба за светлый быт — настойчиво привлекает трудящимся городской партийная организация. И надо отдать должное населению города: оно оказывается на высоте задач, предъявляемых ему нашим временем — кануном поры коммунизма.

Когда прохаживаешься по чудесным улицам Сухуми, когда видишь, чьими руками и как старательно они украшены, видишь юношей, соревнующихся в трудовой доблести, и стариков, принимающих посильное участие в украшении родного города, невольно становится тепло на душе при мысли о миллионах людей, стремящихся к миру, к созидательному труду. В ушах сильнее звучат слова, которые произносились с трибуны Конгресса сторонников мира в Париже, и ты горд от сознания, что принадлежишь народу, неустанно борющемуся за мир. Шагая по залитым весенним теплом тротуарам в тени высоких и стройных пальм, наблюдая за людьми, убирающими остатки строительного мусора, невольно напрягаешь ум, пытаешься по-настоящему понять, лучше ли разобраться в звериной психологии тех, кто

все еще бряцает оружием, желая запугать народы мира.

Глядя на хрупкое деревцо, высаженное руками девушек на улицах моего города, я вспоминаю огромную воронку в саду, вырытую яростной полутонной немецкой бомбой. Вижу, как сейчас, нежный цветок на длинной ветке дерева, склонившегося над мраком воронки. Он чудесно выжил, этот цветок, ибо он являл собою жизнь светлую и неудержимую, победившую вопреки дьявольской силе фугасной бомбы. Я не сомневаюсь, и все мы уверены: деревцо, которое мы сажаем, будет жить, будет цвести и крепнуть в нашем советском саду. Оно будет служить нам, советским людям, на зло и на страх империалистам!..

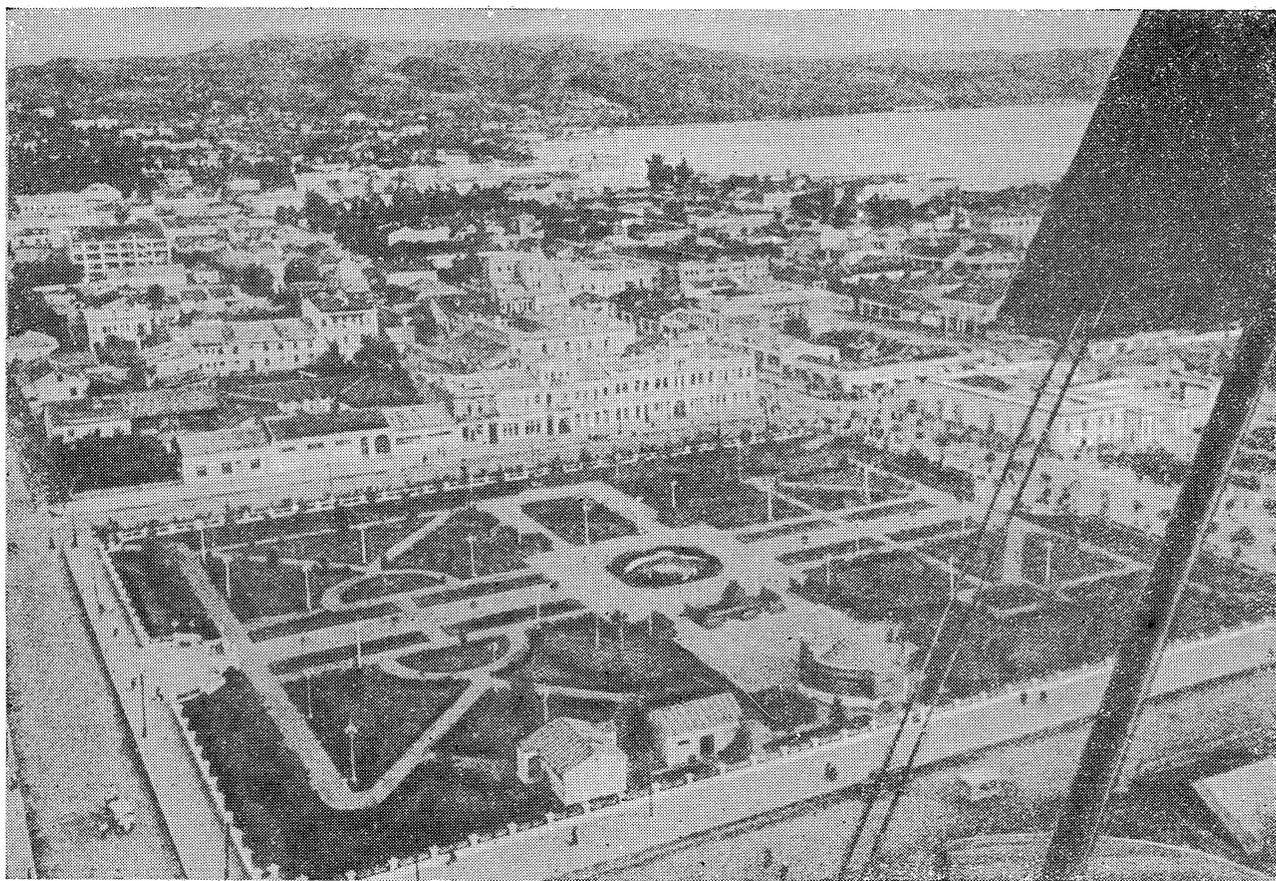
«Что мне надо?» — спрашиваю я себя. «Я хочу жить в своем городе, так как люблю его. Я хочу, чтобы он стал еще лучше, наряднее! Хочу, чтобы его благами пользовались все советские люди. Чтобы они, советские люди, отдыхая в нашем городе, добрым словом помя-

нули нас, сухумцев. Я хочу строить новую, коммунистическую жизнь, хочу пользоваться ее бесчисленными благами».

У меня имеются миллионы единомышленников в моей стране. Они живут в Тбилиси и во Владивостоке, в Архангельске и в Баку, во Львове и Свердловске, на Волге и в Закаспии. Их очень много, моих единомышленников, — вся страна, все советские люди борются за мир, этому учит нас великий Сталин.

...Сухуми сегодня в цвету. Завтра он будет еще лучше. К осени многие его уголки станут неузнаваемыми. Знайте, друзья мои: когда вы читаете эти строки, сухумцы украшают еще одну улицу, строят еще один новый дом — ведь Советский Союз велик, а мы его частица, и мы хотим быть достойными нашей родины. Мы также знаем, что в эту минуту, когда мы прихорашиваем свою улицу, миллионы советских людей заняты тем же делом и множеством других больших и великих дел. И нам приятно от этой мысли. Эта мысль дарит нашим сердцам новые силы, а нашему городу — новые красоты.

г. Сухуми

Сухуми. Вид на город и новый парк.

А. АВДЕЕНКО

Рис. П. Кирпичева

Рассказ

На закате июльского дня наша «Ласточка» отчалила от пристани тысячелетнего города Углич и пошла вниз по Волге. Солнце садилось в пепельно-черную муть облаков. Резкий прохладный ветер дул нам в лицо. По небу, ясному еще час назад, уже ползли тяжелые, с рваными краями тучи. Воды Волги утратили свой привлекательный цвет, стали чугунно-серыми, горбились в волны.

Ни ветер, ни тучи, ни волны не внушали нам тревоги. Мы вдоволь натерпелись от жары и духоты на протяжении всего июня и июля и даже были рады перемене погоды.

Я сидел на верхней палубе «Ласточки», открытой со всех сторон, и с наслаждением купался в потоках встречного ветра, с каждой минутой набирающего скорость и северную прохладу. Ветер промывал своими живительными струями не только поверхность изнывающего от жары тела, но и все мое существо. Я чувствовал себя все бодрее, уравновешеннее, спокойнее и, я бы сказал, великодушнее.

Да, великодушнее. Это было как бы то, чего мне так не хватало в путешествии и, главное, в отношениях к моему деловому спутнику. Это был довольно известный фотокорреспондент, не раз исколесивший вдоль и поперек нашу планету. С первого же дня он начал вызывать во мне раздражение, грозившее перейти в злобу. Дело в том, что он, едва мы отвалили от Северной гавани в Москве, забрался на верхнюю койку в нашей единственной каюте и проспал, с короткими перерывами, почти трое суток, вплоть до Углича, — проспал все волжские зори, восходы солнца и его закаты, дремучие леса, туманы на рассвете, сияние звезд, ароматы трав, цветов и созревающих хлебов. Спал он богатырским сном, сном праведника. Так как наш кораблик был очень мал, то я отовсюду, куда бы ни забрался, слышал храп своего спутника.

Мне было обидно за Волгу, за жизнь, за все то прекрасное, неповторимое, что так расточительно, так напрасно проходило мимо этого спящего человека.

Впрочем, может быть, я несправедлив! Причина его сонливости скрывалась, наверно, не в равнодушии к Волге, к жизни, а в нестерпимой жаре суховейного, прямо-таки огненного лета. От духоты не спасала даже Волга, ее водные просторы.

Темнота надвинулась на Волгу сразу — не было ни волшебной, как обычно, вечерней зари, ни тягучего, долго не потухающего заката, ни прозрачно-спиних сумерек, похожих на северную белую ночь. Берега Волги пропадали в непроглядном мраке. Волны росли, и «Ласточка» уже сильно раскачивалась — с кормы на нос, с носа на корму — на тугих поперечных гребнях. Вдали, на севере, где-то над Рыбинским морем, время от времени сверкали глухие зарницы.

Рыбинское море! Еще в Москве капитан «Ласточки» Жуков предупредил меня о великом коварстве Рыбинского моря. Наша «Ласточка» ни в коем случае, даже в самую тихую погоду, не должна проходить морской путь Волги самостоятельно. Предупреждение Жукова я принял к неуклонному выполнению. Когда на высоком левом берегу сквозь черные кружева деревьев густо засверкали яркие огни, я нашел, что сегодня, пожалуй, можно сделать и передышку в нашем путешествии.

Мы пришвартовались к пристани небольшого городка Мышкин, основанного, как говорит предание, московским человеком Мышкиным, искуснейшим каменщиком. Народная молва приписывает таким златотурким, как он, людям, замысел и творение всех знаменитых сооружений на Волге — кремлей, храмов, дворцов.

В надежде, что я буду сторичей вознагражден за вынужденную задержку, я собирался сойти на берег, побродить по городу.

— Почему остановились? — проснувшись, недобрым, хриплым со сна голосом спросил мой спутник.

— Скоро Рыбинское море, — ответил Жуков.

— Ну так что же?!

— Подождем каравана, пришвартуемся к нему.

— А почему не идем своим ходом?

— Опасно. Разыгрывается шторм.

— Шторм? На Волге? Вы боитесь здепшего шторма? А что бы вы сказали, испытыв настоящий шторм?

И он долго, с удовольствием, очень красочно начал рассказывать нам с Жуковым о своих многолетних скитаниях по миру, о своих встречах со знаменитыми людьми многих стран, о том диковинном, что видел в Абиссинии, Иране, Испании, Норвегии, Германии, на Балканах и на Северном полюсе. Рассказывал он обо всем с жаром, интересно.

Я внимательно слушал моего спутника, вглядывался в его опухшее, с одутловатыми щеками лицо, в его голову, лысеющую со лба, в его сияющий рот, полный аккуратно отремонтированных, опрятных зубов, — смотрел и думал о том, что его бродяжничанье по свету лишило его способности замечать и чувствовать простую красоту Волги, скромное величие родной земли. Потому он так свысока, скептически отнесся к Рыбинскому морю, не обозначенному ни на каких географических картах, изданных до 1940 года. Он не верил в то, что под боком у Москвы, в Центральной России, в дремучих лесах угличских угодий появилось море такой величины и такого характера, что на нем можно потерпеть настоящее кораблекрушение.

Капитан Жуков, он же моторист, он же штурман и палубный матрос, несколько раз переглядывался сс мной, слушая нашего спутника.

— Что же, — сказал он, наконец, вопросительно и вместе с тем озорно взглянув на меня, — если вы не боитесь, Борис Борисович, мы двинемся дальше.

— Пожалуйста, милости просим, — гордо сказал наш спутник.

Я молча поощрительно кивнул Жукову.

Мы немедленно отвалили от пустынной пристани и пошли на север, в ночь. Ветер загудел в немудреных снастях нашего суденышка. Гребни волн свирепо били о днище. После вспышек зарниц темнота Волги сгустилась так, что мы не видели собственной руки.

Наш спутник, едва мы отошли от берега, опять завалился спать, демонстрируя свое полное пренебрежение к тому, что мы называли штормом.

А шторм через час разыгрался на Волге такой, что Борис Борисович с грохотом скатился с верхней полки. Мы с Жуковым сделали вид, что ничего не заметили. Мы стояли у штурвала в маленькой застекленной кабине, полной масляного и бензинового угара. Проветрить нашу каюту было нельзя, так как, едва мы открывали окно или дверь, в нее тотчас врвалась вода и, попадая на раскаленную до красноты трубу коллектора, наполняла кабину обжигающим паром.

Оглядываясь украдкой, я видел нашего угрюмо затихшего спутника. Он стоял в узком проходе жилой кабины, обеими руками сжимал косяки двери и курил папиросу за папиросой.

Еще час спустя мы с Жуковым, скрепя, как говорится, сердце, вынуждены были признать, что зря поддались искушению проучить Бориса Борисовича. Шторм нарастал. Волны беспощадно избивали «Ласточку». Она уже начала трещать всем своим деревянным телом.

Оттого, что вся поверхность Волги была покрыта седыми дымящимися гребнями, темнота отступила на

сушу, и теперь мы почти ясно видели справа от себя черную кромку земли.

Мы жадно вematривались в эту землю, искали на ней сигнальные огни Коприна — небольшой пристани, стоящей у самого входа в Рыбинское море. Как ни униженно чувствовать себя побежденными, но мы решили пришвартоваться у Коприна... Безумие идти в море сейчас, ночью, в такую погоду! У нас не было никакого желания пеною своих жизней доказать Борису Борисовичу нашу правоту.

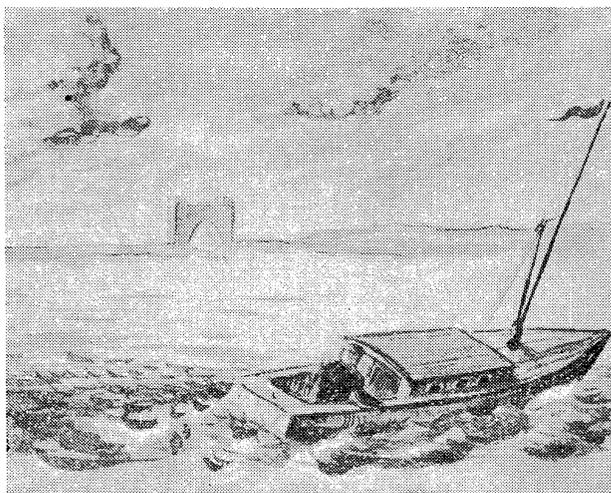
«Ласточка», не подозревая, что ей предстоит остаться наедине с грозным морем, бесстрашно прыгала с волны на волну и все дальше и дальше бежала на север, к желанной пристани Коприно.

Прошли под гигантским двухпутным мостом — белоснежным, почти светящимся в ночи. Темнота за мостом стала гуще, ветер резче. Жуков молча и жадно вглядывался в огни фарватера. Истекал второй час ночи, а Коприна не видно. Где же заветная пристань? Не проскочили ли мы ее во мраке? Не вынесет ли нас в море? Ветер переменялся, дул с правого борга. Жуков потихоньку пожаловался мне, что «Ласточка» стала плохо слушаться руля. Надо приставать к берегу, хоть к какому-нибудь. И поскорее! Нет, это еще не страх. Немая тревога, торжественное почтение перед свирепостью волжского моря.

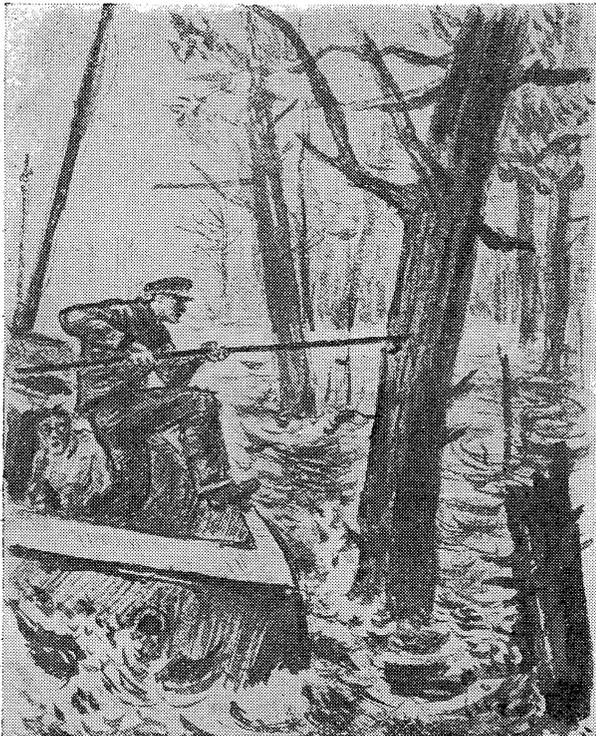
Третий час ночи. Осторожно идем вдоль берега, ищем пристанища. Впереди, на севере, показались яркие и высокие огни — красный справа и белый слева. Белоснежный волжский экспресс поравнялся с нами. С мостика в рупор нам кричат: «Сумасшедшие, куда вас несет?!» Какое счастье ехать в такую ночь по такой воде на большом теплоходе!

Жмемся почти вплотную к земле, выключив мотор, но пристать не решаемся: крупные волны могут нас бесцеремонно швырнуть на песок, разбить в щепки. Будь у Жукова больше страха перед морем и меньше опыта, он обязательно бы причалил.

Волга слева раздвинулась так, что не видно ни берега, ни горизонта. Не на морской ли простор уже выскочили? Кажется, так. Мы не покидаем прибрежной полосы, не расстаемся с надеждой найти «Ласточке»

На закате июльского дня наша «Ласточка» отчалла от пристани тысячелетнего города Углича и пошла вниз по Волге.

С приглушенным мотором приближаемся к дереву.

тихий уголок. О, счастье! Мы видим впереди небольшой мыс, а за ним огромное дерево. Вот и причал!

С приглушенным мотором приближаемся к дереву. Я стою на носу с багром. Волны в злом содружестве с ветром вдруг наваливаются на нас, гонят на дерево левым бортом. Если бы Жуков вовремя не дал полный ход назад, нас наверняка разбило бы.

Идем против волны — неизвестно куда, только бы успокоить «Ласточку», придать ей устойчивость. Впереди полный мрак: ни берегов, ни звезд, ни огней, ни неба. Сбились с фарватера.

Пока не поздно, надо поворачивать назад. Легко сказать — повернуть хрупкую «Ласточку» на таких высоких волнах! Идем вперед, медлим с разворотом. Нет никакого сомнения, что против своей воли мы высочили в Рыбинское море.

Борис Борисович молчал, и в его молчании мы чувствовали полное одобрение нашим действиям.

Мрак вдруг рассеялся, ветер перестал завывать в снастях «Ласточки», волны стали меньше. В предрассветном тумане проступили очертания берегов.

Что за чудо? Буря утихла, или мы попали в залив, в укрытие? Хорошо то, что хорошо кончается. Мы спасены от многих неприятностей.

Рано обрадовались. Когда туман чуть-чуть растаял, перед нами возникли характерные вершины гигантских сосен и елей, едва видимые на поверхности воды. Затопленный лес... Вот тебе и спасение! Достаточно «Ласточке» наскочить на один из таких подводных рифов, и деревянное тонкое днище будет проломлено.

Назад, назад, пока не поздно!

Осторожно разворачиваемся и на полном ходу удираем из тихой ловушки, жадно ищем спасительные огни фарватера. Нас встречают прежние свирепые вол-

ны, ветер, огромное водное пространство, тяжело предвещенное предрассветной мглой. Но теперь все это кажется менее страшным. Вперед — через море напрямом, только вперед! Назад хода нет.

«Ласточка», будто вдохнувшая в себя нашу реннимость, отбрасывает направо и налево кипящие волны, вся в пенных брызгах, старательно и смело рвется вперед.

Свет нового дня все шире и шире разливается над морем. Кое-где еще видны берега, острова. На востоке, над зубчатой стеной черных туч, показывается винно-пламенный край солнца. Его рубиновый свет поразительно привлекателен среди пепельной пустыни моря, лесов и ржаво-туманных островов. Вот солнце взойшло до половины. Теперь оно похоже на гигантский раскрытый парашют оранжевого шелка. Буря не утихла, волны не меньше, но идти навстречу солнцу легче, веселее.

Кто-то невидимый вдруг сделал по солнцу тончайший надрез. На рубиновой сердцевине остался ядовито-черный след. Этот след начал быстро разрастаться. Скоро черные, тяжелые облака навалились на солнце, скрыли его под своей толщиной. Сумрачно, тоскливо, одиноко стало на море.

Я поднес к глазам бинокль, чтобы придвинуть к себе землю, ее твердый простор, ее утешительный покой, и увидел нечто странное, фантастическое. Над волной пустыней поднимался большой белый дом. Настоящий дом — с крышей, трубой, окнами. Я увидел и другие дома, чуть поменьше, скрытые под водой. Дальше, справа, резко выделились на фоне неба маковка церковной колокольни и высоченное дерево с двумя огромными черными сучьями.

Это был, как я догадался, город Молога, затопленный волгостроевцами по разумному и строгому плану. Все жители Мологи, конечно, были своевременно переселены в другие волжские города.

Идем час-два, а Молога, видимая теперь уже простым глазом, все возвышалась над простором моря. Фарватер медленно заворачивал на северо-восток, а потом и строго на восток. Вот где-то здесь скрещиваются водные пути на Весьегонск, Пешехонье, Череповец. Волны выросли, стали еще свирепей. «Ласточку» качало, как ваньку-встаньку, заливало водой. Волны часто поднимали корму над волнами, и винт перемальывал воздух. Было так сумрачно, что огни бакенов хорошо выделялись даже в утреннем свете.

Вдали, на просторе моря показалась благодатная точка — какой-то маленький островок. Мы, я и Жуков, хорошо видели ее, эту точку, к ней мы и устремились. Но Борис Борисович этого не замечал. Он натянул комбинезон, схватил спасательный круг. Фотоаппарат, которому он был обязан тем, что повидал мир, и тем, что отправился с нами в путешествие, не был забыт. Тяжелый, с огромной трубой объектива, он висел у него на шее только для того, казалось, чтобы Борис Борисович быстрее погрузился на дно.

Как ни трагично было наше собственное с Жуковым положение, но мы дружно, от всей души рассмеялись, глядя на будущего утопленника.

К счастью, купаться не пришлось ни нам, ни нашему спутнику. Мы благополучно добрались до острова, всплывнув огромную стаю уток. К плоскому песчаному

берегу нельзя было подойти вплотную. Жуков бросил якорь.

Остров когда-то, до своего возникновения, был сушией, маковой большой холма. Теперь на его причудливо очерченных берегах лежали горы деревьев-скелетов, до мраморной белизны отшлифованных волнами, ветром и высушенных солнцем. Повсюду валялись огромные, как египетские папирусы, свитки березовой коры. По гребню острова, среди молоденьких елочек, росли розовые колокольчики, курная слепота. На песке отчетливо были видны следы птиц, их оброненные перья, жемчужный утиный пух. Тут же, среди деревьев-скелетов, лежала крыша деревенского дома, откуда-то занесенная сюда бурей.

Борис Борисович, как был в комбинезоне, прыгнул в море. Спотыкаясь, падая, держа аппарат над головой, он побежал по мелководью к берегу. Он торопился, словно боялся, что земля может уйти от него. И как только достиг берега, он радостно заулыбался, воскликнул:

— Остров! Настоящий! Необитаемый!

Столько детского, неподдельного удивления и восторга было в его голосе, так юношески горели его глаза и так хотелось мне быть добрым, великодушным после бури, что я в одно мгновение простил Борису Борисовичу все его прегрешения перед нами в Рыбинском море.

— Посмотрите! — сказал Борис Борисович, указывая на север.

С полуоткрытым ртом, глазами навывкате смотрел он на полузатопленную Мологу. Покинутый город то скрывался за гребнем воды, чуть просвечиваясь сквозь седые брызги, то появлялся в лобжине, между двумя накатами огромных волн. Волны врываются в пустые глазницы окон на северной стороне и вылетали тысячами брызг через такие же глазницы на южной стороне домов.

— Боже мой, какой потрясающий кадр!.. — прешептал Борис Борисович, дрожащими руками открывая кожаный футляр фотокамеры. — Настоящий чудогород!

Жуков, любовно творивший костер на краю острва, резко повернул к Борису Борисовичу свое смуглое, полное откровенного гнева и презрения лицо.

— Не там, дорогой товарищ, чуда ищите. Оно не в затопленном городе, а в труде волгостроевцев. Эх вы, горе-путешественник!.. Да знаете ли вы, что такое Рыбинское море?! Это двадцать миллиардов кубометров воды! Это водная площадь более чем в пять тысяч квадратных километров. Это новый климат! Это великий рыбный питомник! Это сила, которая движет самую крупную на Волге гидростанцию. А знаете ли вы, что было здесь, на месте моря? Болота, глухомань лесная, забытый и богом и людьми край. И вот по такой земле мы проложили главную русскую дорогу, главную улицу России. Вот оно где истинное чудо — в нашем труде, в том, что мы всю свою землю, из края в край, какая бы она ни была заброшенная, делаем родной советской землей, красивой и полезной для нашей жизни.

Жуков сел к костру, разжег его и, больше не обращая внимания на Бориса Борисовича, начал подробно рассказывать мне, как создавалось Рыбинское море. Я слушал Жукова и радовался, что так хорошо сохранила его память историю подвига волгостроевцев. Событию, это не был рассказ, предназначенный специально для меня. Это было воспоминание Жукова, воспоминание для себя — самое дорогое, самое сокровенное, драгоценный кусок большой, честно и в безпрестанном труде прожитой жизни. Подобные воспоминания-исповеди мне уже приходилось слушать при различных обстоятельствах от людей, воздвигавших Днепротэс, Магнитку, Челябинский тракторный, Уралмаш, Беломорско-Балтийский канал, форсировавших Днепр, Вислу, Дунай, водружавших знамя Победы над Берлином. И еще, очевидно, не раз мне суждено слушать такие воспоминания. Есть что вспомнить нашему поколению!

Костер! Ветви деревьев-скелетов, сухие, хрупкие, костяной белизны, горели жарким пламенем. Ветер ломал колонну дыма у самого ее основания, и он белым

Борис Борисович, как был в комбинезоне, прыгнул в море.

нухом стлался по земле, таял над морем. Утиные стаи с испуганным свистом облетали стороной свой излюбленный островок. В солнечные дни здесь, вероятно, много тепла, света, тишины, покоя.

К полудню северо-западный ветер стал постепенно меняться на западный, потом на юго-западный и, наконец, стал строго южным. По мере изменения ветер затихал, теплел. Черно-пепельные облака скрывались над глухими лесами, небо прояснилось. Вечером море окончательно улеглось в свои берега. Яркие, промытые бурей, выступили звезды. Они роились очень низко и заглядывали в черное зеркало моря. От каждой небесной звезды к морской была протянута едва видимая, может быть, даже воображаемая, беспрестанно трещащая золотом струна, отчего казалось, что все пространство между землей и небом наполнено необыкновенно тихой, проникновенной музыкой, той волшебной музыкой, которая иногда, в минуты высшего духовного подъема, наполняет наши сердца.

Прошел первый ночной пароход. От ватерлинии до вершины мачты он был осыпан звездным сиянием огней. Мы с Жуковым молча проводили его глазами. Борис Борисович уже крепко спал.

Луна, огрэмная, красновато-оранжевая, с таинственными знаками посредине, идеальной округлости, предельно созревшая, выплыла с той стороны, где стояли черные глухие леса. Миллионы раз она всходила над землей, но мне показалось сейчас, что она взошла впервые, — как подарок тем, кто не спит в эти часы.

Море теперь приняло оранжево-серебристый оттенок, будто настоенное на лунном свете.

Откуда-то с простора лунного моря, им режденные, донеслись звуки песни. В них было ликование соловья, стон кукушки, воркование голубя, журчание ручья в ночи, шедест листьев на заре, шопот любимой, исповедь счастливого сердца, весенний гром. Цел только один человек, а нам казалось, что пела жизнь, ее самые прекрасные голоса. И самое волнующее было то,

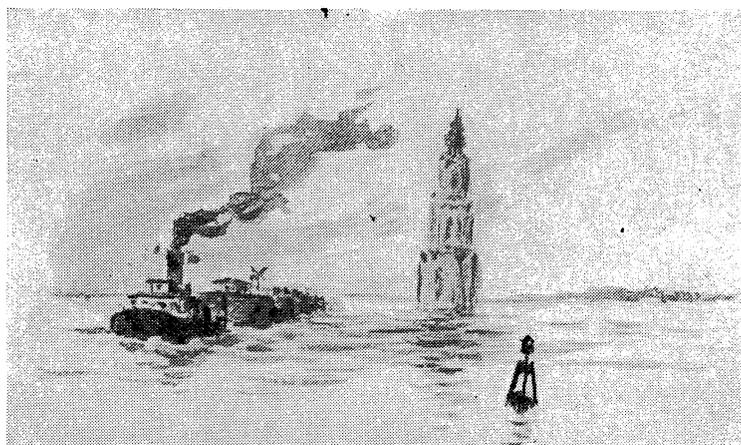
что в песне, звучащей над лунным морем, чудилось мне все то, что недавно рассказывал Жуков, — как волгостроевцы создавали Рыбинское море.

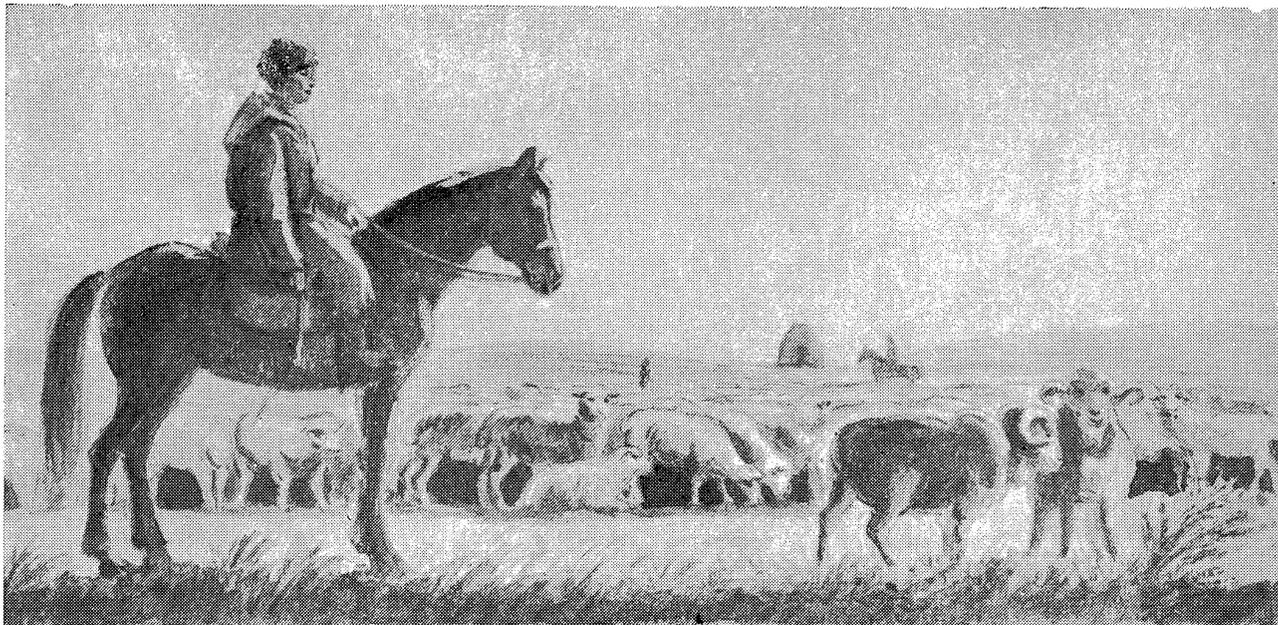
Песня исчезла, а мы еще долго, в полной тишине и неподвижности смотрели в ту сторону, откуда доносились ее звуки, и томительно ждали, ждали...

Рано утром, едва рассвело, мы покинули обетованный островок и молча, в тишине, еще полные ночного очарования, взяли курс на маковку колокольни затопленного женского монастыря, выглядывающую из воды чуть правее Мологи.

Колокольня! Из ее башни до самой воды спускалась веревочная лестница. Я первым, с сильно бьющимся сердцем, поднялся наверх, заглянул через проем в башню. На ее кирпичном полу, на душистой оханке сена, покрытой плащ-палаткой, лежал человек с седыми висками, загорелый почти до черноты, с ярким юношеским ртом, жестоко обветренным. У его изголовья стояло полотно, натянутое на раму. Полотно еще было недописано, но я узнал на нем, почувствовал черты вчерашней лунной ночи на море, овсяной песни. Да, утверждаю, краски неизвестного мне художника не только светились, но и пели. На площади холста, величиной в полтора квадратных метра, были изображены только плотина, белоснежно сверкающая в лунном свете, монументальные башни двухкамерного шлюза, перекидные мосты через канал, сияющий огнями дворца электричества — гидростанция — и уходящее в бесконечную перспективу лунное море, — только это было изображено на холсте, а я чувствовал в картине весь прекрасный мир, творимый нами повседневно.

Мы тихо, чтобы не разбудить художника, спустились по веревочной лестнице вниз. У подножья колокольни, в ее среднем проеме, мы нашли лодку. Я написал ее хозяйню коротенькую записку со словами благодарности за то, что он рассказал нам, как творится на нашей земле прекрасное. Записку я оставил в лодке, после чего мы двинулись в дальнейшее путешествие.

НА ЧЕРНЫХ ЗЕМЛЯХ

В. ПЕРЦЕВ

Рис. Б. Берендгофа

1

— Разрешите-ка мне один вопрос? — поднялся с места Цымбал.

— Пожалуйста, — сказал председатель и постучал карандашом о графин, призывая к тишине.

Цымбал скинул трех, который закрывал ему не только голову, но и шею и уши, и неповоротливо выбравшись из тесно сжатых рядов.

— Хорошо! А ежели, скажем, по приплоду все честь честью, а все сто, а по шерсти недовыполнение? Тогда как же? — спросил он.

— Тогда — всё, — коротко ответил докладчик и пожал плечами, подчеркивая, что в этом случае уже теряется право на награду.

Ответ был ясным, тем не менее Цымбал, не удовлетворившись им, продолжал стоять, очевидно подыскивая слова для возражения.

Шло многолюдное собрание. На нем присутствовали чабаны, гуртоправы, табунщики, доярки, зоотехники и ветеринарные врачи: словом, все основные животноводческие кадры совхоза. И потому небольшой совхозный клуб был доотказа переполнен.

Обсуждался Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда и награждении орденами и меда-

лями СССР колхозников, работников совхозов и конных заводов за достижение высокой продуктивности животноводства.

По выходу ягнят все у Цымбала складывалось хорошо, но вот по шерсти он недополучил к плану от каждой овцы по 37 граммов, и это задевало его. Сейчас он злился и хотел высказаться: не все зависит от него — от чабана.

— А почему же это так?.. — начал было Цымбал. Он хотел сказать, что за недостриг шерсти должен отвечать зоотехник фермы. Кто же, как не он, навязал Цымбалу для зимовки такое сено? Не сено, а одна клетчатка! Почему не давали концорма¹? Разве от него, от чабана Цымбала, с его молодежной бригадой все зависело? Слов нет, был он молодой чабан, но все же за это время кое-чего достиг по уходу за овцами. Не зря же ему доверили семьсот голов первоклассной матки, отборной по возрасту и настригам шерсти! Правило такое: дашь лучших кормов — получишь больше шерсти; упустишь равномерное кормление — не только плана не выполнишь, но и сведешь к браку шерсть. Может образоваться голодная тонина, перехват...

¹ То-есть концентрированного корма.

И Цымбал высказал бы все, что назрело в душе, если бы не переби-ли его. Не успел он слова сказать, как сидевшая в заднем ряду птичница тихонько хихикнула и зашипела:

— Отчего, да почему, да по какому случаю?.. Не кругло — вот и все!..

Тут Цымбал обиделся. Глянул на нее огненным взором, но ничего не сказал и сел.

А собрание продолжалось. В конце зачитывали показатели: кто каких достиг за истекший год. Затем принимали обязательства на лучшую зимовку и сохранение поголовья, но Цымбал сидел молча, неподвижно и, казалось, ко всему был равнодушен.

В глубине души он был задет за живое. Кому бы, как не ему, в совхозе носить золотую звездочку? Выше его и показателей нет. Но вот быть же такому случаю!..

Думы эти мучили его не с сегодняшнего дня. Они стали еще чаще навещать молодого чабана с того самого времени, когда он услышал, что есть Указ, так высоко оценивающий работу чабанов. И чем тщательнее он перебирал в памяти события прошедшего года, тем яснее становилось, что все сводится к кормам и к той оплошности, какую он допустил осенью.

В момент закрепления за отарами

овец к Цымбалу приехал зоотехник фермы Ляненко. Зоотехник вытащил из бокового кармана записную книжку и назвал номера скирд, которые закреплялись за отарой Цымбала на зиму. Зная, что в большинстве из этих скирд сено старое, недоброкачественное, осеннего укоса, Цымбал возразил:

— Да разве же это сено? Топливо!..

Зоотехник снова положил в карман записную книжку и сухо ответил:

— Косил бы себе хорошее, что я тебе — от молодняка оторву?

Сказал — и уехал.

Цымбал сознавал, что доля правды в том, что сказал зоотехник, была, что отчасти со своей бригадой не принимал участия в заготовке кормов. Но разве ж у него было на это время? Ведь на плечах его бригады, кроме семисот маток, еще была тысяча ягнят. Ему и так работы хватало по горло.

Вспомнив все это, Цымбал не выдержал и сказал своему соседу Кургумбай, низкорослому широкоплечему парню с чуть-чуть рябоватым лицом:

— Не могу помириться, скребет вот тут.. Не сено принял, а шут знает что, одну клетчатку!

Кургумбай не выразил сочувствия Цымбалу, только посмотрел на него открытым взглядом и, улынувшись, заметил:

— А у меня неплохо получилось, даже совсем хорошо, — большую получил премию за перевыполнение настрига шерсти.

Оба они — и Цымбал и Кургумбай — чабаны молодежных бригад, оба комсомольцы. Цымбал помоложе, а Кургумбай уже побывал на фронте и вернулся из армии по демобилизации. Но у Цымбала была отара маток, а у Кургумбая — отара валухов, взрослых, выносливых, давших в среднем по семь с половиной килограммов шерсти на голову.

Кургумбай не мог даже представить себе, как можно содержать валухов в стойле, то-есть на сене, на основной территории совхоза. Каждый год он уводил свою отару в отгонные пастбища на Черные земли,

— А будешь писать? — переспросил Цымбал.

на подножный корм. И он ответил Цымбалу:

— А зачем ты держишь здесь свою матку? Туда пойдем. Там сена не надо, корму сколько хочешь.

Цымбал призадумался. Между тем собрание приближалось к концу. В заключительной речи директор совхоза сказал:

— Трудно нам придется в этом году, товарищи, трудная будет зимовка для нашего поголовья. Но мы не только никому не отдадим своего скота, а еще просить будем вышестоящие организации добавить нам тысячу пять овец. Опыт у нас есть. Мы их перетягиваем на Черных землях, а там запас необходимый уже создан. Перезимуют мы, товарищи, на подножных зеленых кормах и принесем оттуда и шерсти и жиру. Вот тогда тот, кто не поленится, будет отмечен наверняка...

* * *

Вскоре на Черные земли были двинуты отары.

Из совхозной усадьбы, по дороге на юг, потянулись через железнодорожный переезд подводы, запряженные крупными, большерогими, красной масти волами. На многих из этих подвод, вздымаясь, как серые башни, стояли войлочные юрты. Были они такой вышины, что задевали собою телеграфные провода. Следом шли арбы с ларями, наполненными провизией. Под ними на цепях покойно шествовали мордастые, широ-

когурдые, звероподобные собаки-волкодавы. За арбами двигались подводы, груженные щитами, решетами, бочками, корытами. А следом, колыхаясь волнами, шли по той же дороге отары меринсовых овец, покрытых густой шерстью. Всего ухаживало пятнадцать тысяч голов и с ними семьдесят человек obsługi.

Среди чабанских бригад в этом году была и бригада Цымбала. Ведя на поводу лошадь, он шел рядом со своей отарой, широко расставляя ноги, часто покрикивая на рассыпавшихся овец. Одет он был по-дорожному: большие яловые сапоги, ватные брюки, фуфайка, поверх фуфайки — полшубок, а на полшубке — новенький брезентовый плащ.

Когда отара миновала главное здание конторы, Цымбал крикнул своему подпаску, шедшему по другую сторону отары, расторопному, смуглястому паренку:

— Ну, Илюша, теперь сам гляди. Выйдешь за железную дорогу и за поселок, отару развертывай. Не спеши — иди попасом, а я вас через пару часиков догоню. Смотри же, из виду не бросай подводы. Ночевать будем возле родников, что за селом.

Но прежде чем повернуть в контору, он постоял и долгим, внимательным взглядом посмотрел вслед удаляющимся от него подводам и отаре.

Вернувшись к конторе, Цымбал встретил птичницу Агафью Хрусталева, ту самую, которая «оборвала» его на собрании.

— Что, уходишь? — спросила она и виновато заулыбалась.

— А тебе что? — не без гордого задора ответил он.

— Ты на меня сердиться?

Цымбал задержался.

Глаза у птичницы, как тѐрен, черные, и в этой темноте глаз было что-то такое, что не давало места чувству обиды.

— Еще бы, оборвала прямо при всех... — пробормотал Цымбал.

Времени для разговора оставалось мало, но поговорить с птичницей было нужно, поэтому чабан поглядел сначала в смутно сереющую вдали степь, а потом на нее. Девушка стояла перед ним тоненькая, сухощавая,

и на остроносеньком лице ее, с ямочками на подбородке, не исчезало все то же беспокойное, чуть-чуть виноватое выражение.

Переминувшись с ноги на ногу, Цымбал, наконец, коротко бросил:

— Договор-то договором, а как проверять будем? Выходит, для формы?

Гаша, добрая от того, что Цымбал не запомнил зла, посмотрела ему в глаза и серьезно ответила:

— Только письмами, так посоветовали в рабочем комитете.

— А будешь писать? — уже тише, с какой-то таинственностью в голосе спросил Цымбал.

— Буду, — ответила Гаша и немного порозовела.

Теперь Цымбал уходил от нее не только без злобы, но и с каким-то непередаваемо восторженным чувством, легко и бодро, точно в жизни что-то прибавилось.

У коновязи, где уже стояло десятка два оседланных коней, он привязал свою кобылку и пошел в контору. К этому времени в кабинете директора уже собрались почти все чабаны, ухившие на Черные земли. Старший зоотехник Иван Артемович Крючков прикалывал к стене маршрут. Когда подошли последние чабаны — Джусенов и Ногин, Крючков сказал:

— Сейчас вы, товарищи чабаны,

поведете поголовье не старым маршрутом, каким ходили все время, а возьмете от него вправо. Разведка показала, что в районе старого маршрута все лето не было дождей, выпасы сухие и в колодцах мало воды, а сюда вот, вправо (он показал по карте), примерно в этой полосе, проходили дожди, корма зеленые и вода есть.

Цымбал, сосредоточив взгляд на кончике пальца старшего зоотехника, бегавшем по размалеванной карте, записывал в блокнот названия мест, колодцев, дорог.

Предстоял длительный и трудный путь. В нем было пятьсот километров, но так как намечалось отклонение от знакомого маршрута, прибавлялось примерно еще километров сто.

Цымбал до этого знал о Черных землях только понаслышке, от побывавших там чабанов. В географии те места, куда ходили зимовать, известны как Прикаспийская низменность. Это глухая, дикая полупустыня, где летом зной и бездожде, где бесконечно гуляют всеиссушающие ветры, вздымая рыжую мусть песков, забивая глаза и нос. Даже зверя и птицы в летнее время здесь не увидишь, так эти места мертвы и безжизненны. Но бывалые овцеводы знали, что примерно с середины осени там начинается вторая в году

веспа. Каждый год, ко времени прихода скота, пустыня меняла окраску: из рыже-серой становилась светлозеленой. Многолетние травы и полынь оживали. Тщачаковые кочки и житняки окрашивали ее в светло-зеленый цвет, а бело-синяя полынь придавала ей нарядность. Умеривались и ветры. Переставал дуть казавшийся бесконечным юго-восточный суховей, а установившаяся прохлада взбадривала степь, и на ее просторы возвращались ухившие от зноя обитатели. Тысячными табунами, под предводительством опытных вожаков, сходились сайгаки. Они шли от Сарпинских озер, с Кумы, с равнин Сала, и места эти вновь становились как бы заповедником.

А за этими тысячными табунами сайгаков, по следам их, шли стаями и в одиночку волки. Из камышей в песчаные буруны переселялась лиса, откуда-то появлялся заяц. Сюда же на зиму слетались дрофы.

Одновременно степь делалась людной. Истари установилось так, что крупные русские овцеводы и скотопромышленники, калмыцкие князья и казахские баи, ставропольские и сальские животноводы половину месяцев в году вынашали на этих обильных пастбищах свой скот. Но жадные к наживе скотопромышленники жили только заботой о сегод-

Тихое пламя сложенного из кизяков костра лизало дно казана, в котором варился бараний суп.

нашнем дне, они не создавали здесь запасов, подчас обрекая скот на бескормицу.

Не так поступают теперь наши люди, передовики животноводства. Уходя на Черные земли, советские люди готовят гарантийный запас кормов. Это сделал своевременно и совхоз.

* * *

И вот наступило время, когда Цымбал со своей молодежной бригадой стал кочевать по Черным землям. Ежедневно они проходили по 10—12 километров. Менялись места, менялись впечатления, вносилось разнообразие в ту однотонную жизнь, которая так знакома чабану, зимующему на месте.

В первое время хлопоты, ежедневно одни и те же, несколько портит настроение Цымбала. Подумать только: каждое утро надо было ладить транспорт, впрягать волов, ставить на место юрту, складывать инвентарь, а вечером все снова раскладывать да еще, вдобавок, подыскивать и добывать топливо. Особенно трудно бывало во время осенних дождей, которые как назло, казалось, сопровождали отару чуть ли не в течение всего пути.

По ночам донимали волки. За длинную осеннюю, как бездна темную ночь они делались особенно настойчивыми, а к утру их нахальство становилось прямо опасным. Окружив отару, они отвечали на собачий лай голодным воем и незаметно подкрадывались с подветренной

стороны. Требовалась особенная бдительность. Надо было менять охрану через каждые два часа.

Но потом Цымбал ко всему привык, как к необходимости, скажем, одеться, встав поутру. Мало того, стал замечать, что, простояв два-три дня на одном месте, он уже начинал скучать. Душа стремилась к новому и неизвестному.

Один перевал сменялся другим, и Цымбал жил сейчас тем, что скорее стремился узнать — что же за следующим перевалом? Но опять новый горизонт — и опять перевал. Насколько хватает глаз, пустая и жутковатая своим безмолвным однообразием степь, на которой и заметно только передвижение отар совхозного скота.

Уже три недели шел Цымбал по этим бесконечным степям. Сегодня вечер выдался тихий, звездный. Юрту Цымбал не захотел снимать с подводы. Он сидел у разведенного костра и глядел задумчиво в огонь.

По его соображению, из совхоза должна бы подойти скоро машина, да и селекционер, сопровождающий отары на зимовку, сказал ему, что должен кто-то приехать из руководящего состава для осведомления о ходе отар. Соскучился Цымбал по гулу машин, по кино, по радио, по свежим газетам.

Тихое пламя сложенного из кизяка костра лизало дно казана, в котлом к ужину варился бараний суп. Работавшая в бригаде арбичкой Шура Цимлянская, пристроившись на низеньком столике, здесь же, у костра, месила тесто для галушек

и лепешек, так как хлеб уже вышел давно. Глядя на красивую, статную девушку, Цымбал вспоминал другую — ту, с беспокойными, как тёрен, черными глазами, в которых для него было так много влекущего.

«Как это нехорошо вышло, — думалось ему, — даже не простился толком». Сначала поссорились, а потом не только помирились, но даже соревноваться стали. Она взяла обязательство получить от каждой пещушки побольше яиц, а он от каждой овцы — шерсти... Смешно, вроде — несерьезно... Узнав об этих условиях, бригада совсем было отвергла такое предложение.

Больше всех неистовствовал подпасок Илюшка:

— Какое же это соревнование — курица с овцой? Это птичница загнывает. Не подпишем договора, и все тут...

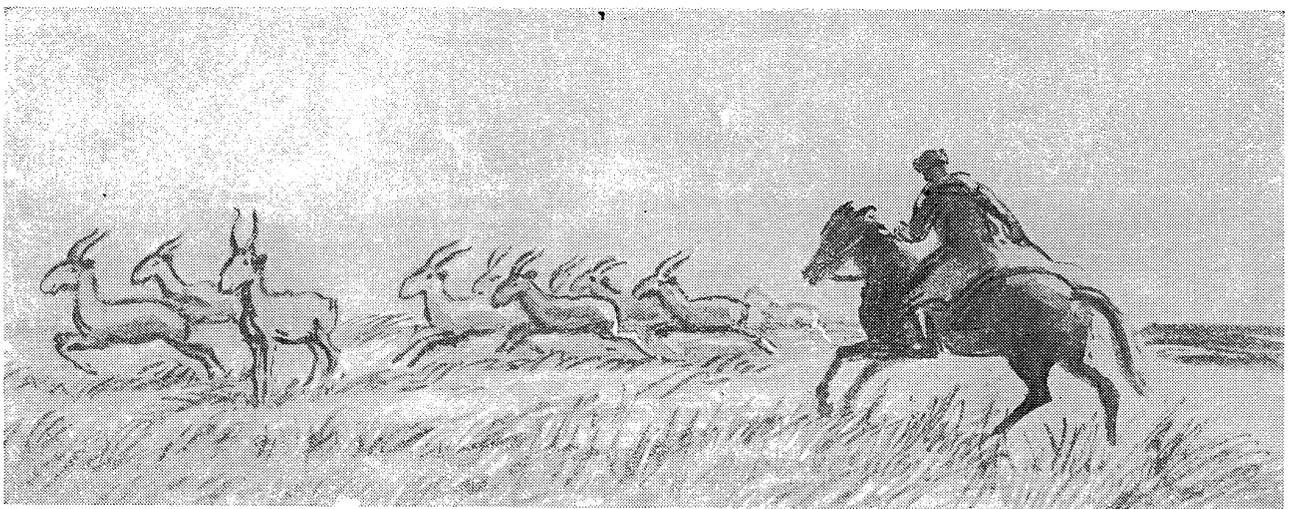
В таких случаях светлый пушок, покрывавший щеки Илюшки и верхнюю губу, еще более выделялся, а лицо темнело.

Пожал плечами Цымбал, навязываться не стал. Но затем их всех вызвали в комитет комсомола, и вопрос был решен. Обе бригады закрепили свои обязательства подписями.

«Что же она мне напишет? — продолжал думать Цымбал. — Так, по делу, официально? Про свейх курочек, или... Сразу же узнаю по письму».

Вдруг взволновались собаки, дежуривший Илюшка закричал громко и сердито, пугая волков.

Цымбал поднялся, отошел от костра. Еще не совсем погасла заря.

Цымбал припустился было за сайгаками.

Запад затухал медленно, и белесая полоса, темнея все более и более, подавалась к северу. Прояснилась Медведица. Не обращая внимания на взбаламутившихся собак, недалеко от костра беспечно и грузно опустился на землю вол и тяжело вздохнул, а совсем рядом хрустела сеном привязанная у телеги кобылица. Ее Цымбал никогда не отпускал, держал при себе на всякий внезапный случай и сено добывал ей из случайно попадавшихся скирд или накашивал на ночь свежей травы.

Цымбал хотел уже пойти к отаре, но увидел в темноте человеческую фигуру и остановился.

— Ух, как ты меня напугал, думал — волки, — сказал он подошедшему Кургумбаю.

— А, аман, — поздоровался тот, — какой же ты аксакал, какой же ты знаменитый животновод, если не различаешь, на кого собаки лают, на человека или на зверя?

— А ты где кочуешь? — пожмая руку Кургумбая, спросил Цымбал.

— Совсем рядом. А дальше Джусумбай, а потом Нога, — ствечал Кургумбай, поглядывая на очаг, у которого возилась Шура.

— Заходи в мой дом, гостем будешь, — предложил Цымбал.

— Хо, широкий твой дом!

У костра Кургумбай, прищурив глаза, сказал:

— Был у меня сегодня Анатолий Давыдович, хотел и к тебе проехать, но, видно, некогда, — поспешил вперёд.

— Ну, — хотел что-то спросить Цымбал, но Шура перебила:

— Что же, не слышно, не придет машина из главной?

Кургумбай посмотрел на нее долгим взглядом.

— Это тебя так интересует?

— Очень даже. А ты не шути, правду скажи.

Вместо ответа Кургумбай вытянул из-за пазухи шубы книжку: «Курс овцеводства» Иванова, и обратился к Цымбалу:

— Петро, учиться будешь?

— Где ты взял?

— Хо, Кургумбай запасливый, — в библиотеке совхоза. Ты серчал, когда тебя Гаша на соревнование вызывала, она как раз и натолкнула меня на это. Показала она мне книж-

ку с петухом — говорит: пусть Петька не гордится, все равно переголю. Он, говорит, на свою силу надеется, а я по-научному.

— Цыплят по осени считают, — невозмутимо и не теряя своего достоинства ответил Цымбал, но тут же достал кисет и закурил.

Где-то недалеко завыл волк, тонко, визгливо, вызывая тоску. На его вой шенок, лежавший у костра, ответил звонким лаем. Собаки молчали. За ними была здесь сила, и они вели себя спокойно.

— Инь, запел, дьявол, — сказал Кургумбай, прислушиваясь к вою волка. Потом, обернувшись к Шуре, преодолевая робость, добавил: — Надумал я поступить заочником в зоотехнический техникум. Хотите по вечерам заниматься вместе?

— А отчего же не со своей бригадой? — тихо спросила Шура.

— Я хочу с вами.

* * *

В дороге прошел весь октябрь. В первых числах ноября перевалили через Утинский бугор с песчаной зыбкой верхушкой, издали желтевшей, как горб верблюда. Когда отара перешла через старый тракт, соединяющий город Степной с Астраханью, в отаре Цымбала произошло несчастье. Внезапно заболели три овцы, и притом — все отборные, все записанные в Государственную племенную книгу.

— Ветеринара надо, — в раздумье сказал Цымбал. — А ну, Илюшка, скажи по отарам, может, найдем его.

Однако пока Илюшка мостился на кобылу, вдаль показался одинокий всадник, и Цымбал замахал ему палкой.

Подъехал селекционер колхоза Анатолий Давыдович Калесник, до неузнаваемости обросший, словно постаревший.

— Что у вас тут стряслось? — спросил он, слезая с коня.

— Да что, всю дорогу шли благополучно, а тут — на тебе! — пожаловался Цымбал.

Шура, натирая живот и бока больной матке, жалбно причитала:

— Лежи, лежи, Манечка. Что же это на тебя навратилось, моя серденная? Животик заболел?..

Матка лежала, вытянув ноги и

откинув назад голову; от мучительной боли она стонала, закатывая под лоб глаза, живот у нее раздуло. Здесь же, опустив низко головы, стояли еще две овцы, тоже со вздутыми животами.

С минуты на минуту положение становилось все тревожнее. До надежды можно было и не допустить — прирезать. Но ведь это же не выход!

— Вот посмотрите, Анатолий Давыдович, не зараза ли какая? Эх, горе какое...

Селекционер оцупал живот, уши и, подумав, спросил:

— Рано тронулись с тырла?

— Чуть свет.

— Понятно. У них темпанит. Трава жирная, к тому же роса не спала. Недоглядели. От недогляда, товарищ Цымбал, произошло.

От слов селекционера Цымбала бросило в пот.

Он вспомнил, как недавно, когда они были километров за семьдесят отсюда, занемогла старая матка. Скорый на решения молодой веттехник Конопля заметил по этому случаю подпаску Илюшке:

— Охота тебе с ней возиться, прирежь, не жить же ей два века!

Но Цымбал не согласился, положил матку в арбу, вез всю дорогу. На стоянках пускал ее на траву или из запасов бригады подсыпал зерна. Вся бригада радовалась, когда матка выздоровела, а тут — на тебе — сразу три, да еще от недосмотра! Ведь это же позор, позор для всей молодежной бригады и для комсомольской организации, пославшей их сюда; какими теперь глазами смотреть на директора?

— Вот оскандалились. Неужели же нельзя помочь? — спросил Цымбал упавшим голосом.

— Попробуем, — сказал селекционер и, сняв куржум, сталковыряться в дорожной аптечке.

До этого казалось Шуре, что он был строг, а его большие, в роговой оправе очки точно отгораживали его от людей и наводили страх. Но сейчас она поняла, как близко принял к сердцу этот пожилой человек все их волнения, их беспокойство за судьбу совхозного добра.

...Когда горе миновало и овцы были спасены, Шура в умилении заявила селекционеру:

— Вот как бы вы были бриты, дядько Только, я бы вас за щеки расцеловала.

— От кого, товарищ директор?

А счастливый Анатолий Давыдович, вытирая пот, отвечал:

— Я и ехал за тем, чтобы вас обрадовать... Ведь мы уже пришли на свой участок и тут будем зимовать. Это место называется Цанцык, а в тех вон бурунах — колодец. В нем еще никто не выбирал воды.

— Значит, на жилу подводную напали? — заключил Цымбал.

— А туда вот, в противоположную сторону, к югу, колодец Харцагули, тоже на нашей земле. Отсюда примерно километров восемнадцать-двадцать будет. Главный штаб зимовки на восток километрах в восьми. Вы остановитесь у колодца, место там обжитое, все лето бригада сенокосная стояла. Кизов там целый скирд. Хаша¹ новая, там же для вашей отары и пункт искусственного осеменения.

Цымбал пожелал немедленно выехать на место стоянки. Дав указания бригаде, он сам взлетел на кобылицу и заторопил селекционера.

Солнце уже клонилось к обеду. День выдался теплый, тихий, точно майский. К югу, к солнцесклону, на траве лежали белые нити паутины, направо и налево — скирды сена. Когда всадники поднялись на возвышенность, они увидели большую четырехугольную хашу, черной рамой лежавшую у котлована.

¹ Х а ш а — загон для овец, четырехугольная или овальная загородка из сена.

— Это она? — нетерпеливо спросил Цымбал.

— Нет, это не твоя. Это Кургумбая. Твоя вон за этим бугром.

— Значит, опять вместе?

— Да, километра два, не дальше.

При воспоминании о Кургумбае Цымбал придерживал разгоряченную кобылицу.

— Анатолий Давыдович, а Анатолий Давыдович!

— Ну?

Но в это время показалась будущая стоянка Цымбала. Хаша, таким же прямоугольником, как и у Кургумбая, занимала северную часть огромного песчаного котлована. Внизу колодец с высоким журавлем, торчащим кверху, как ствол зенитки; рядом с хашей домик с побеленными стенами — пункт искусственного осеменения, а чуть подалее — землянка.

Цымбал обрадовался, заторопил лошадь.

В это время наперерез им показался огромный табун сайгаков. Он шел под водительством высоконогого красавца-рогали. Завидя их, Цымбал восторженно заулюлюкал, замотал руками и ногами и, подгоняя лошадь, кинулся к табуну. Сайгачье стадо сначала настороженно посмотрело на всадника, а потом всколыхнулось и, набирая скорость, с гулом пронеслось поперек его пути и так же стремительно исчезло за перевалом, как и появилось.

Цымбал припустился было за сайгаками, но скоро отстал и вернулся.

— Ну, ну, Петр Иванович, ты что-то собирався сказать мне, продолжай, я слушаю, — сказал селекционер.

— Да это я, Анатолий Давыдович, так, попустому. Приходил один раз к нам в бригаду Кургумбай и говорит: «Собираюсь техникум заочно кончать». Ну мы, конечно, поспеялись. Какая же тут учеба, в такой глуши? Но есть у меня и более серьезный разговор. Мы вас только и поджидали, чтобы поговорить по такому случаю. Расскажите вы мне, что должна делать моя бригада, чтобы побольше набрать от овец шерсти?

Некоторое время селекционер ехал молча, и Цымбалу показалось, что он не расслышал вопроса. Но тот заговорил как-то вдруг и, что больше всего удивило Цымбала, начал не с основного вопроса.

— Хорошо, постараюсь ответить, — сказал он. — Однако мне не понравилось, что вы смеетесь над Кургумбаем, и по этому случаю я хочу тебе напомнить одну старую пословицу: «Смеется тот, кто смеется последним». Кургумбай правильно поступает, и ему, конечно, надо помочь. Вот ты мне сейчас задаешь вопрос: как получить больше шерсти от овцы? Ты правильно ставишь такой вопрос, но спрашивается: разве же можно достичь серьезных

успехов, не зная хотя бы элементарных правил по уходу и содержанию животных? Над вопросом, что ты задавал, не один только ты думаешь. Весь коллектив, от директора до чабана, стремится к тому, чтобы, с одной стороны, удешевить затраты на содержание поголовья, с другой — повысить настриг шерсти. Все опыты по воздействию различными кормовыми рационами на рост шерсти по тонкорунному поголовью велись пока только при стойловом содержании овец в зимний период. Многие здесь еще неясно. Правда, каракулеводческие совхозы, независимо от запасов кормов, выгоняют на зиму свое поголовье на Черные земли. Давно известно, что ценнейший смушек получается от того каракульского ягненка, который рождается именно в грубых условиях. Но как мало еще у нас точного, проверенного опыта, знания! Ведь мало знать, что волос, то-есть вот это самое шерстяное волокно, по своему составу является протениновым образованием, что составляющий его каротин... Да, впрочем, зачем я тебе об этом говорю...

Слушая Калесника, Цымбал смущенно краснел. Сейчас он с особенной остротой ощущал необходимость в учебе.

— Ты слышал про такого ученого, Мичурина? — спросил селекционер.

— А как же, это тот, именем которого город зовется?

— Ну да. Так вот Мичурин говорил так: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». Работы русских животноводов Иванова и Булепова показывают, что важнейшим условием, действующим на развитие животного в желаемом направлении, является питание. У наших передовиков-новаторов в этой области уже накопился большой опыт. Возьми, к примеру, совхоз «Караваяво». Там добились рекордного удоя от коров и вывели новую породу, которая называется сейчас «костромская». Почему им это удалось? А потому, что они применяли научные способы воздействия на природу животного.

Наша с тобой задача в том и заключается, чтобы взять от природы все, что мы найдем в наших условиях полезным...

* * *

В конце декабря в степи вдруг загудели машины, и тут же по всем хатам стало известно, что на зимовку приехал директор совхоза. На второй день он объезжал отары.

Обойдя выпасы Цымбала, он спросил у него:

— Что, все время на одном месте пасешь?

— Все время.

— А у Кургумбая бываешь?

— Чуть не каждый день.

— Не верю.

— Почему же, товарищ директор?

— Потому, что ты не видел его выпасов. Он уже три раза места стоянки менял, и у него что ни валух, то целая козна шерсти. Волокно уже по восемь сантиметров длиной.

Цымбал смутился.

— Подумай хорошенько, товарищ Цымбал. Надо делать все, что возможно, не забывая про обязательство. Впрочем, извиняюсь, тебе письмо.

— От кого, товарищ директор?

— А как ты думаешь?

Цымбал покраснел, но директор этого не заметил и полез в полевую сумку.

— От нее, Петр Иванович, от нее, от того, с кем соревнуешься. — Потом обратился к селекционеру и

добавил: — Какая же она молодчина, ей-богу, какие порядки завела! В декабре, в лютые морозы, у нее куры несутся!..

Цымбалу вдруг сделалось жарко, и он вытер выступившую на лбу испарину.

...Вечером Цымбал держал речь перед всей своей бригадой, рассказал о беседе с директором и в заключение подчеркнул:

— Так и сказал: «Твоя молодежная бригада в этом году должна взять рекорд».

На следующий день отара уже ночевала на свежем тырле, и вся бригада допоздна возилась с устройством защиты. В мерзлую землю с помощью ломов и кувалд бивали кольца, к ним крепили походные ветрозащитные полотна из тяжелого брезента. С противоположной стороны были расставлены одна за другой арбы с наложенным на них сеном. Таким образом, полностью все тырло замыкалось в кольцо. Можно было бы и не спешить с этим делом, но ночь выдалась какой-то полонизательной, тихой и пасмурной, и потому Цымбал, поглядывая на сумрачное небо, прислушиваясь к тишине, торопил бригаду.

В ту ночь он уснул крепко, как убитый, тем тяжелым сном, который бывает только в пасмурную погоду у намаявшегося за день человека. Но спал он недолго. Примерно в полночь его растолкала Шура:

— Петр Иванович, вставайте... Да проснись же, слухай, шо на дворе рббится, света белого не видно!..

Цымбал открыл глаза, прислушался. От сильного ветра, как испуганная кобылица, дрожала юрта, и казалось, что ее вот-вот поднимет и унесет. Он вскочил, наспех надел шубу, выглянул наружу. Ветер хлестнул его по лицу холодными хлопьями снега. Чабан невольно попятился, поняв, что случилось то, чего он боялся на протяжении всей зимовки. Нежданная зима могла принести с собой непоправимые бедствия.

Следовало одеваться медленно и потеплее, но в юрте было темно.

Его встретила сплошная лавя бурлящего снега...

— А почему фонарь не горит?— спросил он Шуру.

— Потух, а засветить нечем. Спички отсырели, хай им тряся. Чиркаю, чиркаю, всю коробку испортила...

Дело было весьма серьезное. Цымбал ощупью искал одежду. Сначала фуфайка, затем шуба, поверх плащ. Завязал у подбородка трех, да еще сверху накрылся капюшоном, обвязался шарфом и подпоясался. Одевался он не спеша, зная, что уходит не на один час. Наконец натянул меховые рукавицы, еще раз прислушался ко все более свирепшему урагану и вылез наружу.

Кроме непроницаемой темноты, его встретила здесь силоватая лава бурлящего снега, который, как казалось Цымбалу, не шел с неба, а вырывался из бездны. Фонари все потухли, и он пробирался ощупью вокруг возов и брезента, охватывающего тыло.

— Николай, Илья! Где вы?

Однако кругом все так стонало, свистело, выло, что его голос растворялся в общем шуме.

— Эге-ге! Где вы?

— О-ой! — услышал он наконец. — Сюда давай! Брезент, колья повалило!

Часть кольев, поддерживавших брезент, не выдержав необычайного напора, рухнула у самой земли. Осла-

бевший брезент в промежутках между уцелевшими кольями еще больше ловил ветра, и от этого нагрузка на колья увеличивалась. Илюшка и Николай выбивались из сил, стараясь удержать брезент и создать защиту.

— Воза надо перетягать на ту сторону, метров за тридцать, — кричал Цымбалу в ухо Илюшка, — пусть и крутит там себе на здорье!

— Об этом уже поздно думать, давайте укреплять брезент, — решительно возразил Цымбал. — Беги за новыми кольями, носи ломы да кувалды.

Разыгравшийся буря метал и рвал все на своем пути. Порывы его подхватывали брезент, оголяли укрытые отары. Упав на брезент, Цымбал и Николай держали его, чтобы его совсем не унесло.

А отара уже сбилась к противоположной стороне, стремясь вырваться из огорожи и уйти под ветер. Особое старание проявлял в этом вожак, старый козел, и Шура, отколотив его палкой, прилагала все усилия, чтобы сдержать отару. Вырвутся овцы — пропало все. Гонимые ветром, разбредутся они по степи, и — поминать, как звали! — совсем уйдут или нарвутся на зверя...

Трудный был это день в жизни

Цымбала и его бригады, но ни одна овца у них не пропала. Отара была спасена.

* * *

...Как-то в воскресный день в середине лета проходило совхозное собрание. Оно было создано в честь большого события. За первое полугодие коллективу совхоза было присуждено сразу два переходящих знамени. Одно — ВЦСПС и Министерства совхозов СССР, другое — обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся.

Собрание проходило возле клуба, в молодом саду. Празднично одетые люди сидели на скамьях и с напряженным следили за докладчиком, который вот-вот должен был огласить итоги соревнования между бригадами за оба прошедшие квартала.

В передних рядах можно было видеть Цымбала в новом костюме, рядом с ним, плечо к плечу, птичницу Гану Хрусталева, потом Шуру из бригады Цымбала. Среди множества гостей в президиуме важно восседал Кургумбай.

Птичница легонько толкнула Цымбала локтем:

— Слушай, Петя, сейчас про наши молодежные бригады скажет.

— Из этого мы должны сделать следующий вывод, — продолжал между тем докладчик, — что

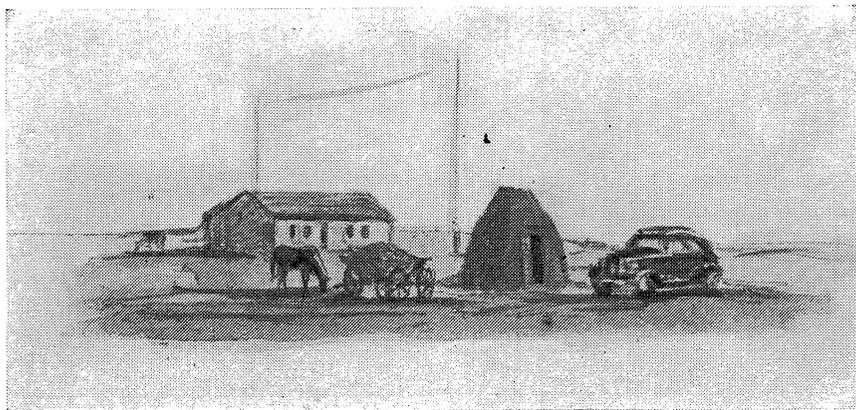

В воскресный день в середине лета проходило совхозное собрание.

зимовка овец на естественных выпасах при тебеневке значительно повышает продуктивность. Так, например: настриг шерсти благодаря этому у нас увеличился на девятьсот граммов от каждой овцы по всему стаду. Заметно поздоровело стадо и сократился до минимума отход поголовья. Кроме того, мы сэкономили на двести тысяч рублей кормов, и продукция наша получилась дешевле плановой. А теперь я должен остановиться на патриотическом движении наших молодых энтузиастов.

Два года тому назад по инициативе комсомольцев нашего совхоза были посланы на производство для укрепления животноводческих бригад несколько человек из молодежи. Вот их имена: птичницы Агафья Хрусталева, Мотя Скоробогатова, Нина Шушурнина; в чабанских бригадах: Кургумбай Айтикали, Медваева Роза, Сердюков Василий, Цымбал Петр, Гусев Илья, Иванов Николай, Цимлянская Шура. На производстве они добились больших успехов. Бригада Хрусталевой уже

выполнила на сегодняшний день план сдачи яиц. Бригада Цымбала получила от каждой сотни маток по сто тридцать три ягненка и от каждой головы шесть килограммов семисот граммов шерсти. Бригада чабана Кургумбая от отары валухов получила с каждой головы по восемь килограммов шерсти. Эти товарищи заслужили того, чтобы представить их к правительственной награде. Я думаю, что молодежь нашего совхоза будет и впредь среди энтузиастов нашего производства...

ЭКСПЕДИЦИИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Экспедиция Института этнографии Академии наук СССР работают в текущем году в самых разнообразных уголках страны: в районе Онеги, в Дагестане, на Западном Урале, на Алтае, на Дону и ряде других мест. Комплексная экспедиция археологов и этнографов продолжает в Средней Азии раскопки большого Хорезмского дворца. Один из отрядов этой экспедиции работает в бассейне Нижней Сыр-Дарьи.

Этнографы знакомятся с жизнью и трудом среднеазиатских колхозов. Материалы, собранные ими отчасти уже в прошлом году, ярко говорят о тех грандиозных изменениях, которые произошли при советской власти за последние два десятилетия в хозяйстве, культуре и быте народов Средней Азии.

*

Обширные материалы собрала в 1948 году сталинградская фольклорная экспедиция. В Подтековском и Ново-Анненском районах ею записано пятьсот песен и около восьмисот частушек, посвященных труду и быту колхозной деревни, много сказок и музыкальных мелодий. Эта работа продолжается и в текущем году. Другая экспедиция вела работу в Архангельской области — в бассейне реки Онеги и районе Кен озера. Ею составлены монографии о нескольких колхозах. Побывали этнографы также в киргизских колхозах Тянь-Шаня, Таджикистана, Ферганы, Коми-Пермяцкого национального округа. Такой же характер носит работа этнографических экспедиций и в текущем году.

*

Несколько экспедиций работает сейчас в Чувашии. Среди них этнографическая впервые проводится здесь за несколько последних лет. Археологическая экспедиция продолжает на

чатое в 1948 году изучение городища близ села Большая Тойба. Другая археологическая экспедиция продолжает обследование древних могильников в разных районах Чувашии. Говоры чувашского языка будут изучаться особой диалектологической экспедицией.

*

Интересные научные наблюдения на западном побережье Каспийского моря, в Ленкоранском и Масальском районах провела научная экспедиция, в состав которой входили ученые Азербайджана и Литвы. Экспедицией производились наблюдения за поведением птиц, прилетающих сюда на зимовку из Западной Сибири и Средней Азии.

*

Экспедиция по изучению режима вод Каспия, организованная Институтом океанологии Академии наук СССР, так называемая Кайдакская, впервые применила опыт комплексной исследовательской работы на самолетах. Опыт этот дал положительные результаты.

Кайдакская экспедиция подробно обследовала положение береговой черты Северного Каспия, его гидрологический режим, грунты и т. д. Экспедиция установила, что заливы Комсомолец и Кайдак в настоящее время не имеют сообщения с морем и отделены от него по линии Прорва—Новопоздновое острова. Только летом при сильных моренах сюда возможен временный нагон воды. Экспедицией собран богатый научный материал. Работа экспедиции продолжается и этим летом.

Применение самолетов дало возможность обследовать районы, которые вследствие своей

мелководности недоступны ни с суши, ни с моря, — разве только в суровые зимы, когда вода сковывает лед.

*

Экспедиция Совета Академии наук СССР по изучению производительных сил совместно с Академией наук Казахской ССР проводит работу по изучению земельных фондов, пригодных для расширения орошаемых площадей, и разработке мероприятий по внедрению травопольной системы земледелия на орошаемых полях, которая позволит значительно поднять урожайность хлопчатника и соответствующих ему культур.

Экспедиция комплексная. В состав ее входят десятки специалистов: почвоведы, геоморфологи, ботаники, гидрогеологи, агрономы, инженеры-мелиораторы.

Круг вопросов, над которыми будет работать экспедиция, широк. В частности, ей предстоит разработать мероприятия по внедрению правильной системы обработки почв, комплексной механизации сельскохозяйственного производства, созданию лесных полос и т. д.

*

Научные экспедиции Института истории материальной культуры имени академика Н. Я. Марра проводят археологическое исследование древнерусской деревни. Обширные раскопки начаты на местах древних поселений и крестьянских могильников Подмоскovie.

Продолжается изучение культуры и быта древнерусских городов: Новгорода, Пскова, Киева, Москвы, Старой Рязани, Старой Ладого, Мурома, Вологды и др. Собранные материалы будут использованы для создания монографий: «История Великого Новгорода», «Древний Псков в свете археологических данных», «Древний Киев».

Вестники из межпланетного пространства

Акад. В. Г. ФЕСЕНКОВ

Изучение метеоритов имеет большое научное значение. Советские ученые, используя богатейшую в мире коллекцию метеоритов, собранную в нашей стране, сделали ряд крупных открытий. Работу по изучению метеоритов возглавляет академик В. Г. Фесенков, председатель Комитета по метеоритам Академии наук СССР. Ниже мы помещаем запись беседы академика В. Г. Фесенкова с нашим сотрудником.

В этом году советская наука отмечает двухсотлетний юбилей даты, сыгравшей большую роль в обогащении наших знаний о строении вселенной.

Двести лет назад, в 1749 году, в Сибири, в районе Енисея, был найден первый крупный метеорит, получивший впоследствии название «Палласова железа». Этот метеорит, весом в сорок два пуда, был доставлен в Петербург путешествовавшим по Сибири академиком Петром Симоновичем Палласом и положил основание метеоритной коллекции Академии наук СССР. Эта коллекция насчитывает свыше пяти тысяч образцов метеоритов, общим весом свыше семи тонн, и является крупнейшей в Европе.

ДЛЯ ЧЕГО ИЗУЧАЮТ МЕТЕОРИТЫ

Нак известно, метеориты — это единственные космические тела, которые могут изучаться в наших земных лабораториях. До тех пор, пока мы не имеем еще возможности осуществлять научные экспедиции даже

на самые ближние планеты, мы вынуждены судить о них только путем наблюдений, посредством астрономических приборов и теоретических рассуждений. И лишь метеориты, падающие на землю из межпланетного пространства, позволяют нам непосредственно изучать строение небесных тел, отстоящих на миллионы километров от земли.

Однако еще в конце XVIII века в научных учреждениях Западной Европы самое предположение о космической природе метеоритов объявлялось нелепостью, а найденные метеориты уничтожались в силу своего рода научного вандализма.

Первым, кто убедительно доказал космическое происхождение метеоритов, был славянский ученый — член-корреспондент Российской Академии наук Эрнест Хладный. Внимательно исследовав структуру привезенного Палласом метеорита, Хладный убедился, что вещество его в корне отличается от всех известных на земле пород и не могло образоваться в земных условиях. Вопреки авторитетам европейских академий,

ученый установил тесную связь между явлением метеоров и болидов и падением метеоритов и высказал смелое предположение о возникновении метеоритов в результате распада небесных тел.

Намного опережая современную ему науку, Хладный писал о том, что, повидимому, «в природе существуют силы, достаточные для образования мировых тел или даже целых мировых систем, а также для их разрушения и для построения из материи новых тел».

Книга Хладного была напечатана в Риге в 1794 году и встречена насмешками со стороны западноевропейских ученых, стоявших на реакционных метафизических позициях. Большинство признанных немецких и французских авторитетов заявило, что гипотеза Хладного о космическом происхождении метеоритов является нелепостью и не заслуживает даже опровержения, что Хладный «отрицает весь порядок вещей и не взвешивает, какое зло он причиняет нравственному миру». Только русская Академия наук стала на сторо-

ну Хладного и поставила на научную основу изучение «Палласова железа» и других метеоритов.

Дальнейшее развитие науки подтвердило правильность предположений Хладного, и многие из высказанных им идей лежат сейчас в основе современных представлений о метеоритах.

Таким образом, русской науке, бесспорно, принадлежит приоритет в создании метеоритики — одной из важнейших областей изучения межпланетного пространства.

Наши ученые внесли огромный вклад в мировую науку, обогатив наши знания о вселенной многочисленными открытиями, основанными на изучении метеоритов. Достаточно сказать, что до сих пор на всем земном шаре найдено около тысячи пятисот метеоритов. Сто восемнадцать из них найдено на территории СССР.

Тщательное изучение метеоритов дает ученым неоценимый материал для расширения наших знаний о мире, лежащем вне пределов Земли. Так, например, исследование химического состава метеоритов подтверждает мысль о единстве материи во вселенной. Ряд содержащихся в метеоритах элементов, в частности сера, оказался по своему изотопному составу тождественным с нашими земными элементами.

Наблюдение и изучение движения метеоритов в верхних слоях земной атмосферы дает нам данные о характере тех слоев атмосферы, которые удалены от земли на сто и больше километров и пока еще недоступны для непосредственного исследования.

Метеориты проносятся через атмосферу со скоростью, превышающей двадцать километров в секунду. Поэтому, изучая падение метеоритов, мы можем судить о поведении твердого тела при движении с такой скоростью, которая еще не достигнута в земных условиях и вряд ли скоро будет достигнута.

В составе метеоритов встречаются огромные кристаллы железа, достигающие десяти-двенадцати пудов. Получить такие кристаллы в земных условиях еще не удавалось. Изучать их строение мы можем только в метеоритах.

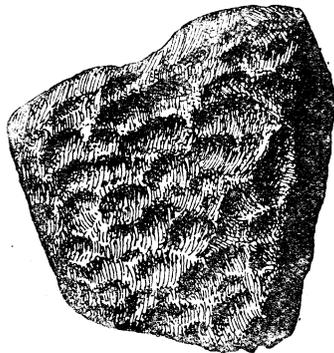
Недавно в Москве состоялась первая Всесоюзная конференция по метеоритам. На конференции были подведены итоги изучения двух крупнейших метеоритов, упавших на территории СССР, — тунгусского и

Член-корреспондент Российской Академии наук Эрнест Хладный.

сихотэ-алиньского. Масштабы этой работы так широки, что ставят советскую метеоритику на первое место в мире.

Среди других докладов, сделанных на конференции, большой интерес представляет работа Л. Г. Квац, исследовавшей метеорит «Старое Борискино», упавший 20 апреля 1930 года в средневожжской области. В составе этого метеорита впервые удалось обнаружить так называемую «связанную воду». Это открытие позволяет предположить, что если данный метеорит является обломком какой-то распавшейся планеты, то на этой планете имелась вода, существовала вулканическая деятельность и что эта планета по своему типу приближалась к Земле. Таким образом, благодаря изучению ме-

0 5 см

Углистый метеорит «Старое Борискино», в котором обнаружена «связанная вода».

теоритов мы имеем уже непосредственное доказательство единства вселенной.

Всю работу по розыску, сбору и изучению метеоритов возглавляет у нас специальный Комитет по метеоритам Академии наук СССР. В своей работе советские ученые широко опираются на помощь населения. Сотни людей самых различных профессий оказывают исследователям неоценимую помощь.

ИСТОРИЯ «ПАЛЛАСОВА ЖЕЛЕЗА»

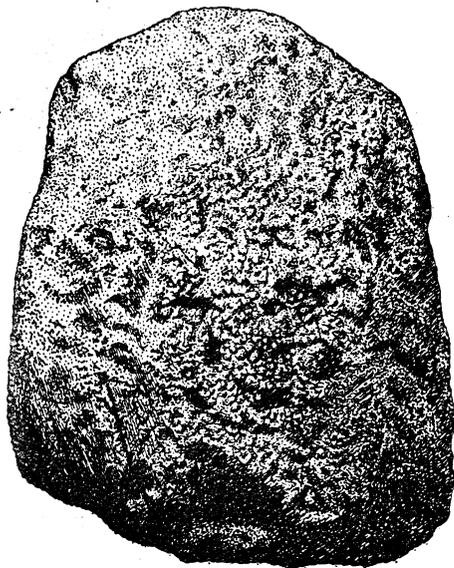
Это содружество ученых с населением имеет давнюю традицию. На метеоритной конференции был заслушан интересный доклад ученого секретаря Комитета по метеоритам Е. Л. Кринова об обстоятельствах, при которых было обнаружено «Палласово железо». Изучение архивных материалов показало, что находкой первого метеорита наша наука обязана любознательности заброшенных в глухой уголок пустынной в те времена Сибири любителей природы.

Первым, кто открыл «Палласово железо», был кузнец деревни Убейской, отставной казак Яков Медведев. Занимаясь в свободное время охотой, Медведев часто бродил в окружающих деревню лесах. Однажды он увидел на самой верхушке высокой горы, поросшей сосной и пихтой, глыбу плавленого железа, хотя поблизости не было никаких следов горных работ — ни плавильных горнов, ни шлака.

Заинтересовавшись необыкновенной находкой, Медведев при помощи односельчан с большим трудом перерез глыбу, весившую более сорока пудов, за тридцать километров в деревню Убейскую и хранил ее у себя на дворе.

Вторым участником находки первого метеорита стал солдат татарин Якуб. По свидетельству академика Палласа, этот простой солдат проявлял глубокий интерес к поискам новых руд и сбору редких предметов и оказал ученому много услуг.

Завернув как-то к Медведеву, Якуб увидел у него на дворе необыкновенную глыбу и узнал об ее происхождении. Оценив важность этого открытия, Якуб отбил от глыбы несколько кусков и привез Палласу, а затем организовал доставку метеорита в Красноярск.

Железокаменный метеорит «Палласово железо» весом в 687 килограммов.

Отмечая двухсотлетие открытия первого метеорита, советские ученые с благодарностью вспоминают имена кузнеца Медведева и солдата Якуба — двух подлинных естественных испытателей из народа, вложивших свою долю в изучение природных богатств нашей страны и сохранивших для науки «Палласово железо».

НАХОДКИ УКРАИНСКИХ КОЛХОЗНИКОВ

В условиях советского государства, в котором наука тесно связана со всей жизнью народа, помощь населения ученым приобрела невиданный размах. Участник первой конференции по метеоритам Р. Л. Дрейзин рассказал в своем докладе, как украинские колхозники помогли разыскать и собрать большое количество частиц метеоритного дождя, упавшего 21 января 1946 года в Первомайском районе Одесской области.

Падение метеорита произошло около семи часов вечера. Уже смеркалось, небо было покрыто низкой облачностью. Внезапно все вокруг осветилось, словно от вспышки молнии небывалой силы. По небу быстро неся огненный шар, излучавший такой яркий свет, что слепило глаза. Слышался гул, как от приближения тяжелых самолетов. Затем раздался грохот взрывов. Земля вздрогнула, окна и двери раскрылись, будто при артиллерийском обстреле...

Вскоре в Украинскую Академию наук стали поступать первые письма

от очевидцев этого необычайного явления. Число писем возросло, когда местные газеты поместили обращение к населению о присылке подробных описаний явления, а по радио были переданы беседы о метеоритах. Вскоре не только стало ясным, что в Первомайском районе наблюдался болид, возможно, сопровождавшийся падением метеорита, но и можно было установить, что предполагаемым местом падения является район села Крымка.

Теперь надо было разыскать упавший метеорит. Научные организации снова обратились к помощи населения. П. изыв встретил живой отклик.

Прочтя в местной газете статью о розысках метеорита, колхозник селения Крымка П. А. Романюк собрал односельчан в колхозном саду, передал им содержание статьи и, рассказав о внешних признаках метеоритов, предложил собирать и передавать ему все необычные камни, которые могут встретиться при весенних полевых работах.

Уже через несколько дней начали поступать первые находки. Работавший в своем саду колхозник В. С. Теплицкий заметил в неглубокой ямке черный камень, словно обгорелый, и принес Романюку.

Так был найден первый экземпляр метеорита. Второй осколок нашел в тот же день сам Романюк. А затем число находок стало все увеличиваться.

В розысках метеорита приняло участие все население колхоза — от стариков до ребят. Пастух Г. И. Свинобой принес осколок, найденный им на лугу, в километре от села. Колхозник В. Ф. Вятковский разыскал крохотный осколок, весом всего в двадцать граммов, на лесозащитной полосе; колхозница Х. Л. Рупацкая — на пахотном поле; колхозни-

ца П. С. Бальнская — на винограднике. Приносили свои находки и школьники.

В течение трех лет колхозники не забывают об обещании, данном ученым. Они разыскали тридцать семь экземпляров метеоритов и помогли точно установить район и характер каменного дождя. Собранные осколки дали научным лабораториям богатый материал для исследований.

Наша родина обладает самой большой территорией из всех государств мира. Поэтому можно предполагать, что большинство метеоритов падает в наших степях, лесах и горах. Не случайно за всю историю науки наблюдалось только два падения крупных метеоритов и оба они произошли на территории СССР. Это упавший 30 июня 1908 года тунгусский метеорит, вес которого достигал приблизительно нескольких тысяч тонн, и крупнейший в истории метеоритный железный дождь, вывавший 12 февраля 1947 года в районе горного хребта Сихотэ-Алинь¹.

Хотя за год на Землю падает до тысячи метеоритов, значительное количество их остается необнаруженным, и наука лишается неопределенного материала для исследований.

Уже перед Отечественной войной Комитет по метеоритам имел около тысячи корреспондентов-наблюдателей во всех районах Советского Союза. Но нам нужно иметь друзей в разы больше, во всех самых отдаленных уголках нашей родины. Чем больше метеоритов будет к нам поступать, тем быстрее и успешнее сможем мы разгадывать тайны вселенной и обогащать нашу науку новыми достижениями.

¹ В районе падения сихотэ-алиньского метеорита работала специальная экспедиция Академии наук СССР. О работах этой экспедиции рассказал нашим читателям ее участник Е. Л. Кринов (см. «Вокруг света» № 11, 1947 г.).

М. БЕЛЯЕВ

Рис. В. Бродского

У РЫБАКОВ ЯПОНИИ

Дорога на полуостров Идзу. — Дом под бамбуковой крышей. — Нищие рыбаки — «арендаторы моря». — Думы рыбака Синдзаки. — В штормовом море. — Чего хотят американцы в Японии? — По дороге Токайдо.

В нескольких часах езды на юго-запад от Токио, как гигантский неуклюжий сошник, далеко врзается в Тихий океан полуостров Идзу, образовавший два залива; Сагами — с севера и Суруга — с юга. Далеко со стороны моря видны его негостеприимные берега. Высокие, скалистые, иссеченные волнами, они бесконечной неровной громадой круто выступают из воды. Резко выделяются над серовато-зеленой поверхностью океана их обнаженные известняки и граниты, местами к самой воде подступают низкорослые леса, и повсюду, где скалы снисходительно уступили место небольшому низменности, разбросаны бесчисленные рыбацьи поселки. Их низкие, некрашенные деревянные и редко каменные строения, выцветшие от солнца и дождей, мрачные дощатые и черепичные крыши уныло однообразны и неприглядны.

Дорога на полуостров за маленьким городом Одовара начинает извиваться вдоль берега залива, а точнее — по скалам, у подножия которых кипят и пеняется белесые буруны, а справа нависают над нею внушительные глыбы гранита, сверху поросшие призе-

мистыми соснами. Там, где откос делается положе, террасами расположились небольшие поля мандариновых деревьев. Кое-где попадаются «хара», или «горные луга», однообразные и тесные, покрытые травами, деревьями и кустами. Гигантские криптомерии, достигающие тридцати-сорока метров в высоту и двух в поперечнике, широколистый бук, японские кипарисы — «хиноки» — теснятся на горных кручах, сползают в ущелья и горные долины. Дорога уходит дальше — к «великому рву» — мощной линии разлома земной коры, пересекающему остров Хонсю.

Сегодня неизменный гид и переводчик Ханакисан предложил нам съездить к его старому знакомому, рыбаку Синдзаки, на полуостров Идзу, изобилующий горячими источниками и курортами.

Свернув с дороги и проехав восточные «ворота» к Идзу — курорт Атами, мы добрались до поселка, где живет Синдзаки. На узкой отмели под навесом гранитных скал я увидел десятка три рыбацких домов... Впрочем, слово «дом» навряд ли подходит к большинству из них: это шалаши и полутемные амбары, собранные

из бревен и досок, прибитых к берегу океанскими волнами. Они вытянулись тесной вереницей, лишь узкая полоска наносного берега отделяет их от океана, который давно смыл бы все эти убогие постройки вместе с их обитателями, если бы сами люди не воздвигли из гранитных глыб и камней дамбу в три-четыре метра высотой. Поселок обрывается у берега глубокой бухты, далеко вдающейся в отвесные скалы, — дальше дороги нет.

Был отлив. На обнажившемся дне побережья залива копошились старики, женщины и ребятишки, разыскивая раков и крабов, моллюски, водоросли и прочее, чем богаты прибрежные воды Японии. Десятка полтора широких плоскодонных лодок, гребных и парусных, качались на высоких волнах; мрачные тучи громоздились на горизонте: к вечеру надо ждать шторма.

Мы прошли по берегу. Запах моря и водорослей, рыбьей чешуи и гнили пахнул навстречу. У каждого дома раскачивались натянутые на высоких бамбуковых шестах рыбацьи сети;

четверо японск потрошили рыбу под бамбуковым навесом сарая; маленькие дети при нашем появлении спрятались за кучи камня и глядели нам вслед, пока мы не подошли к доу Синдзаки. Он стоит на каменистом выступе берега, открытый всем ветрам, кроме южного. Для защиты от них хозяин соорудил стену из камней рядом со стеной дома, обращенной к морю...

«Дом»!.. Он состоит из неровных горбылей, врытых вертикально в землю и увенчанных крышей из бамбука, поверх когорого лежат толстый слой дерна и два увесистых камня — чтобы ветер не унес в океан «хоромы» Синдзаки вместе с хозяином и его домочадцами. В доме потолка нет. Закопченные стропила поддерживают крышу. В дожди по толстым бамбуковым палкам стекает на стены вода. В центре «дома» — хибачи (жаровня). Пища в холодное время года готовится в общей комнате, на очаге из камней, в теплое — на улице. В углу — постель из цыновок. Она, по-японски, на день не убирается, так как убирать ее некуда. Дверь в лачугу не запирается.

Вскоре кончился отлив. Пришли Синдзаки с женой и принесли добычу: двух каких-то моллюсков, рака и пучок морской травы. Увидев нас, они поклонились по-японски — в пояс, и пока Ханакки объяснял им цель нашего посещения, я рассмотрел Синдзаки. Лет около пятидесяти пяти, с морщинистым лицом, обтянутым кожей пергаментного цвета, с седыми волосами повыше ушей (остальное место на голове заняла лысина), низкорослый и шуплый, он совсем не был похож на тех «отважных» японских рыбаков, какими они изображаются в толстых японских романах. Может быть, море-кормилец давно уже и в многократной степени больше унесло у него сил, чем дало ему. Давно штормы и зимние холода со-

старли рыбака, а может быть, и не одно море...

Синдзаки угощал нас зеленым чаем без сахара и рассказывал о себе.

Когда ему было шестнадцать лет, море выбросило на берег труп отца, погибшего в осеннюю бурю. Море опрокинуло и урну с пеплом его матери, стоявшую у стены этого дома. Но он — рыбак и любит капризное море: в нем вся его жизнь. Только с каждым годом оно кормит все хуже и хуже, а в осенние и зимние штормы бушует попрежнему. Или рыба ушла от родного берега, или Синдзаки разучился ловить... Надо иметь обязательно большую лодку, хорошо бы с подвесным мотором. Но даже во сне никогда не снилось ему такое счастье. Моторными суденышками владеют только состоятельные рыбаки, но таких в их поселке только один — Иосивара, у которого работает двое батраков. Иосивара живет немного лучше, чем Синдзаки, хотя ездит ловить рыбу далеко от берегов и привозит добычи больше в три-четыре раза, чем он. У него, Синдзаки, утлая гребная лодка, давно отслужившая свой срок. И как она только держится на воде! Может быть, бог Эбису, покровитель рыбаков, спасает ее от потопления? Нет, давно уже разуверился в этом рыбацьем боге Синдзаки.

Как же решается он ходить в океан на такой лодке?

О, да ему все равно: жить или умереть. Не расшибуг в щепки его трухлявое суденышко штормовые волны — хорошо, расшибуг — не хуже: давно кажется ему, что пора отправляться к предкам, нет впереди просвета в жизни, силы и здоровье высосали солоная вода, ростовщики и налоги. А теперь еще хуже. Так худо, что хоть умирай. Теперь при новых американских хозяевах совсем не дают жить правительственные рыбопоставки. Крестьяне должны

сдавать больше половины урожая риса, а рыбаки — чуть ли не весь улов рыбы. Попробуй не сдай своего улова. Не сдал — тюрьма. Сотнями арестовывают рыбаков за невыполнение поставок. Синдзаки об этом очень хорошо знает. За примерами далеко ходить не надо: только вчера полицейский арестовал его старого друга, рыбака Начаеси.

— Что же, выходит, новые порядки не лучше старых?

Рыбак с укоризной взглянул на нас:

— Конечно, хуже.

До войны Синдзаки вылавливал в год центнеров 25 рыбы. Мало, конечно. Не было хорошей снасти. Теперь совсем плохо: больше 15—18 центнеров не добыть, потому что на плохой лодке далеко от берегов не уедешь. А тут еще долг ростовщику — Синдзаки всегда у него в долгу за сети, редьку, бобы. Здесь, на этом каменистом берегу, он не может иметь свой огород, все приходится покупать. Хотел он перед войной построить новую хижину, но взяли в солдаты сына — лов рыбы сократился, а налоги возросли. Как ни прикидывает он теперь, ни экономит, а для себя остается «скоси-скоси» (чуть-чуть).

Было бы больше рыбы!.. Но кому какое дело, что она не хочет итти в его дырявые сети, что здоровье его уходит с каждым днем, что скоро он будет не в состоянии выезжать в море! Вот и сегодня его знобит с утра, отказываются двигаться руки и ноги... Вся надежда на сына. Сын был в армии в Маньчжурии, кое-чему хорошему там научился. В прошлом году он репатрирован из Сибири. Много, ох, много рассказывает он о том, как хорошо живут советские русские. Им нечего бояться завтрашнего дня, не надо просить ростовщика об отсрочке уплаты долга, не надо унижаться перед старостой — они сами хозяева своей земли и своей жизни.

И сын не хочет мириться с тем, как живет он, его отец. Он вступил в крестьянский союз. А недавно, на собрании жителей своего поселка, звал всех вступить в союз, чтобы вместе всем бороться с хозяевами — рыбопромышленниками и торговцами. «Вместе легче и надежнее», — так сказал он. И еще рассказывал о забастовках и митингах, которые идут в городах Японии, — там рабочие борются за свои права и за демократию, против тех, кто не хочет ее.

— От него я слышал и о коммунистах. Много их теперь в Японии. Я толком еще не знаю, не понял, кто они такие, но знаю, как рассказывал сын, они — друзья нам... Вся надежда на сына. Может быть, он сделает свою жизнь лучше моей. Хотел бы я, чтобы вы увидели его, но он в море. Он хочет выловить больше рыбы и купить новую лодку. Но беда: после полудня будет шторм, как бы не перевернуло его лодку.

— Вы же состоите членом рыбацкой артели и вносите свой пай. Неужели она не может помочь вам купить новую лодку? — спросил Синдзакки мой спутник.

Рыбак с недоумением посмотрел на нас.

— Разве можно? Кто поможет? Почти все из этого поселка живут не лучше, чем я. Разве только староста артели не унывает...

Да, объяснял он, они организованы в артель, но не так, как нужно. Да и какой прок от нее, если она существует только для того, чтобы собирать с рыбаков чуть не по центнеру рыбы в год, неизвестно для кого. Где ему знать, куда идут эти центнеры! Говорят, что староста деревни отдает их какому-то сборщику (и себя, ясно, не обижает), который каждый месяц ездит сюда. Как отдает, за что и почему? Синдзакки почти не интересуется: всю жизнь он привык платить и платить за все.

— Наше дело ловить рыбу и платить долги. Но вот сын поедет в Атами, в союз, узнать, в чем дело, — завершил наш собеседник свое повествование и в заключение добавил: — Мы еще живем сносно, потому что не арендуем моря.

«Аренда моря!»

Еще в XVII веке, в феодальную эпоху Токугава, появилась эта система. С тех пор прошло три века. «Рыболовное право» было формально легализовано японским рыболовным законом 1910—1911 годов и подтверждено рядом последующих документов к нему. Под ударами советских войск в 1945 году Япония капитулировала. Ее народу была навязана американскими капиталистами, хозяйничающими в Японии, новая конституция, которая афишируется реакционными японскими властями как «самая демократическая в мире». Много тонн бумаги испорчено американскими борзописцами на восхваление «успехов» демократизации страны и «уничтожение» феодальных пережитков, а вот как некоторые японские газеты писали и пишут об одном из самых возмутительных из них, — о «рыболовном праве»: «Рыбаки до

сего времени связаны по рукам во всех приморских районах страны... До настоящего времени не принято никаких мер, чтобы избавить рыбаков от так называемого «рыболовного права», а также в отношении реформы рыболовных ассоциаций» (газета «Иватэ Ниппо»). «Рыбацкие деревни всегда рассматривались как часть хозяйственных районов и оставались без каких-либо экономических изменений, начиная с периода Токугава. Рыболовство в настоящем, так же как и в прошлом, контролируется хозяевами, называемыми амимото, и рыбаки вынуждены либо отдавать им часть своего улова, либо наняться к ним. Рыбаки не имеют достаточной силы высказать своего мнения в вопросах управления» (газета «Боцци Симбун»).

Это не последние и не единичные заметки. Глядя на Синдзакки и слышая его рассказ, я вспомнил их и понял, какому «хозяину» отдают он и тридцать других рыбаков его поселка немалую часть своего улова, хотя он формально и не «арендует» этот участок моря.

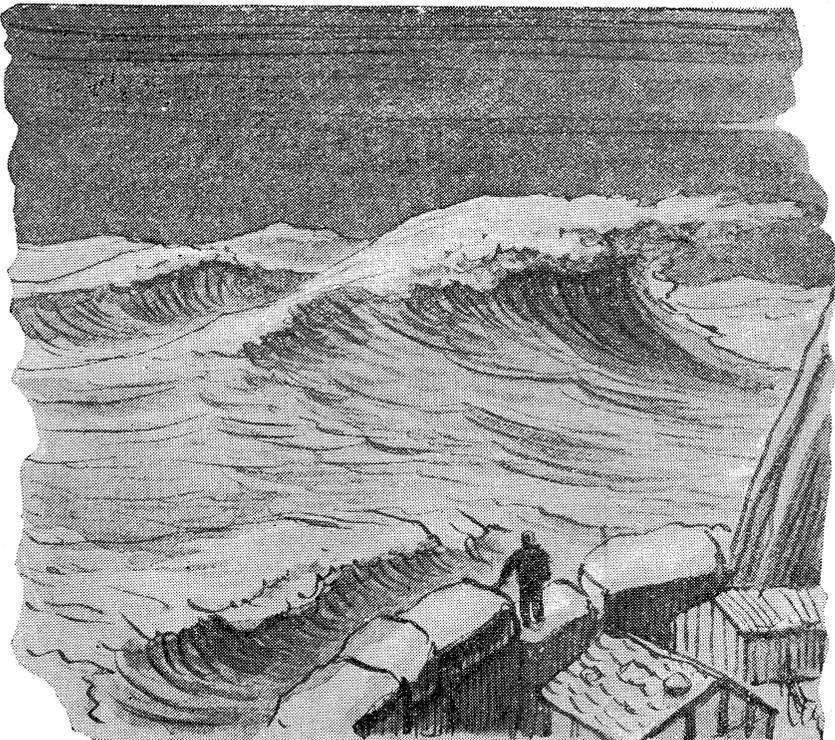
«Право» и теперь выдается определенным лицам или ассоциациям на срок в 20 лет, который, по желанию владельца, может быть продлен еще на 20 лет (!) и т. д.

Несчастные нищие рыбаки-арендаторы, рискуя подчас жизнью, вынуждены в любое время года и любую погоду качаться сутками на волнах моря, чтобы как-нибудь прокормиться и внести арендную плату.

Дважды проезжая на пароходе вдоль всего восточного побережья острова Хонсю, я видел, как расправляется с их суденышками штормовое море... Когда корабль водоизме-

щенем в 13 тысяч тонн кряхтит и содрогается от ударов бури, а косматые ревущие волны достигают высоты двухэтажного дома, невесело, вероятно, чувствуют себя рыбаки, застигнутые неожиданным штормом... Вот на гребне гигантского водяного холма появляется широкая плоская лодка с двумя-тремя гребцами... Мгновение — и она в глубоком провале. Замирает сердце: появится или нет? Проходит минута-две, и снова на вершине другого холма мелькнет она и снова исчезнет. Не всегда удается рыбакам достичь родного берега; нередко можно видеть после бури плывущие по волнам весла, мачты рыбацких судов, снесенных ветром или разбитых океаном, обломки лодок и сами лодки, перевернутые вверх дном... Плохо охраняет бог Эбису рыбаков от гибели, хотя многие из них, отправляясь на рыбную ловлю, горячо молятся ему и навешивают на деревянные дощечки, врытые в морской берег, разноцветные ленточки, тряпки, пучки соломки...

Вот стоит передо мной рыбак Синдзакки. Жалкий, загнанный, отупевший от нужды и вековечных незаконных поборов. Он даже не знает, где сегодня живет его хозяин — амимото — и богатеет за счет каторжного труда Синдзакки и сотен других, ему подобных. Синдзакки и в глаза никогда его не видит: тот не ловит рыбу вместе с ним, не мокнет под зимним ледяным дождем в океане, не рискует жизнью и не считает, что пора ему отправляться к предкам. Нет, он живет где-то в городе, в комфортабельном доме, ест и пьет за десятых Синдзакки. Ему можно: он владеет правом, ему за это платят,

как и 350 лет назад, незаконную дань бесправные рыбаки. Неважно, что часто рыба уходит от берегов, что бывают голодные, «нерыбные» годы: нищие арендаторы моря платят амимото столько же, сколько и в обычные годы. Пусть попробуют не заплатить! Он прогонит их со «своего» участка моря. Закон на его стороне. Какое дело владельцу «права», что он тормозит развитие рыбной промышленности страны, лишает возможности полного использования морских богатств для блага народа? Он живет в свое удовольствие, а реакционное японское правительство и американские власти не торопятся проводить в жизнь новый рыболовный закон, который сделал бы прибрежные воды Японии достоянием тех, кто трудится, дал бы им законное право добывать богатства моря для народа, а не для обогащения тунеядцев и паразитов.

Американские монополисты стремятся превратить Японию в свою колонию. С этой целью срывается проведение в жизнь политических и экономических реформ, предусмотренных решением Потсдамской декларации и постановлениями Дальневосточной комиссии. Попрежнему стонет под бременем налогов японское крестьянство, и миллионы его не имеют своей земли. Оно только арендатор, оно платит помещикам 50 процентов сбора урожая риса; аренда же и непосильные поставки риса правительству разоряют крестьян, делают их нищими.

Все новые и новые антинародные законы издаются японским парламентом по указке из штаба Макартура. Сейчас вступает в действие американская «программа экономического возрождения Японии», то-есть программа захвата американскими монополистами японской экономики.

Но чем дальше идет наступление реакции, тем больший отпор встречает она со стороны мощного демократического лагеря. Четырьмя с половиной миллионами организованных в профсоюзы рабочих и японским крестьянским союзом, насчитывающим более одного миллиона двухсот человек, руководит японская коммунисти-

ческая партия — вождь и организатор всех сил японской демократии. Исключительно большим уважением и любовью пользуется она среди самых широких слоев народа, сотни и тысячи людей вступают в ее ряды. Такие, как Синдзаки, всю жизнь угнетаемые и эксплуатируемые, забитые и голодные, начинают понимать, что только она одна из всех партий Японии борется за их интересы, свободу, национальную независимость, за действительный мир, против закабаления Японии американскими империалистами.

Возмущение и ненависть все больше растут среди трудового народа...

Это можно видеть везде, даже здесь, в деревушке, где живет Синдзаки — недалеко от курорта Атами, на узкой полоске каменистого берега залива Сагами.

...Есть что-то величественно-зловещее в натиске тайфуна на морской берег. В гнетущую знойную тишину дня вдруг врывается многоголосый грохот, словно трескаются гранитные скалы, и гигантские обломки их стремительно срываются в море, сокрушая на своем пути камни и самые хижины рыбаков, прижавшиеся к подножию скал. Это промчался первый вестник надвигающегося тайфуна — его передовой шквал, и негодующе ухнул потревоженный океан. Вслед за порывом ветра мощная волна с ревом ударяется в каменистую дамбу, брызги и ключья ее дождем падают на крыши построек. Грохот океана и вой ветра сливаются в один ошеломляющий свист и гул. За первым ударом следует небольшое затишье. В это мгновение слышно, как тревожно гудят скалы и откатывается обратно первая волна, волоча за собой камни и сорванные с причала лодки, кипит и булькает, зарываясь в прибрежный песок, а ветер гнет деревья и мечется в узких ущельях. Но вот со стороны моря слышится новый звук, заглушающий все другие, словно с высоты гигантского элеватора сыплется тысячи тонн зерна — ровный, гудящий, однотонный гул приближается, растет, подступает к берегу, врывается в поселок: надви-

гается стена ливня. Проходит несколько минут, и опять начинает бушевать океан.

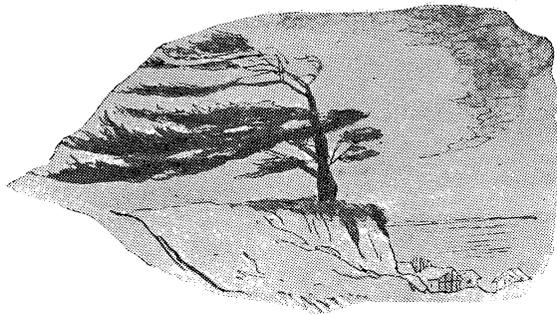
Занятые разговором, мы не заметили, как ступились над заливом тучи, и рыбацьи лодки спешно потянулись к берегу. При первом ударе ветра наш собеседник, извинившись, вскочил с дыповки, и мы все четверо выбежали из хижины.

Лохматые тучи, казалось, зацепились за вершины сосен, растущих на вершинах скал, и отрезали от мира узкую полоску берега. Женщины и ребятишки снимали поспешно сети с шестов, тащили их под навесы сараев, двое рыбаков волокли лодку по песку, несколько человек стояло у каменной дамбы и тревожно глядело на ревущее море, где чья-то лодка то исчезала, то вновь появлялась на высоких гребнях валов... Успела ли она достичь берега, возвратится ли домой сын Синдзаки?

Через час мы возвращались в Токио по исторической дороге Токайдо. Слева лежала скрытая стеной ливня «великая» японская долина Канто, позади вправо остался полуостров Идзу с его горячими источниками, комфортабельными курортами, убогими и нищими рыбацкими поселками и стариком Синдзаки, который стоит в буре возле своего шалаша и с тревогой смотрит в сторону океана, ожидая возвращения сына с опасного промысла. На прощанье он посоветовал нам побывать в сплошных рыбных районах, хотя бы в аграрно-рыбной провинции Тиба, где «рыболовное право» совсем не дает жить рыбакам. Но нам не пришлось съездить туда — и без того много видели и слышали мы в долине Канто, на побережье залива Сагами, в портах Кобэ и Хакодате и других местах такого, что дает нам возможность охарактеризовать жизнь крестьян, рыбаков и сельской интеллигенции словами измученного и вечно голодного арендатора Кобаяси из деревушки Амоню префектуры Канагава:

— Как я живу? Лучше спросите — как я еще жив?..

Токио — Москва.

ЛЮДИ

М. ГРИГОРЬЕВ

1. ВЛАСТЬ НАД ПРИРОДОЙ

Говорили в старой России: «сеяли горохом пополам с чертополохом». Горечь, бессилие и вековая нужда в этих давно забытых словах. Не радовала земля... Но верил народ, — зацветет, как сад, будет родить золотые яблоки для всех и каждого.

Великим преобразователем, героем социалистического труда стал советский народ, создавший передовую мичуринскую науку, науку покорения природы. Смело проложила она дорогу в борьбе против тех, кто цеплялся за буржуазные теории косности и застоя.

Не остановить творческий порыв миллионов строителей коммунизма.

Не подчинить революционную науку обновления земли бредням «ученых», радеющих за устойчивость, неизменность милого им долларо-фунтового мира.

И когда снова и снова вспоминает Иван Евдокимович Глущенко историческую сессию Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, он говорит, улыбаясь:

— Это победа! Победа народа и науки.

Перед ним лежат желтые, фиолетовые, малиновые, белые плоды — наглядное опровержение схоластических догм.

Наследственность и изменчи-

вость — таковы работы Ивана Евдокимовича Глущенко, ближайшего сотрудника Лысенко.

Наследование приобретенных в жизни признаков — главное в мичуринском учении, камень преткновения поклонников Вейсмана—Моргана—Менделя, Мир, в котором живет организм, не существует для вейсманистов. Больше того, они презирают и самый организм. Они верят только в «бессмертное наследственное вещество».

Для нас, последователей Мичурина, наследственность — это результат воздействия среды на организм, это свойство организмов, передаваемое из поколения в поколение, свойство требовать определенных условий для своего развития. Каждая капля живого обладает наследственностью. И ее можно и надо изменять, ею можно и нужно управлять, управляя условиями жизни организмов, обогащая нашу страну, наше хозяйство новыми сортами растений и породами животных.

Идеалисты-генетики превозносят скрещивание, калечат, уродуют живое бичом ядов, отбрасывая прочь среду. Начисто отвергают они вегетативный путь создания новых растений, путь прививок. Они хотят исключить из науки весь отдел генетики по созданию новых форм растений и животных, как связанный с... практикой.

«Химера, а не вегетативные гибри-

ды», — заявил немец Винклер. Он привил томат на паслен (растение с маленькими черными ягодами) — и глазам не поверил. Получился ни паслен, ни помидор.

Вот ветка с этими плодами. Они куда больше ягод паслена и почти равны плодам помидора, а цвет их — от красного до черного.

«Химера, — сказал Винклер, — клетки-то остались, как были, — одни томатные, другие пасленозые. Автономия томата и паслена не нарушилась».

С тех пор «химера» стала в учебниках генетики «классическим» примером «бесплодности» метода прививок.

Глущенко показал, что «химера» представляет биологическую смесь тканей томата и паслена — новый тип растения, а не «автономный» томат и паслен в одном плоде. И в этом приходится убеждать после работ Мичурина!

«Претензия на оригинальность, не подкрепленная 2000-летним опытом до рождения Мичурина» (?!), — глумились за рубежом. «Не надо ставить подобных опытов ни в коем случае».

Но вот результаты опытов И. Е. Глущенко: они дают богатые урожаи на опытных участках института. Крупные желтые и красные плоды томатов. Мелкий дикорастущий красный помидор «мексиканец» был привит на культурный крупный желто-

плодный. Помидоры разных форм и окраски на одной кисти...

Лауреат Сталинской премии И. Е. Глушенко вспоминает свою докторскую диссертацию, крупнейшее исследование, еще раз утверждающее вегетативную гибридизацию.

Перед ним встает образ учителя, народного академика, глубокого мыслителя и смелого преобразователя природы Трофима Денисовича Лысенко.

Человек светлого, ленинско-сталинской закалки ума, он отдает делу все свое сердце. Он ученый, для которого нет жизни без науки, а науки без жизни. Дерзкий новатор, он беспощадно крикует непроверенные открытия. Теоретик, он не мыслит теорию без практики.

Он знает и любит растение. Часами может простаивать, любуясь хорошими всходами. Но он не созерцатель. Рядом с хорошим он замечает плохое. И мысль его работает для лучшего.

Он — биолог-экспериментатор, но деланка у него немалая — поля родины. Президент Академии, он работает с миллионами колхозников. Они, труженики социалистического сельского хозяйства, — главные его сотрудники. Они — преобразователи земли, мастера ее изобилия.

Нет такого крупного успеха Лысенко, который бы не разделили с ним массы. Нет такого успеха, который не имел бы хозяйственного и вместе с тем большого научного значения.

На юге вырождался картофель. И почему бы? Другие плодовые, и пшеница, и рожь давали хороший урожай. Уж не вирусы ли одолели картофель? Стали отбрасывать «заболевшие» растения. Попробуем

вырождается картофель. И решили: надо завозить его из других краев.

Не очень-то верил Лысенко в эти «вирусы». Он верил в науку.

Проста истина, но крутые к ней дороги. Свежеобразующиеся глазки губят жаркие месяцы: май, июнь. Губит их неблагоприятная среда. А нельзя ли изменить ее, отказаться от ранних посадок, заменить время образования клубней прохладными сентябрем, октябрем? Оказалось, можно. Лысенко посоветовал сажать картофель летом, 20—30 и даже 50 тонн картофеля собирают теперь с гектара южные колхозы. Благодарил колхозники Лысенко за «чудо». А «чудо» это — мичуринское понимание развития живого, управление условиями жизни этого живого.

Как человек, растение сначала бывает молодым, после взрослым. Одна за другой следуют стадии его развития. И каждая стадия — качественно новое в жизни растения — требует своих особых условий. Выпытать у растения: а как ты живешь? — тогда и помочь ему можно, создав лучшие условия для той или другой стадии развития, или, изменив их, изменить жизнь растения в нужную для человека сторону. Эта стройная, проверенная на огромных пространствах страны теория — один из самых больших вкладов Лысенко в биологическую науку.

...Многое проходит перед глазами Ивана Евдокимовича.

Припоминается одна из совместных с Т. Д. Лысенко работ в годы войны — посадка картофеля верхушками; она дала стране вдоволь «второго хлеба» и была удостоена Сталинской премии.

Наука обновления земли, наука Мичурина, Лысенко и мичуринцев, — эта наука всесильна.

«Браво, товарищ Лысенко, браво!», слышит Иван Евдокимович. Эти памятные слова сказаны И. В. Сталиным на втором съезде колхозников. Приветствуя докладчика, вождь приветствовал победоносную мичуринскую науку, созданную колхозным строем.

2. НОВЫЕ МАШИНЫ — НОВЫЕ ПОЛЯ

Созрели хлеба. Казалось бы, убирать их поскорее — и вся недолга! Но этого мало. Убрать-то убрать, да сделать это надо так, чтобы и подготовить сразу еще лучший урожай.

Знаменит комбайн «Сталинец-6», созданный академиком И. Ф. Василенко, низко-низко срывает хлеба: и соломы больше, и, главное, не засоряются предплужники.

Тремя рядами тянутся за комбайном желтые копны (он оборудован копнителем). Копны расстилают, как шахматные фигуры, расчищают путь лушильнику М. Л. Гусаккого. Его острые диски начисто «срывают» сорняки, взрыхляют землю, чтобы сохраняла влагу. А тракторные волокуши тащат в это время копны в скирду, открывают простор для запашки.

И не успел пройти комбайн, как появились плуги с предплужниками, поднимают зябь, оборачивают пласты, а предплужники сбрасывают верхний, оскудевший слой почвы, заодно с сорняками, на дно борозды.

Великое дело — предплужник да лушильник, и ввел их академик В. Р. Вильямс. Они улучшают почву, оберегают ее от истощения и засорения, готовят ее для семян.

Так связаны в мощный комплекс уборка и пахота. Новая большая победа советской агротехники и машиностроения. Не в одиночку — а отрядами выходят на поля машины. Человек подчиняет себе землю, творит ее плодородие. Рука об руку с мичуринским учением идет наука о машинах полей, основы которой заложены академиком В. П. Горячкиным.

Вводя травопольную систему земледелия, В. Р. Вильямс обратился к ученым: «Механизируйте посев трав!»

Дело нелегкое. Дореволюционные севалки лишь разбрасывали семена по верху поля и заделывали боронами. Одни погибали в верхнем сухом слое земли, а другие «ныряли» так глубоко, что не могли пробиться к свету. Дорого сеяли — двойным количеством: авось, взойдет половина семян!

Немногом лучше были машины из Америки. Валили все — пшеницу, ячмень, травы — в один ряд, на одну глубину.

Не обрадовался Вильямс такой «уравнеловке». «Каждой культуре — свой ряд, своя глубина», — требовал он.

Т. Д. Лысенко и доктор биологических наук лауреат Сталинской премии И. Е. Глушенко среди сотрудников Института генетики Академии наук СССР.

Незадолго до Великой Отечественной войны был создан надежный образец сеялки, но он не был пригоден для травосеяния, а страна требовала сеять больше трав!

Взялся А. Н. Карпенко приспособить обычную зерновую сеялку под травы. Потоком текут из нее мелкие семена. Надо бы посеять 10—15 килограммов на гектар, глядь — 25 проскочило! Пробовали мешать семена трав с опилками, торфом, землей. Толку от всего этого было мало.

«А если просветить аппарат подачи семян? — подумал Карпенко. — Ведь человека просвечивают. Заглянуть внутрь, посмотреть, что там делается».

И «просветил».

Долго наблюдает он через прозрачную пластину, вставленную в стенку аппарата, видит все, как на ладони, при свете электрической лампочки, что горит там, внутри. И решение найдено. Вставляет в аппарат трубку, тщательно подбирает ее диаметр и размеры. Идут через нее семена, подаются с толком, с расстановкой.

Однажды, проверяя действие своего аппарата, профессор был «наказан», как говорят, за беспокойный характер. Колесо сеялки соскочило с подставки, упало на ногу, ушибло большой палец.

Забинтовали. Хотел было А. Н. Карпенко продолжать испытания, но подкатила машина.

— Товарищ профессор, просим на съезд. Собрались в полном составе: агрономы, бригадиры, стахановцы... Прочтите доклад о механизации посева проса и трав.

Профессор поднимается на сцену колхозного клуба — и зал замирает...

Узнав про аппарат Карпенко, избратель посетил Т. Д. Лысенко.

— Вот испытываем... — начал изобретатель.

— Испытаем. — согласился Трофим Денисович: — Разошлите в две тысячи МТС, немедленно!

Лаборатория превратилась в «почтамт». Спешно упаковывали «уровнитель высева», как назвал свои трубки Карпенко. Не пройти: все завалено посылками. Разослали... через неделю!

И пошел он в дело, ходко пошел. Поработал в годы войны. Получили поля не одну, а две зерно-травянистые сеялки, тракторную — «СЗТ-47» и конную — «СЗТ-19». И глядя на них, нет-нет да и вспомнит Карпенко «уровнитель высева»...

Идут новые машины по новым полям.

3. НЕТ ПЛОХОЙ ЗЕМЛИ

Первым почвоведом мира был Ломоносов. Гениально указал он на растительно-наземное происхождение почвы. Науку о почве — особом ком-

плексе живой и мертвой природы — создал русский ученый Докучаев. Развита трудами его многочисленных учеников, эта наука стала в руках Вильямса важнейшей частью земледелия.

Главное в почве, утверждал Вильямс, производительность, плодородие. Нет бесплодных почв!

Живая связь существует между растениями и почвой. Переделаем почву — переделаем растение, и, наоборот, то и другое вместе.

Этому учит сама природа.

В сорок пятом — сорок шестом годах было выполнено одно из немало-важных правительственных заданий — изучены орехово-плодовые леса Тянь-Шаня.

Густы, мощны эти леса. Других таких нет на земном шаре. Растет маслянистый грецкий орех. Скорлупа его так тонка, что ломается между пальцами. Растут душистые, приторно-сладкие яблоки «сиверса», алыча, барбарис.

Большая комплексная экспедиция ученых занялась климатом, почвами, биохимическими и микробиологическими процессами в ней, режимом влажности, вопросами сельского хозяйства, агротехники и лесоводства.

Открылась красочная и поучительная картина.

Климат отжал леса высоко в горы. И они сохранились там, приспособились. Они создали великолепную почву, лучшую в Союзе, названную черно-бурными почвами ореховых лесов. Они накопили влагу и сделали климат таким, какой был нужен им для жизни. И среди угрюмых скал возник роскошный оазис.

Но история лесов на этом не кон-

чилась. Изучив орехово-плодовые леса Тянь-Шаня, ученые наметили план преобразования всех диких плодовых лесов нашей страны.

Так благоустраивается земля. Не ждет человек милостей от природы. Сам создает то, чего ему не хватает.

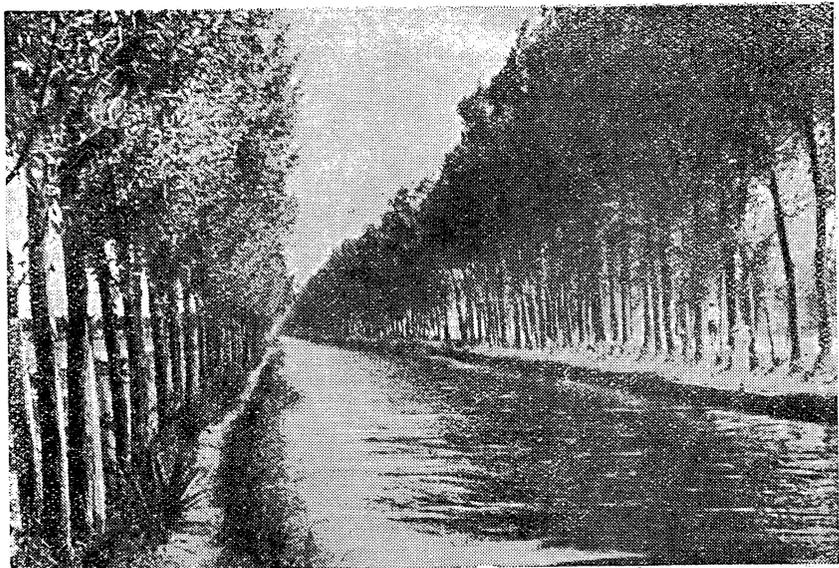
Мало снега зимой на Дальнем Востоке. Дунет ветер — и нет его. Не выживает клевер без снежной щубы, замерзает. А нужен клевер дозарезу для введения травопольных севооборотов. И Приморская растениеводческая станция взяла его «хитростью». Красноярские семена посеяли, а снег с поля счищали. Не весь погиб клевер. Остались редкие кустики. Полученные от них семена снова посеяли. Следили, чтобы не было на поле ни снежинки. Так — не раз и не два. Прижился-таки клевер. Поддался на метод «провокации», как говорят ученые; назвали его «приморский-28».

Изменяет человек карту растительности. Создаются новые ландшафты, новый климат. Там, где были ссохшиеся поля, выдуваемые ветром, сажают лесозащитные полосы, и край обновляется. Так случилось с Каменной степью.

Ну, а пустыни?

В науке еще и сейчас спорят, что называть ими. Безлюдные места? Безводные пространства? Вечно холодные, как Арктика? Вечно жаркие, как Кызырык-Дара в Средней Азии? Споры решает жизнь. Нет пустынь, говорит она, есть неосвоенные еще земли.

Студентом путешествовал А. Н. Розанов по Фергане. Копал ямы, смотрел почвы. Не земля, а сад. Потом двинулся в глинистую степь. Так и не понял, почему здесь пустыня, там — сад. И снова вернулся в

Теперь Голодную степь прорезали каналы ирригационной системы имени Кирова. Канал в совхозе Пахта-Арал.

базис. Снова делал разрезы почвы. Выкапывал груды черепков, кости, обломки утиари. «Попал на свалку», — огорчился он. Но везде было то же: бусы, кости, черепки. Приехав в Москву, он рассказал о своих неудачах профессору Н. А. Димо, ученику Сибирцева и Докучаева. «Да, вы, — сказал профессор, — нашли неведомые почвы!» И назвали они их культурнополивными, или староорошаемыми. Но долго не решались опубликовать открытие. В диковинку было: почвы, созданные вековым трудом человека...

Некогда бурлила здесь жизнь, славилась культура. Чингис-хан не оставил камня на камне, разрушил оросительные системы, Земля осиротела. Но труд поколений не пропал. Старорошаемые почвы куда лучше целинных. Утолить их жажду — зацветут.

Год назад опять побывал Розанов в облуженных им (тридцать лет изысканий!) среднеазиатских краях, в Туркмении.

Глинистые безводные такыры, пески. На 60—70° нагревается почва. Только зимой да весной выпадают дожди, не насыщая землю. Едет Розанов по пустыне. Навык у него выработался по рельефу, растительности, животным и сотне едва заметных признаков судить о почве. Тут надо копнуть, там посмотреть. Не посмотрю — всю жизнь будешь каяться.

Звенят копыта, а потом вдруг влипают в пухлую землю. Знает ученый: скопление солей. Желтая выжженная равнина, а подалеже — зеленеет: значит, там есть пресная вода под землей.

«Я читаю почву, — говорит Розанов, и глаза его смеются под густыми порывевшими от солнца бровями. — На пять аршин вижу в землю».

Однако и он удивился, вкопавшись на метр в глубь такыра: опять черепки!.. Вот так «пустыня»!..

«Всю жизнь занимаюсь сероземами, — рассказывает Розанов, — но только теперь начинаю кое-что понимать. Бесконечно научное исследование. Люблю побывать на старых, не раз объезженных местах. Из каждой поездки возвращаюсь с новыми впечатлениями. У пустынь с прошлым есть настоящее и будущее. Вот хоть бы Голодная степь. Какая же она теперь «голодная»!.. Освоим и те края, которые никогда не обживались человеком. Не за тысячи лет, за годы переделаем наукой и техникой».

За Полярным кругом, в заоблачных горах и знойных пустынях, по бескрайней шире колхозных полей — повсюду, куда на глян, идет преобразование советской земли.

Народ-хозяин покоряет природу. И нет власти земли — есть власть человека.

В руках миллионов — всепобеждающая, самая передовая в мире мичуринская наука обновления природы. Не страшны пустыни труженикам нашей родины. Сад сажают они на земле, и сказка становится былью... Молодеет лицо страны.

По музеям и архивам

В этнографическом музее Казанского университета хранится коллекция оружия и предметов быта, собранных участником экспедиции шлюпов «Восток» и «Мирный» (в 1819—1821 гг.) к Южному полюсу профессором И. М. Симоновым на островах Тихого океана, в Новой Зеландии и на Таити.

В этой коллекции нет предметов из металла, которого в ту эпоху жители островов Тихого океана не знали. Здесь можно увидеть деревянные копы, нефритовые топоры, долота, серьги, бамбуковые гребни, рыболовные крючки.

В Казанском университете хранятся и интересные записки Симонова, ныне подготовляемые к печати. В этих записках интересны страницы, посвященные жителям островов, «Таитяне, — пишет Симонов, — очень смыслены и одарены природным умом и способностями, что показывают ныне успехи их в первоначальном учении и легкость, с какою они изучают счисление... Таитяне в войне мужественны, а в мире чистосердечны и откровенны».

*

В Хабаровском краеведческом музее открыта экспозиция, отражающая оборону Дальнего Востока и Петропавловска на Камчатке в период Крымской войны 1854—1856 годов.

В музее представлены письма генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева в Петербург, в которых он предупреждал правительство о возможном нападении Англии на Камчатку, схемы и таблицы средств обороны и соотношения сил противника и защитников Петропавловска.

Интересны документы, связанные с деятельностью В. С. Завойко, под чьим руководством осуществлялась героическая оборона Петропавловска. Он тогда принял решение: «Русскую землю защищать до последнего человека».

В документах, хранящихся в музее, описаны наиболее характерные эпизоды боев 20 и 24 августа 1854 года, когда горсточка защитников Петропавловска с устаревшими пушками и кремневыми ружьями героически отразила намного превосходящие силы англо-французской эскадры. В музее представлены ядра и картечи, собранные на местах сражений в период обороны Петропавловска.

Из других экспонатов особый интерес представляют части с фрегата «Паллада», на котором совершил свое кругосветное плавание знаменитый русский писатель Гончаров. Во время Крымской кампании фрегат «Паллада» находился на Дальнем Востоке и вместе с другими судами должен был защищать устье Амура. Но так как в Амур ввести его не удалось, то по приказанию командования фрегат был потоплен 17 января 1856 года русскими моряками в бывшей Императорской, ныне Советской, гавани.

Спустя 92 года, 16 октября 1948 года, водолазы под начальством тт. Щерба и Сырко добыли со дна моря части фрегата — палубный рим, свинцовую водоотливную трубу, вентилятор, ключ чугунный, медную обшивку палубы, обшивку килля и мелкие обломки железа и дерева. Эти части ныне находятся в музее.

*

В Хабаровский краевой музей поступил подарок от старой нанайки Дольдокке Бельды. Узнав о музее, она дала внуку сверток и сказала: «Отвези это туда, где хотят знать, как жили и живут нанайцы».

В свертке были женская свадебная шапка и халат старинной работы, украшенный национальным орнаментом. Этим вещам более 150 лет. Их надевали несколько поколений женщин — прабабушка, бабушка, мать Дольдокке и она сама. Сейчас эти вещи хранятся в Хабаровском краевом музее.

Недавно музей получил из далекого чукотского селения Наукан изящно отделанный нож из моржовой кости. На нем изображены охотники на моржей и нерп. Черенок его имеет вид головы моржа с клыками. Нож сделан старым чукотским косторезом Узкен.

*

Сильно разросся геологический музей при Восточно-Сибирском геологическом управлении в Иркутске. В 1930 году музей располагал только одной комнатой. Теперь ему отведен большой зал. В нем в 52 витринах выставлено около 4 тысяч экспонатов.

В одной из витрин представлено около 30 образцов железных руд, собранных в 1930 году геологом Смирновым в Ангаро-Илимском районе.

В другой витрине представлены образцы слюды разных месторождений Иркутской области. Общее внимание привлекают огромные — более метра в высоту и 60—70 сантиметров в ширину — кристаллы слюды.

В. САПАРИН

Рис. В. Цельмера

Голубь был довольно обычного вида — сизый, с красными лапками, и только коричневый хвост и несколько белых перьев в крыле выдавали в нем породу.

Он свалился буквально с неба, причем это произошло так неожиданно, что ни я, ни Сергей Одинцов не заметили, откуда он взялся.

Правда, мы смотрели в этот момент не на небо, а на землю. Только что мы сделали очередную «закопушку» — небольшую яму в земле, и нам не терпелось узнать, нашли мы клад или нет.

Кругом стоял лес, первобытный и дикий, высились сопки, лежали огромные камни, истертые временем.

Сокровище, которое мы разыскивали в глухой тайге, не было — тут я должен разочаровать читателя — кладом, который зарыли в землю много веков назад исчезнувшие обитатели здешних мест, произнесся приличествующее случаю заклятие и положив начало легенде, передающейся из поколения в поколение.

Легенда, которую мы пользовались, — а легенда все-таки была! — составлялась не исследователями фольклора, а геологами нашего треста по данным магнитной аэросъемки. Впрочем, может быть, не все читатели знают, что легендой в картографии называются пояснения к карте, помещаемые обычно на ее полях или на обратной стороне.

Что привело нас сюда?

В эти малоисследованные места мы были посланы в качестве разведчиков, призванных стереть еще одно

«белое пятно» на карте. В нашей стране берутся на учет все богатства, в том числе скрывающиеся миллионы лет в недрах земли. Один из таких кладов природы мы и разыскивали.

Неудачи преследовали нас. Сколько мы ни копали землю на участке тайги, обозначенном на нашей карте неправильным овалом, мы ничего не обнаруживали.

Так оказалось и на этот раз. Никаких признаков никелевой руды!

Сергей бросил лопату и сел на поваленное дерево, вытирая лоб.

Я прислонился спиной к березе и вынул папиросу.

Тут мы, собственно, и заметили крылатого гостя.

Голубь сидел на листовнице и с интересом, как нам показалось, поглядывал на нас. Очевидно, присутствие людей в глухой тайге представлялось ему удивительным.

— Откуда он взялся? — спросил Сергей.

Я пожал плечами.

Но Сергей не так просто отбрасывал мысль, если она приходила ему в голову.

Еще в геологическом институте, где мы учились на одном курсе, он славился своей любовью строить логические умозаключения. Недаром товарищи говорили про него, что из него вышел бы хороший следователь. Он же полусерьезно, полусерьезно возражал, что «следователь» и «исследователь» — слова одного корня и что умение логически мыслить важно для всех профессий, в том числе и для геолога.

— Во всяком случае, — заметил я, — голубь, как видишь, не принес нам счастья. Что-то не похож на «синюю птицу». Эту версию ты можешь сразу отбросить.

Из палатки, разбитой неподалеку, послышалось радостное восклицание, полы ее раздвинулись, и у входа показался Саша Еременко.

— Есть Листвянск! — закричал он.

Все утро Еременко, третий участник нашей немногочисленной экспедиции, бился над своей походной радиацией. Предшествовавшей ночью разразилась магнитная буря и произвела какие-то нежелательные изменения в эфире. Радиоволны, посылаемые нашей станцией, наткнулись на невидимые препятствия и «не проходили», как говорил Саша.

— Ну, — нетерпеливо сказал он, — скоро вы? А то опять исчезнет!

Я в огорчении развел руками.

Одинцов мрачно посмотрел на пустую яму.

— Результатов нет. Поиски продолжаем. — продиктовал я радиогамму. — Наши координаты: 015—162.

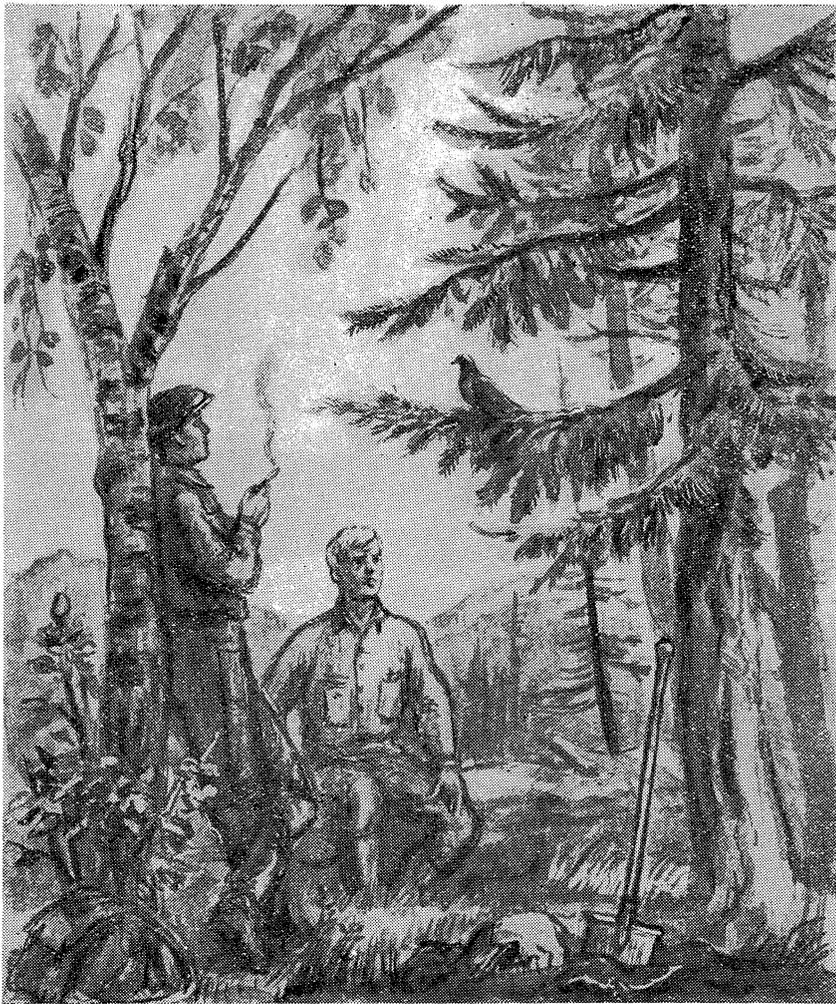
Я указал расположение лагеря по квадрату карты.

Саша исчез. Скоро из палатки послышалось проклятие. Ключанск опять пропал.

* * *

Целый день мы с Сергеем вскрывали почву в тайге, уходя все дальше от лагеря.

Магнитный прибор, которым мы пользовались, капризничал. Очевидно,

и на него подействовала магнитная Суря.

Когда мы, усталые и разочарованные, не найдя руды, вернулись «домой», то первое, что мы заметили, был голубь, сидевший на веревке, которая оттягивала главный кол палатки. Это был другой голубь, не тот, с которым мы познакомились утром. Новичок поглядывал на Еременко, сидевшего на корточках, и на прилетевшую раньше голубку, клевавшую крошки с ладони Саши, но не решился присоединиться к их компании.

— Трогательная идиллия, — проворчал я. — Совсем как в детских книжках про Робинзона Крузо.

Но Сергей Одинцов толкнул меня в бок.

— Заметил? — сказал он многозначительно. — Они из разных голубя-тен!

Действительно, когда голубка, наклевавшись крошек, вспорхнула на палатку и попыталась подсесть к прищельцу, тот отчужденно отодвинулся. Это был великолепный турман с коротким клювом и горделиво изогнутой шеей. Прилетевшая первой голубка выглядела по сравнению с ним совсем неказистой.

— Ну и что же? — спросил я.

Сергей только посмотрел на меня и покачал головой.

Но мне было тогда не до выяснения взаимоотношений у птиц, неизвестно откуда появившихся в лагере.

Меня занимали другие мысли!

Участок тайги, где мы производили поиски, переноса с места на место нашу палатку, находился в районе, где, по предварительным данным, предполагалось залегание никелевых руд.

Нам казалось: вот еще удар лопатой — и пласт руды, как окованный железом старинный сундук, покажет угол из-под вязкой глины. Но наши лопаты в лучшем случае гремели о камни, которые мы, рассмотрев, отбрасывали с досадой в сторону.

А как хотелось найти никель! Ведь мы искали металл, необходимый нашей стране, нашей социалистической промышленности, которая выпускает все больше электрических приборов, нержавеющей стали, самых разнообразных изделий, радующих глаз человека своей блестящей поверхностью.

И вот словно какой-то бес пугал наш прибор и нарушал радиосвязь! Природа, у которой мы хотели вы-

рвать ее тайну, чинила нам препятствия на каждом шагу.

Еременко почернел от злости, но Листвянок, где находилась база экспедиции, исчез, словно его не существовало на свете. Кругом стояли сопки, поросшие лесом, на каждом шагу лежали поваленные стволы (ничья рука не убирала здесь ни одного сучка с сотворения мира). Шумел ветер... Мы были единственными людьми в этом диком месте.

Пробираясь в эту глушь пешком, мы, естественно, могли унести с собой лишь самое необходимое: палатку, лабораторию в рюкзаке, небольшую рацию и продовольствие на первые дни. Все остальное должны были сбрасывать нам с самолета в тех пунктах, которые мы укажем по радио.

Но связи с Листвянском не было, и самолет не прилетал.

* * *

Прилетали только голуби.

Третий пожаловал к нам на следующую точку в небе в восточной стороне. Он легел прямо, словно по заданию, но, очутившись около лагеря, начал описывать круги, снизился и сел на конек палатки, приняв ее, повидимому, за голубятню. Два ранее прибывших голубя, прижившиеся у нас, могли натолкнуть его на эту идею.

— Здравствуйте, — сказал я, положив ложку на траву (мы сидели у костра и обедали). — Еще один явился. Откуда только они берутся?

Сергей внимательно наблюдал, как птицы знакомятся друг с другом.

Новоприбывший голубь оказался весьма общительным. Как и первая голубка, он был простой породы и, повидимому, простого нрава. Без особых церемоний он подсел к голубю № 2 и попытался заговорить с ним, но тот холодно отклонил всякие притязания на знакомство. Не встретив сочувствия у турмана, прищелец перенес свое внимание на голубку. Уже через минуту обе птицы сидели рядышком и ворковали о чем-то, перебирая розовыми лапками.

Тем не менее Сергей на основании ему одному известных соображений сделал вывод, что обе птицы не были знакомы раньше.

— Ты обратил внимание? — спросил он меня. — Второй голубь прилетел с юго-запада, — так, по крайней мере, говорит Саша, который заметил его первым. А этот, мы все видели, появился с восточной стороны.

Я должен был сознаться, что не придавал значения подобной детали.

— Интересно, — продолжал Сергей, — почему птицы — с пустыми лапками, ведь по виду это почтовые голуби...

Действительно, мы осмотрели первых двух птиц в тот же день, когда они появились, но голубеграммы при них не нашли.

Я взглянул на птиц, с невинным видом расклевывавших корку, которую кинул им Еременко, и отыскал

взглядом голубя, прилетевшего последним.

— Ага! — кричал я. — Смотрите!

На левой ноге голубя что-то тускло поблескивало.

Мы принялись ловить крылатого почтальона.

Это не потребовало большого труда: общительная птица легко дала взять себя в руки.

Но то, что издали казалось похожим на пенальчик для голубеграмм, было алюминиевым кольцом, надеваемым на левую ножку птицы.

На кольце виднелась надпись, такая мелкая, что мне пришлось достать из кармана лупу, чтобы прочесть ее.

«Таежный №3» было отштамповано на кольце.

— Что это такое?

Мы достали карту, и Сергей немедленно углубился в ее изучение.

— Нашел, — объявил он, держа палец у самой кромки карты.

— Совхоз «Таежный». Звероводческое хозяйство. Имеется голубиная станция... Километров... одну минутку... километров двести — двести двадцать от нас.

— Далековато! — заметил я.

— Голуби летают и дальше, — возразил Сергей. — Не это удивительно. Но голуби летят всегда по направлению к своей голубятне. А этот.. наоборот, покинул совхозную станцию и примчался к нам. Какой ветер занес его сюда?

Сергей взял голубя пальцами за голову и посмотрел птице в глаза.

Та, разумеется, ничего не ответила.

По тем взглядам, которые Сергей время от времени кидал на нашу «голубятню», я видел, что голуби продолжают занимать его. Вероятно, он создавал специальную теорию по поводу их появления.

Я не разделял жгучего интереса моего друга к пернатым гостям.

С меня хватало своих забот: запасы продовольствия у нас подходили к концу. Конечно, мы могли бы раздобыть себе пропитание охотой, но терять на это день, а то и два в самую горячую пору поисков не хотелось. Может быть, завтра или послезавтра нам подбросят продукты по воздуху.

Я приказал сократить рационы и скрепя сердце вынужден был снять голубей с довольствия! Дело в том, что они питались хлебом, которого у нас и так оставались крохи.

Птицы перешли на подножный корм. Часами они пропадали где-то в тайге, но затем исправно возвращались в лагерь. Определенно мы им нравились.

Так прошло дня два.

Связи с Листвянском попрежнему не было. В приемнике раздавался только треск разных оттенков, сколько Саша ни крутил рукоятки.

— Долго это будет продолжаться? — спросил я.

— Не знаю, что и подумать! — Еременко пожал плечами; он был

близок к отчаянию. — Обычно магнитные бури продолжаются не более двух-трех суток. Может быть, две бури разразились сразу одна за другой...

Сергей, человек очень начитанный, вспомнил, что во время работы от важных советских полярников на дрейфующей льдине в районе Северного полюса были довольно длительные перерывы в радиосвязи из-за атмосферных явлений.

— Мы, конечно, не на полюсе, — добавил он, — но магнитные явления в этом районе еще мало изучены. Вы подумайте только, — воскликнул он, — какая же огромная наша страна, если на ее территории сохранились целые районы, ждущие еще исследователей!

— Ее прежде плохо изучали, — заметил я. — В наше время сотни экспедиций исследуют страну, и одна из таких экспедиций — мы с вами. Но... не кажется ли вам, что мы плохо выполняем свои обязанности?

Я не предполагал, что мои слова произведут такое действие на Еременко. Уже потом я понял, как сильно этот упорный и настойчивый парень страдал от мысли, что нормальная работа экспедиции нарушалась из-за отсутствия связи, в чем он обвинял только самого себя.

— Сегодня, — сказал Еременко и даже поблдевел, — связь будет. — Он упрямо потряс головой и добавил: — Умру, но добыюсь.

Мне стало жаль этого горячего парня. Все мы, три молодых участника экспедиции, проходили здесь в тайге суровую практическую школу, и доставалась она нам не так просто.

— Знаешь что, — сказал я, кладя руку на его плечо: — отложи-ка на день заботы о связи. Кончится же когда-нибудь эта магнитная буря! Завтра или послезавтра ты добыешься Листвянска. А сегодня... — я немного

замаялся и продолжал, стараясь принять непринужденный тон: — возьми ружье и постреляй дичи. Понимаешь, — убеждал я его, думая, что ему полезно будет отвлечься от источника своих огорчений, — продукты на исходе, а мы с Сергеем не имеем, так сказать, права отвлекаться от нашей прямой задачи...

Я хотел сделать как лучше, но ничего хуже я не мог бы придумать.

Саша посмотрел на меня взглядом, который я не в состоянии описать.

— Отстраняешь? — прошептал он трясущимися губами.

Он едва не задохнулся от гнева и огорчения.

Я считл благоразумным не настаивать на своем предложении.

— Надо бы повнимательнее с Еременко, — сказал Сергей, когда мы шли на поиски руды. — Парень с характером... Ему тяжело. А здесь, в тайге, нетрудно и равновесие потерять!

— Пусть только попробует. Если от всех неудач приходиться в отчаяние...

— Но ты сегодня наступил ему, надо прямо сказать, на самое больное место. Представляю, что у него сейчас в душе делается.

Я промолчал. У меня у самого в душе делалось такое, о чем я, как начальник экспедиции, не считал себя вправе рассказывать.

В этот день мы трудились с особым ожесточением и изрыли своими ямами целую сопку. Все было безрезультатно.

В самом мрачном настроении мы возвращались в лагерь.

Когда мы вышли к ручью, который протекал мимо нашего становища, в той стороне, где был лагерь, раздались громкие выстрелы.

«Таежный №3» было отштамповано на кольце.

— Ну, кажется, Саша проникся сознательностью и добывает продукты на обед, — сказал Сергей с облегчением.

Действительно, выстрелы были из охотничьего ружья — из двустволки. Они последовали быстро один за другим.

Но вслед за тем послышался такой нечеловеческий крик (я с трудом узнал голос Саши), что у меня возникло только одно предположение: стрелявший, очевидно, всадил оба заряда в самого себя.

Мы побежали на крики. Выскочив из кустов на поляну, где был разбит наш лагерь, мы увидели сцену, которая запомнится мне, вероятно, на всю жизнь.

Около смятой и поваленной набок палатки с вырванными колышками стоял, прислонившись к уцелевшему столбу, Саша Еременко и дико кричал на медведя, который, сидя в трех шагах от него, мотал головой и неуклюже, но яростно скреб воздух передними лапами. По морде медведя текла кровь. Два заряда дробы, выпущенные Еременко, угодили мишке в морду и, повидимому, ослепили его.

Выхватив револьверы и продолжая бежать, мы открыли по медведю беспорядочный огонь. При звуках новых выстрелов медведь сильнее замотал головой, обхватил ее передними лапами, словно у него болели зубы, затем встал на четвереньки и, ворча, но без особой поспешности, пустился наутек. Мы стреляли до тех пор, пока наши револьверы не стали издавать вместо звуков выстрела пустые шелчки.

Бурая спина медведя уже скрылась в зарослях орешника, а Саша продолжал кричать. Только теперь мы поняли, отчего он кричит.

Саша разводил костер, чтобы приготовить нам обед из последней оставшейся банки консервов, когда внезапно услышал шорох и треск разрываемой парусины. Это медведь,

привлеченный запахом банки из-под меда, совершил нападение на палатку.

Не успел Еременко сообразить, что нужно сделать, как послышался грохот, от которого у Саши кровь оледенела в жилах. Медведь, возвысившись в палатке, опрокинул рацию, которая стояла на устроенных Еременко самодельных козлах.

Не помня себя, Саша с консервным ножом в руках бросился в палатку. В глазах его помутилось. К счастью, ему подвернулось ружье, которое висело при входе в палатку. Он схватил двустволку и, не целясь, а попросту приставив стволы почти к самой морде медведя, нажал курки.

Ошеломленный зверь зарычал, затем, яростно кинулся на столб, поддерживавший палатку, свалил его, наткнулся на рацию, ударил лапой ее так, что тяжелый металлический ящик перевернулся несколько раз, и, наконец, вырвался из палатки, сокрушая все на своем пути.

Очутьившись на воле, он остановился, одумался, стал на дыбы и повернулся мордой к обидчику, чтобы рассчитаться с ним. Это и был тот момент, когда мы, выскочив из кустов, увидели обоих.

Огорченный и возмущенный, Еременко подбирал в траве осколки разбитых ламп, но это занятие предназначалось скорее для того, чтобы дать какое-нибудь дело рукам. Рация была повреждена так основательно, как это мог сделать только медведь.

* * *

В тот же вечер мы собрались на «военный совет».

Мы устроились на поваленном дереве неподалеку от палатки.

— Положение пиковое, — объявил я своим товарищам. — Мы уже неделю здесь, а ничего не нашли. Несем одни потери. Вышел из строя магнитометр. Погибла рация. Должен сказать, что в столкновении с медведем все оказались более или менее

на высоте: никто не струсил, «противник» отступил, поле боя осталось за нами. Но «противник» причинил нам жесточайший урон и, кроме того, ушел, то-есть унес своей особой огромным запас продовольствия, столь нам необходимого.

Я сделал паузу.

— Какие будут предложения?

Сергей молчал, раздумывая и кушая травинку.

Еременко сердито сказал:

— Все ясно: я отправляюсь за новым прибором, за новой рацией, с докладом о всем случившемся. Поддерживать связь — моя обязанность. Вы же должны продолжать поиски руды. Работа экспедиции не должна прекращаться.

— О прекращении работы экспедиции нет и речи, — заметил я.

— Продуктов мне не надо, — продолжал Еременко. — Возьму ружье. Мой «из» оставляю вам.

Я вопросительно помотал на Сергея. Тот пожал плечами, что могло означать только одно: мы не можем отпустить товарища в тайгу ни с чем.

— Конечно, твое предложение делает, так сказать, тебе честь, — сказал я довольно сердито. — Но оно не деловое. Извини меня, Саша, звучит по-мальчишески. Во-первых, сколько времени ты будешь блуждать один по тайге и где гарантия, что ты не заблудишься? Компас ведь тоже может подвести с этими магнитными возмущениями, шут бы их побрал! Во-вторых, есть ли смысл дробить и без того немногочисленную экспедицию? Мы не вправе сокращать ее на одну треть, особенно сейчас, когда вышел из строя магнитометр и работы намного прибавилось.

— Чем же я могу помочь? — Саша мрачно покосился в сторону разбитой рации. — Ведь я в геологии ни бум-бум...

— Копать землю можешь?

— Дело нехитрое.

— А у нас с Сергеем на это нехитрое дело уходит большая часть времени. Конечно, анализы делать тебя не заставим. Затем — обеспечение питания. Ведь добыть дичь даже здесь, в дикой тайге, — это не то, что достать банку с готовыми консервами из мешка. И готовить обед теперь будет гораздо хлопотливее.

— Шипать придется, — подтвердил Сергей, понявший уже все.

Еременко хлопал глазами.

— Кого шипать?

— Дичь, — невозмутимо качнул головой Сергей. — Переходим, брат, на первобытный способ снабжения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ты будешь нашим продснабом.

Еременко посидел немного, задумчивый и притихший.

— Ладно, — сказал он, наконец, со вздохом. — Есть, товарищ начальник. Буду этим... ну, в общем всем, чем хотите.

— А как же все-таки со связью? — спросил он в качестве последнего довода. Сергей тоже вопросительно вскинул на меня глаза.

Медведь, возвысившись в палатке, опрокинул рацию.

— Вы меня удивляете, друзья, — сказал я. — Ну, поставьте себя в положение работников Листвянской базы! Ведь там такие же советские люди, как и мы. Как они чувствуют себя? Пропали в тайге три товарища, никаких известий о них... Что, по вашему, делается сейчас на базе? Да там головы ломают давно; ищут способа установить с нами связь.

— А как же они это сделают?

— Пошлют самолет — и все.

— Здесь разглядеть человека с воздуха, — покачал головой Сергей, — все равно, что иголку увидеть в стоге сена.

— Ладно, друзья, — сказал я. — Падать духом не следует.

— Да никто и не падает, — обиделся Сергей.

Еременко подарил меня презрительным взглядом.

— Наша задача — искать и — главное — найти металл! — твердо сказал я. — Об остальном забота не наша, об этом позаботятся в Листвянке.

Сергей и Саша проворчали что-то себе под нос, но больше не возражали.

Я был не совсем прав тогда, так строго ограничивая мысли своих подчиненных. Уже впоследствии, когда я стал старше, я понял, что думать нужно гораздо больше и шире, чем этого, казалось бы, требует дело, которое ты выполняешь.

Но я был молод, и этим многое объяснялось.

Я и Сергей трудились в узкой пади между двух сопки, километрах в трех от лагеря. Мы поручили Саше Еременко настрелять дичи, чтобы с завтрашнего дня он мог принять участие в землекопных работах.

За все утро в тайге не раздавалось ни одного выстрела.

— Что-то заготовка продуктов идет не очень того... — заметил Сергей, когда время подходило к полудню.

Утром мы съели по две галеты и по кусочку шоколада — последние остатки «неприкосновенного запаса», и я понимал настроение Сергея.

— Давай копнем здесь! — сказал я, чтобы ствлечь его от печальных мыслей. Мы еще раньше облюбовали это место. Я протянул руку к лопате, которая стояла прислоненной к обрывистому склону сопки.

Лопата отделилась от земли не сразу. Мне пришлось приложить некоторое усилие, правда, небольшое. Впечатление было такое, точно лопату кто-то обмазал клеем.

— Ты что?! — воскликнул Сергей. Видимо, я сильно изменился в лице.

Я взял лопату двумя пальцами за деревянную ручку так, что она свободно повисла металлической частью книзу. Осторожно поднес я этот своеобразный отвес к земляной стенке (в том месте, где мы находились, часть сопки у подошвы была словно отрезана ножом). Когда до земли оставалось несколько миллиметров,

— Осторожнее! — крикнул я, отгаскивая Сергея за руку.

лопата сделала еле уловимое движение и прилипла железной частью к породе.

— Примагнитилась! — воскликнул Сергей.

— Магнитная масса! — объявил я. — Здесь, в этой сопке... магнитная руда.

Сергей вонзил свою лопату в песчаный грунт и стал выбрасывать землю — взмах за взмахом.

Но первые же удары в стенку нарушили, очевидно, неустойчивое равновесие земляных масс, и сверху посыпались камни.

— Осторожнее! — крикнул я, отгаскивая Сергея за руку.

И во-время! Груда земли и камней рухнула вниз, засыпав начатое углубление. Каменная лавина накрыла бы и Сергея, если бы он не отскочил в сторону.

Повидимому, здесь и раньше уже был оползень, остановившийся на полпути, а сейчас песок и камни снова пришли в движение.

Мы подождали, пока все не успокоилось и пыль, повисшую в воздухе, не отнесло в сторону.

Крутая стенка сопки была теперь закрыта обвалом. Казалось, природа не хотела выдавать нам обнаруженное с таким трудом богатство.

Но это были бесполезные и жалкие увертки. Я сидел на корточках и подбирал куски породы, которые Сергей успел выбросить лопатой. Сергей рылся в песке, извлекал все новые и новые образцы руды.

Мы ощупывали и оглядывали каждый подозрительный комочек. Здесь не было хрупких черных комьев, типичных для магнитного железняка. Зернистая бронзово-желтая порода, попадавшаяся под руку, напоминала по

виду большие куски золота... Все признаки магнитного колчедана!

Магнитный колчедан и была та руда, которую мы искали. Именно в этой железной руде встречаются в виде примесей никель и кобальт, более ценные, чем само железо. Правда, ценность находки еще была неясна: в колчедане могли оказаться только «следы» никеля, и в том случае руда была бы лишена промышленного значения. Но, с другой стороны, известно много случаев, когда в магнитном колчедане встречалось в виде «посторонних» примесей столько никеля, сколько его не содержится даже в некоторых чисто никелевых рудах. Окончательный ответ мог дать химический анализ.

Я поднес лупу к куску колчедана, и мне показалось, что я вижу микроскопические вrostки посторонних минералов.

— Пошли! — воскликнул я, засобывая последние куски в мешок. И мы побежали к лагерю.

В лагере мы застали следующую картину.

Три голубя сидели рядышком на жердочке, привязанные бечевкой за ноги, и с видом обреченных на казнь узников поглядывали на Сашу Еременко, который с огромным ножом в руках делал какие-то приготовления.

— Он решил зарезать голубей! — воскликнул Сергей.

— Ни в коем случае, — решительно возразил я. — Во-первых, голуби не наши, мы, следовательно, не имеем права ими распорядиться. А во-вторых...

Но мне было некогда объяснять, что «во-вторых», и я предоставил это сообразительности Сергея, а сам направился в палатку.

В походных пробирках у меня были готовые растворы. Анализ не отнял много времени.

— Ура! — закричал я, когда последняя манипуляция подходила к концу.

Снаружи раздавались еще более громкие крики.

Выйдя из палатки, я увидел Сашу и Сергея, которые стояли около голубей и о чем-то горячо спорили, — оба с ножами в руках.

— Из-за чего шум? — сказал я. — Вы сюда посмотрите!

Я поднял пробирку.

— Никель? — Еременко почти благоговейно уставился на пробирку, на дне которой, как ртуть в термометре, поблескивал металлический осадок.

— Содержанье? — Сергей выпустил из рук нож, он воткнулся в землю.

— Шесть и семь десятых!

Сергей свистнул:

— Ого! Вдвое больше, чем во многих никелевых рудах.

— Отлично, — сказал Саша, — вот и голуби пригодились!

Я посмотрел на друзей.

— Голубиная связь, — пояснил Еременко. — Что еще тут непонятного!

Ах, вот в чем дело!

— Что ж, это идея.

Мы выпускали голубей поодиночке...

Но куда они полетят, эти голуби, если мы их отправим в путь? В свои голубятни? Но мы ведь ничего не знаем про них, за исключением совхоза «Таежный», откуда был голубь № 3.

— Какое это имеет значение! — Саша нетерпеливо пожал плечами, когда я изложил ему свои соображения. — Ты меня просто удивляешь. Где бы ни находились эти голубятни, везде — такие же советские люди, как и мы с тобой. Напиши только сверху: «Переслать в Листвянск». Что же, ты думаешь, не перешлют, что-ли?

— Хорошо, но что ты делал целое утро? — заинтересовался я.

— Вот это.

Саша показал короткие алюминиевые трубочки. Это были пенальчики, которые он вырезал ножом из корпуса конденсатора, извлеченного из разбитой ради. А шум, оказывается, был поднят Сашей и Сергеем из-за конструкции пенальчиков. Каждый наставлял на своей модели, как будто это могло иметь какое-нибудь значение!

Для большей надежности мы решили послать всех трех голубей сразу.

Я быстро сочинил донесение, Сергей, обладавший бисерным почерком, изготовил с помощью лупы три крошечные копии, вложил голубеграммы в алюминиевые конверты и прикрепил их к ножкам птиц.

Теперь настала очередь действовать нашему начальнику связи.

Как заправский голубятник, он вскружился шестом, к которому была привязана голубая майка.

Мы выпускали голубей поодиночке, с промежутком в полчаса.

Сделав несколько кругов, птица, напуганная взмахами шеста и холостыми выстрелами — не столько в виде самюта, сколько в качестве средства поощрения, — ложилась на курс и исчезала в воздухе.

* * *

Взяв ружья, мы отправились на охоту. Это было теперь самым неотложным делом.

Настреляв рябчиков, уже под вечер возвращались мы все трое в лагерь.

— Еще один! — воскликнул Сергей, указывая на птицу, одиноко сидящую на основном суку. — Пальнем для ровного счета.

И он приложился. Я успел толкнуть Сергея под руку. Выстрел грянул мимо.

Птица взвилась в воздух. По кувыркавшемуся полету в «рябчике» можно было узнать одного из наших голубей, отправленных с голубеграммами.

— Турман, — констатировал я.

Еремюк сплонул.

— Гордецы все такие, — заметил Сергей. — Этот махнатый всегда о себе воображал... Ничего, Саша! Остаются два очка из трех возможных.

На другой день утром, еще лежа в постелях, мы услышали над своими головами нежное воркование. Сквозь полотно палатки виднелись движущиеся тени, в которых мы узнали силуэты птиц. Выйдя из палатки, мы обнаружили на крыше нашего жилища еще одного возвратившегося почтальона — это была голубка, в свое время первая навестившая нас здесь, в тайге.

— Телеграммы возвращены, — Сергей вздохнул, — за ненахождением адресата.

Действительно, осмотр птиц обнаружил, что в их пенальчиках лежат наши собственные нетронутые голубеграммы.

— Ну, теперь жди третьего, — сказал я.

Подняв головы, мы посмотрели в небо.

Но ожидаемой точки там мы не увидели.

Зато послышался слабый шум самолета, летящего где-то за сопками.

— Ага! — Сергей хлопнул по плечу Еремюк. — Поздравляю, Саша! Одно попадание из трех возможных... Молодец третий номер! Он всегда казался мне самым порядочным... Но как быстро отозвались в Листвянске.

Еремюк быстро схватил ракетницу и поднял ствол вверх. Красная дымящаяся черта прорезала воздух.

Но шум мотора, вызывавший эхо и слышавшийся поэтому с двух сторон, постепенно ослабевал, пока, наконец, совсем не затих.

— Промаяхнулись, — с досадой сказал Сергей. — Ты координаты точно указал?

— Я говорил, что будут искать! Видите, ищут! — ответил я.

— Так ты думаешь... — упавшим голосом проговорил Сергей.

— К нашей голубеграмме это никакого отношения не имеет! Ищут по квадратам...

— А, может быть, так просто самолет пролетел, — высказал мрачное предположение Еремюк. — Случайный какой-нибудь рейс — медицинская помощь или там лесная охрана: смотрят, нет ли пожаров.

Весь день мы прислушивались, не раздастся ли шум самолета, но к обычным звукам тайги не примешивалось никаких посторонних звуков.

* * *

Обследуя обнаруженное накануне месторождение, мы нашли еще несколько выходов рудного пласта почти к самой поверхности земли.

— Как там наши голубочки поживают? — говорил Сергей, когда мы возвращались в лагерь.

Как выяснилось, птицы чувствовали себя отлично, тем более, что вместо оставленной утром пары нас ожидала в лагере вся тройка.

— Полный сбор, — заметил я. —

Поразительная привязанность к трем молодым рудоскателям.

— Да-а! — протянул самым мрачным тоном Еременко и отвернулся в сторону.

— А вроде казался самым надежным, — огорчился Сергей. — Ты что же это, милый? — обратился он к голубю № 3. — Стыдно, брат!

Но «милый» вовсе не казался пристыженным. С обычным своим общительным видом он сделал по траве несколько шажков к Сергею и заглянул в ладонь, куда тот высыпал из кисета крошки табаку. Клонув в ладонь, птица с недовольным видом замотала головой и только что не начала плевать.

— Не нравится? — спросил Сергей. — И этот, брат, последний. Нет больше табачку!

И вдруг воскликнул:

— Те-те-те! А это что такое?

Он показывал на пеньчик, привязанный к розовой лапке птицы.

— Ты же сам его запечатывал, — я пожал плечами. — Что же, ты не узнаешь?

— В том-то и дело, что не узнаю! — торжествуя закричал Сергей. — Этот побольше, да и другой формы.

Я отделил от ножки голубя пеньчик — алюминиевую трубочку, отштампованную фабричным способом. Внутри лежал лоскут бумаги, свернутый аккуратным рулончиком.

Письмо было адресовано мне. Из совхоза «Таежный» передавали полученные по телефону указания из Листвянска. Завтра работ не производить, с утра быть всем в сборе, развести костер побольше и постараться, чтобы он посылнее дымил. Ждать прилета геологов и рабочих с базы.

— Ура! — закричал Сергей и, вытряхнув из кармана последние крошки шоколада от «неприкосновенного запаса», бросил их голубю.

— Премия, — пояснил он. — Надо же чем-то отметить хорошую работу!

* * *

Некоторое время мы все шумно радовались. Но через несколько минут Сергей перестал смеяться и начал как-то странно поглядывать на голубя № 3, принесшего нам счастливую весть.

Видимо, какая-то новая идея возникла в его беспокойной голове.

— Послушай, Саша, — сказал он, наконец, потирая лоб и наморщив лицо от напряжения мысли. — Как же он прилетел сюда?

Еременко взглянул на Сергея, затем свиснул и, тоже приняв недоумевающий вид, почесал в затылке.

— Действительно, — пробормотал он.

— Да что случилось? — спросил я нетерпеливо.

Эти истории с голубями начинали мне надоедать. Голубь выполнил свою задачу, голубеграмма была доставлена, и ответ получен. О найденном месторождении знали в Листвянске — чего еще ломать голову?

— Дело в том, — растерянно ска-

зал Сергей, — что голуби умеют находить путь только к своей голубятне. А так, по специальным заданиям, — например, слетать в тайгу и отыскать экспедицию, — они не работают. Такой штуки никакой дрессировкой еще никто не добился. Очень странный случай.

Саша и Сергей посмотрели на голубя так, словно ожидали, что он вот сейчас заговорит с ними.

Но по траве бродил самый обыкновенный сызак, не без удовольствия подбиривший крошки шоколада.

Я махнул рукой и, встав с места, отдал распоряжение готовиться к прилету ливтянских товарищей.

* * *

На другой день с утра мы развели такой огромный костер, что если бы пролетал самолет лесной охраны, пилот наверняка сделал бы вывод, что тайга горит.

Жирными клубами дым поднимался

от стога, который мы сложили из сырых ветвей, и волнистым столбом тянулся в небо.

Но прошло часа три или четыре, прежде чем мы услышали далекое жужжание в воздухе.

Через несколько минут что-то сверкающее, взмахивающее прозрачными, как у стрекозы, крыльями появилось над лесом.

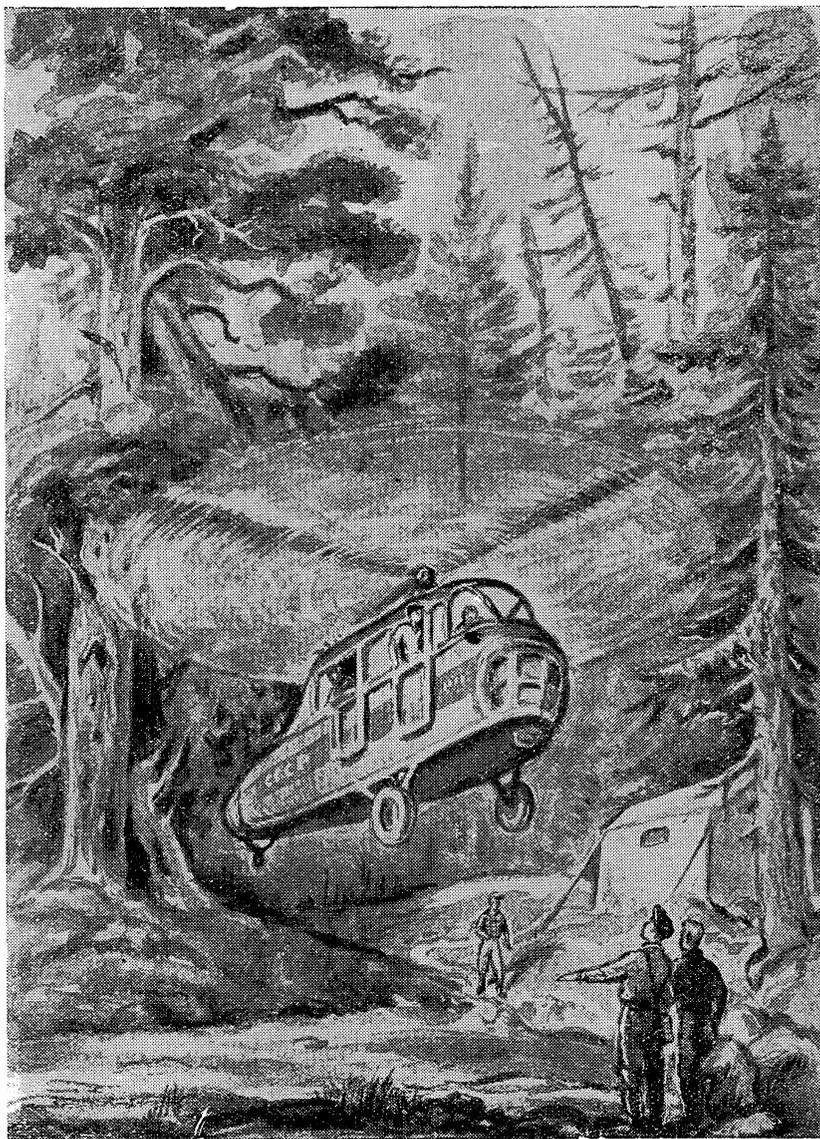
Когда это нечто приблизилось, мы увидели повисшую в воздухе кабину и сверкающий круг над ней.

Геликоптер снижался вертикально, словно люди в кабине находились в лифте.

С большим трудом геликоптер сел на тесную площадку, приготовленную нами у ручья.

Из кабины вышли главный геолог треста Макарь Иванович Дубравин и еще четыре человека в рабочих комбинезонах.

Это была первая партия. За ней последовали новые. Геликоптер совершил в этот день шесть рейсов.

Геликоптер снижался вертикально.

Весь вечер просидел он на пеньке, глядя на костер.

* * *

Работы развернулись сразу по нескольким направлениям.

Пока производилось «окопирование» месторождения — определение границ залегания руды и толщины ее пласта с помощью буров, доставленных по воздуху, один из прибывших с Макаром Ивановичем инженеров намечал по карте направление просеки — трассы будущего шоссе, которое должно было соединить проектируемый никелевый рудник с железной дорогой, что проходила в двухстах километрах отсюда.

Геликоптер все прилетал и улетал, привозя людей и доставляя имущество.

Тайга наполнилась шумом, грохотом взрывов, человеческими голосами.

Всюду виднелись затесанные топором деревья с различными пометками, вбитые в землю свежие колышки, дощатые указатели, прикрепленные прямо к скалам.

Новая радиостанция протягивала сверкающий на солнце канатик между верхушками могучих лиственниц.

Ее обслуживал целый штат, неся круглосуточное дежурство. Все бури, в том числе и магнитные, миновали, и радиосвязь действовала безупречно.

Как-то вечером вместе с группой новоприбывших товарищей мы сидели за ужином за грубо сколоченным столом, установленным прямо под открытым небом.

То один, то другой из ужинавших кидал крошки хлеба голубям.

— Вот любопытный случай, — обратился Сергей к компании и рассказал всю историю с голубями.

Инженер-радиотехник, прилетевший только сегодня утром, слушал внимательнее других. Раз два во время рассказа Сергея он улыбнулся.

— И вы, — обратился он не к Сергею, а к Саше Еременко, — не поняли, почему голубям так «понравилось» у

вас? А вам как радисту надо бы знать...

И гость рассказал нам удивительные вещи!

— Ученых, — говорил он, — давно интересовал вопрос: каким образом птицы, преодолевая большие расстояния, выдерживают курс с точностью, которой мог бы позавидовать иной штурман? Что ведет их в полете?

Оказалось, что своеобразным ориентиром для птиц служит магнитное поле Земли.

Наша Земля представляет собой гигантский магнит, южный полюс которого находится севернее Канады, а северный — южнее Новой Зеландии. Магнитные силовые линии, сходящиеся у полюсов, окутывают весь земной шар. В разных местах они имеют неодинаковую густоту и неодинаковый наклон к земной поверхности.

Птицы, в частности голуби, обладают способностью ощущать и различать эти характерные особенности магнитного поля Земли.

Некоторые исследователи полагают, что при движении голубя в магнитном поле Земли, в организме птицы возникает электродвижущая сила индукции (как и во всяком проводнике, пересекающем магнитные силовые линии). Это неудивительно, так как в организме птицы тоже есть «провода» в виде кровеносной и нервной системы и т. д., по которым может течь электричество. Руководствуясь ощущением этой электродвижущей силы, голубь и находит направление к своей голубятне.

Другие исследователи считают, что птицы могут ощущать воздействие магнитного поля Земли не только описанным путем, но и другими способами.

Во всяком случае установлено, что во время сильных магнитных бурь, а

1 Ниже излагаются действительные взгляды ученых на физические основы перелетов птиц.

также вблизи мощных радиопередатчиков, излучающих в окружающее пространство электромагнитные волны, птицы, совершающие перелет, сбиваются с пути и начинают беспорядочно блуждать.

— Магнитная буря, продолжавшаяся несколько дней, сбила с толку голубей, которые, вместо того чтобы вернуться домой, залетели к вам, — закончил инженер.

— Почему же они прилетели именно к нам? — спросил я.

— Потому, что густота и наклон силовых линий магнитного поля Земли в районе, где расположен лагерь, очевидно, сходны с густотой и наклоном их в той местности, где стоят голубятни.

— А разве возможно такое совпадение? Ведь птицы из разных голубятен!

— Такие совпадения бывают. А в данном случае это доказано. Вы знаете, как очутился у вас голубь, который доставил вам ответную голубеграмму?

— Как! — воскликнули мы все трое.

— Очень просто. Его взяли на борт самолета лесной охраны, совершавшего очередной рейс, и когда тот очутился по примерным расчетам ближе к вам, чем к совхозу «Таяжский», птицу выпустили. Голубь сделал несколько кругов, ориентировался в магнитных силовых линиях и взял курс к лагерю. Мы решили предупредить вас, прежде чем высылать геликоптер.

— Удивительно! — сказал я.

А Сергей задумался. Весь вечер просидел он на пеньке, глядя на костер.

Как потом выяснилось, не зря его мысль возвращалась все время к загадке трех голубей.

Утром после завтрака, когда все собрались покурить, перед тем как разойтись по своим участкам, Сергей подошел к радиоинженеру и задал ему несколько вопросов, которые показали нам сначала очень странными.

— Скажите, — сказал Сергей, — эта сопка, — он кивнул головой в сторону горы, в которой мы обнаружили магнитный колчедан, — эта сопка оказывает заметное влияние на магнитное поле Земли в данном месте?

Я с удивлением посмотрел на своего друга. О том, что найденное нами месторождение вызывает магнитную аномалию, Сергею было так же отлично известно, как и мне. Ведь именно по этому признаку было предсказано наличие руды в этом районе при магнитной съемке с самолета. Сопка Никелевая (так ее назвали) состояла в значительной степени из магнитного колчедана, и это, естественно, отражалось на характере силовых линий в данном районе.

— Конечно, — инженер пожал плечами.

— Отлично, — сказал Сергей таким тоном, как будто полученный ответ доставил ему глубокое удовлетворение. — Теперь такой вопрос: в

той местности или, вернее, в тех местностях, откуда к нам прилетели эти так пригрозившие нам голуби, картина магнитного поля должна быть сходной со здешней?

— И это верно.

Инженер посмотрел на нас недоумевающе: как, мол, медленно сообщает ваш товарищ. Ведь мы об этом вчера говорили!

— Значит, — сказал Сергей с удивлением, — там тоже должны быть магнитные аномалии?

— Не обязательно, но... — инженер не докэчил.

Он хлопнул себя по лбу и с восхищением посмотрел на Сергея.

* * *

Остается досказать немного.

В истории науки известны случаи, когда некоторые открытия делались в результате чисто логических рассуждений. Так, астроном Леверье открыл планету Нептун, не глядя на небо, а сидя в кабинете и занимаясь вычислениями на бумаге. Зная отклонения планеты Уран от своей нормальной орбиты, он пришел к выводу, что эти неправильности в движении планеты вызваны новой неизвестной планетой, орбита которой находится за Ураном. Основываясь на теории тяготения, Леверье вычислил даже примерное расстояние этой предполагаемой планеты от Солнца. Ее впоследствии действительно открыли в указанном месте.

Великий русский физик Лебедев открыл световое давление, исходя из электромагнитной теории света. В отличие от Леверье, ограничившегося теоретическими расчетами, а открытие планеты предоставившего другим, Лебедев, сделав правильный вывод о том, что световые лучи должны оказывать давление на предметы, на которые они падают, сам же впервые в мире доказал это очень остроумно и искусно поставленным опытом.

Открытие Сергея было, конечно, другого масштаба, но оно относилось к той же категории побед человеческой мысли. Исходя из физической теории полета птиц и законов магнетизма, он сделал чисто логический вывод, что в местах, где находятся голубятники наших пернатых гостей, тоже возможны месторождения магнитной руды наподобие сопки Никелевой.

Теперь, когда предположение Сергея было высказано, нам всем казалось странным, почему никто не додумался до этого раньше.

Оставалось проверить этот вывод.

Было решено поручить проверку «гипотезы Одинцова» нашей же поисковой партии в ее прежнем составе, то-есть Сергею, Саше и мне.

Мы начали с голубя № 3, местожительство которого было известно. Явившись в совхоз «Таежный», мы обратились за содействием к местным организациям, и те подняли на ноги всю молодежь. Однако самые настойчивые поиски ни к чему не привели. Мы нашли только тощие

прожилки бурого железняка — низко-сортовой руды, не имеющей большой ценности.

Попутно выяснилось, что в магистрали высокого напряжения, проходящей в районе совхоза, из-за повреждения изоляции на одной из мачт была утечка тока. Блуждающие под землей токи, очевидно, и вызвали магнитную аномалию.

Местные электрики были очень удивлены, узнав, что мы обнаружили это повреждение фактически за 200 километров отсюда по полету голубя. Смущенные нашим открытием, они решили проверить состояние изоляции по всей сети. Это утешало нас, но не могло заменить руду.

Много было хлопот, пока не выяснили, кому принадлежат остальные два голубя. Как и предполагал Сергей, они оказались из разных мест.

Владелец горделивого турмана жил в полтора километра от Листвянска, вблизи недавно вступившего в эксплуатацию железного рудника. Тем самым, естественно, объяснилась и магнитная аномалия в этом районе: там добывался магнитный железняк.

* * *

Позже всех был разыскан владелец голубки, прилетевшей к нам самой первой. Это был мальчуган лет одиннадцати, сын путевого обходчика на самом глухом участке проложенной в тайге железнодорожной линии. Он очень обрадовался, когда мы вручили ему его голубку, которую он считал пропавшей без вести. У мальчика было всего два голубя, и пропажа половины его «поголовья» сильно его огорчала.

Несколько дней бродили мы в дикой глуши, которая началась прямо за порогом будки путевого обходчика. В нашу работу включился Коля, а в свободное время принимал участие в поисках и его отец.

И тут нам, наконец, повезло, если только это слово хоть в какой-нибудь мере подходит для данного случая.

Гипотеза Сергея получила, наконец, свое блестящее подтверждение. Мы обнаружили месторождение, по всем данным, не беднее, чем сопка Никелевая.

Главный геолог треста, получив наше известие, немедленно прикатил на дрезине.

— Да, — сказал Макар Иванович, ознакомившись на месте с находкой, — вот это, я понимаю, геолого-разведка.. с помощью голубя!

* * *

Мы сидели на скамейке у порога будки. Голубе нитки рельсов уходили вдаль, огибая сопку.

— Птица все-таки принесла нам счастье, — сказал я. — Хоть мы и шутили, а оказалась настоящая «синяя птица»!

Коля с довольным видом погладил по спине свою голубку.

— Да-а... — мечтательно протянул Макар Иванович, — счастье, счастье...

Он тепло посмотрел на Одинцова.

— Сергей Петрович, — продолжал он сердечным тоном, — действительно счастливый человек. Это ведь небольшое счастье — иметь ясную голову на плечах. А еще большее счастье — принести пользу своей стране. И Сергею Петровичу посчастливилось сделать это в самом начале своего жизненного пути. Это уже счастье самое настоящее...

— А птица... — Макар Иванович покряхтел. — Что ж, сама по себе она только птица и больше ничего. Надо уметь поймать ее, «синюю птицу»! В этом весь фокус.

Мы так и назвали новое месторождение — «Синяя птица». Под этим обозначением, читатель, если захочет, теперь может найти его на картах.

Еремень-Тау

...В тяжелой борьбе отстаивали казахи свою землю от посягательств джунгар. Во время одного боя, говорит старинное казахское предание, Богумбай вместе со своими товарищами загнал неприятельских конников на вершину Кар-тау (Старые горы). Предводитель джунгар, сильный и угрюмый воин, вызвал Богумбая на единоборство. Богатыри сошлись, и великая тишина Старых гор дрогнула от звона оружия. Долго бились соперники, не уступавшие друг другу в силе и ловкости, и когда поломались их копыта и сабли, Богумбай схватил с земли огромный камень и опустил его на голову чужеземца. Сбросив мертвое тело, конь убитого умчался. Ярko сверкнули драгоценные камни, которыми было украшено его седло. Воины Богумбая бросились ловить коня, и вскоре в горах раздался ликующий крик:

— Еремень, еремень!.. Нашли с седлом, с седлом!..

С тех пор в память победы над джунгарами казахи перенменовали Кар-тау в Еремень-тау.

Горы Еремень-тау — это край неисчислимых богатств, с каждым годом все больше и больше привлекающих внимание человека.

По дороге, ведущей к горам от села Благодатного — центра Эркеншеликского района, непрерывной цепочкой идут автомашины. Над степью висят дымки экскаваторов. Здесь волей советского человека будет проложена железнодорожная линия. Новая магистраль даст выход экибастузскому углю, запасы которого исчисляются многими миллионами тонн. Синеватые нити путей уходят все дальше и дальше, и вместе с ними меняется привычное и однообразное лицо степи. Снуют люди, машины, вырастают домики, целые селения.

...Если проехать вперед, в сопках покажется вышка шахты «Социал», дающей каменный уголь для ряда промышленных предприятий и колхо-

зов. Геологическая разведка обнаруживает в окрестностях все новые залегающие угля.

Многокилометровая гряда невысоких сопok и перелесков кончается неожиданно: перед глазами в рамке желтых камышей возникает в пронзительной кобальтовой синеве озеро Куржункуль.

Главное богатство Куржункуля — роскошные пастбища, расположенные вокруг спокойной сини озера. Природа словно специально создала эти места для скотоводов. Пастбища надежно защищены горами от пронизывающих зимних ветров. Под боком изобилие щебня, идущего на постройку жилищ и загонов для скота. В складках гор растут карагач, береза, осина. Озеро дает рыбу. Лес и горы — пушнину и дичь. Здесь водятся лисы, корсаки, тетерева, бе-

лые куропатки, дикие козы. На пастбищах много водоемов, и среди них никогда не замерзающие ключи с красивыми звучными названиями — Аулис-булак (священный ключ), Кайнар-булак (кипящий ключ) и другие.

За годы советской власти горы Еремень-тау превратились в прочную базу колхозного отгонного животноводства. Сюда приходят со своими стадами животноводы Эркеншеликского и Вишневого районов Акмолинской области, Осокаровского района Карагандинской области и другие.

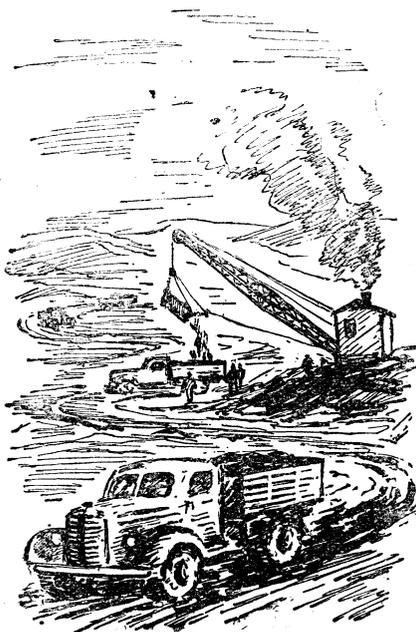
Умело используя щедрые дары природы, передовые колхозники добились замечательных успехов в развитии животноводства. Имена их известны всей стране. В этих горах выросли, живут и работают Герои Социалистического Труда Турсумбай Бимжанов, Мейман Макатаев, Кожамет Махметов, Балабек Жахин и десятки других героев и орденосцев, беззаветным трудом множащих мощь и богатства своей великой родины.

В центре отгона, на урочище Жортан, создана школа для детей отгонщиков, вторая школа в этом году открыта на берегу Куржункуля. На Жортане работает радиостанция, связывающая отгон с районными центрами. В полукилометре от Жортана — медицинский пункт.

Еремень-тау называют горами прошлого. Но еще больше — это горы будущего. Недалеко то время, когда неисчислимые богатства, тающиеся в их недрах, будут полностью использованы на благо советским людям. Красивые затаенные мечты, которые казахский народ вкладывает в свои легенды и сказки, превращаются в реальную действительность.

**А. Дубовицкий, А. Дубицкий,
Н. Почивалин**

Еремень-тау, Акмолинская обл.
Казахской ССР

Ячеистое выветривание горных пород

На обрывистых и крутых береговых скалах морских бухт и небольших заливов Приморского края наблюдается одна из интереснейших форм выветривания горных пород — так называемое «ячеистое выветривание».

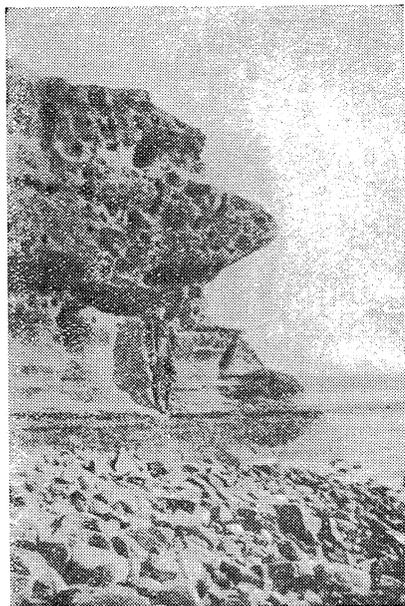
Происхождение этого интересного геологического явления связано ис-

ключительно с деятельностью ветра, и главную роль в его образовании играет так называемое шлифующее (точащее) и уносящее действие ветра. Ветер во время сильных сухих зимних муссонов, дуящих с северо-запада, обдувая береговые скалы, вырывает частички из трещинок горных пород и, унося их дальше, точит и шлифует ими горную породу.

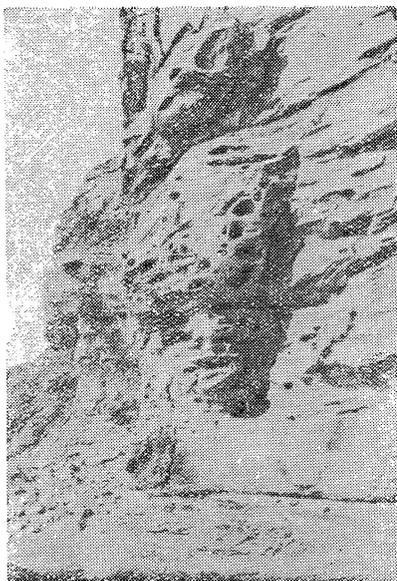
В результате этой продолжительной и кропотливой работы горная порода с поверхности покрывается углублениями весьма различных размеров и формы. Чаще всего это небольшие ямки в несколько сантиметров в поперечнике, глубина которых обычно равна приблизительно их диаметру, а форма или круглая, или слегка вытянутая. Эти отдельные ямки собраны в группы самой причудливой формы и разделены между собой тоненькими стенками. Они напоминают собой ячеи сот диких ос или пчел, отчего и получили свое название «ячеистое выветривание».

Ячеистое выветривание во многих местах чуть ли не на половину покрывает стенки береговых скал (на высоте обычно от 2 до 8 метров над уровнем моря, а иногда и выше — в поясе между 25 и 50 метрами), придавая им своеобразную красоту.

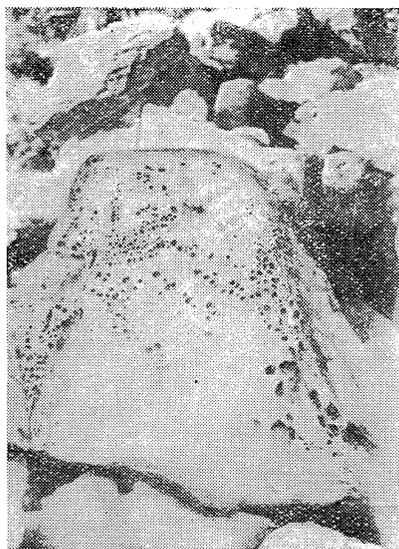
На наших фото показаны некоторые любопытные формы ячеистого выветривания.

Ячеистое выветривание на скалах глинистого сланца.

Скалы песчаника, покрытые «ячеями».

Глыба базальта.

В порты советского Дальнего Востока после трудного, продолжавшегося более пяти месяцев рейса прибыли благополучно парусные шхуны «Звезда», «Глобус», «Блеск», «Омар».

Рейс был начат в Балтике. Шхуны прошли около 17 тысяч миль, миновав в своем пути Атлантический и Тихий океаны, Панамский канал, острова Зеленого мыса, Виргинские и Гавайские.

Одна из шхун — «Омар» — завершила рейс на пять суток раньше срока. От берегов Африки шхуна «Омар» шла к Панамскому каналу двадцать суток в полосе сильных штормов. Шхуна прибыла в порт Невельск. В Петропавловск на Камчатке прибыла шхуна «Глобус». Эта шхуна на последнем переходе от Гавайских островов до Камчатки попала в полосу тяжелых штормов. Экипаж шхуны справился с ними успешно, моряки работали самоотверженно и вывели судно из штормовой полосы без потерь.

Путь этих шхун совпадает в его значительной части с маршрутами русских кораблей «Невья», «Надежды», «Камчатки» и «Паллады», в начале XIX века совершивших первые кругосветные плавания.

Из своего третьего антарктического рейса вернулась в Одессу советская китобойная флотилия «Слава».

Флотилия была очень торжественно встречена черноморскими моряками и населением Одессы.

На митинге, состоявшемся в порту, выступил капитан и директор флотилии тов. Соляник, сообщивший, что в этом сезоне план улова китов был перевыполнен флотилией больше чем на 30 процентов. Работали китобой в трудных метеорологических условиях, борясь с тяжелыми штормами.

В Корсаковский порт на Сахалине прибыл пароход «Комсомолец», вышедший в ноябре 1948 года из Мурманска в порты Норвегии, а оттуда взявший курс на Дальний Восток.

«Комсомолец» успешно завершил переход через три океана и несколько морей. В Средиземном море судно выдержало в течение трех суток жестокий шторм.

Молодежная команда судна по пути наблюдала жизнь и быт капиталистических колоний, видела нищету народных масс на фоне великодушных зданий, контор и банков Порт-Саида, Адена, Сингапура. В Порт-Артуре комсомольцы осмотрели места исторических сражений и посетили могилы русских героев-моряков.

Из Балтики пришел в Черное море теплоход «Витязь», океанографическое научно-исследовательское судно.

Название свое теплоход получил в честь «Витязя» С. О. Макарова — сузна, сыгравшего огромную роль в развитии отечественной и мировой океанографии.

На теплоходе оборудован ряд научно-исследовательских лабораторий. В одном из трюмов находятся стеллажи для коллекций. Судно имеет специальное якорное устройство для стоянки на больших глубинах. Советским ученым-океанографам предоставлены на борту теплохода «Витязь» все условия для плодотворной научной деятельности.

ОЛЕГ ПИСАРЖЕВСКИЙ

Рис. С. Прусова

В 1876 году немногочисленные русские нефтеперегонные заводы задышали, хирели и замирали. Они не в состоянии были соперничать с американским ввозным керосином. Установленная правительственными чиновниками система взимания акциза (налога) за переработку нефти в корне подрывала развитие отечественного нефтяного производства. Акциз взимался по емкости перегонных кубов, имевшихся на заводе, и по времени перегонки. Поэтому тяжелые сорта нефти, которые перегонять приходилось дольше, использовать было невыгодно. Непереработанная нефть стояла озерами в земляных амбарах, медленно впитываясь в песок. Если акциз не вносился вперед за неделю, кубы опечатывались, и работа завода приостанавливалась. Когда некоторые промышленники попытались, следуя совету Менделеева, перейти на непрерывную перегонку, они не получили разрешения ввести такие установки. Чиновники не знали, как брать с них акциз.

Русское техническое общество решило найти выход в испытанном уже приеме: заинтересовать в изменении существующего нетерпимого положения казну. Для этого нужно было доказать, что обложение, поощряющее, а не задерживающее развитие промыслов, может принести большой до-

ход казначейству. Материалы к докладу должны были собрать Менделеев, командированный для этого на американские нефтепромыслы, и профессор горного института Лисенко, направленный с той же целью в Баку.

Так Менделеев очутился на пароходе «Лабрадор», совершавшем регулярные рейсы в Нью-Йорк. Спутником Менделеева был его ассистент Гемилан, в совершенстве владевший английским языком.

Пассажиров было немного: дама из Ванкувера, путешествующий граф из Болоньи, испанский моряк, часовщик-швейцарец, бывший адвокат, инженер... Все они высказывали различные, большей частью похвальные, суждения об Америке. Но громче всех звучал восторженный голос некоего «французика из Бордо».

Описывая свое путешествие в США¹, Менделеев отмечал жар, с которым этот французский поклонник Америки описывал поэтические красоты американских гор, степей и особенности американской жизни.

Через «Чортову пропасть» перед Ньюфаундлендской мелью пароход

шел в тумане. Дрожь тихо работающих машин замирала где-то в глубине парохода, где пахло горячим маслом и паром. Казалось, что пароход неподвижен, а мимо него проносятся опустившиеся до самой воды облака. Седые, рваные космы тумана змеились вдоль палубы, перекручивались, взлетали и вместе с дымом, неторопливо валившим из труб, уносились куда-то в холодную мглу. Постепенно туман становился все плотнее, все безнадежнее. Он наполнял все пространство, скрывая от глаз серое небо и круглые, лениво перекатывающиеся внизу валы. Менделеев в одиночестве бродил по палубе, закутанный в свою черную крылатку. Все чувства его были обострены. Ухо невольно чутко прислушивалось к глухим ударам колокола на носу, к чужим гудкам, изредка прорывавшимся где-то над бортом сквозь густую пелену тумана. Усы, борода и пышная шапка ничем не прикрытых волос были усеяны капельками влаги. Но он не уходил в каюту; здесь, в уединении, думалось как-то по-особенному хорошо.

Казалось, скоро оборвется край туманной полосы и обнаружится, что пароход стесит на виду у прекрасного города. Фантазия рисовала легкие, светлые здания, угопающие в зелени. Широкие улицы нарядны и праздни-

¹ В книге «Нефтяная промышленность в северо-американском штате Пенсильвания и на Кавказе». СПб, тип. «Общественная польза», 1877 г.

ны. Лица людей, встречающихся на пути, спокойны и ясны. Они озарены огнем внутреннего достоинства, которое поддерживается уверенностью в себе, в своих силах.

Менделеев с нетерпением ждал появления «обетованной страны» свободного труда, созданной пылким воображением человека, влюбленного в труд, признающего в нем высшую ценность жизни...

На одиннадцатые сутки в левой стороне от парохода вытянулся низкий песчаный мыс Санди-Хук. Вдалеке вырисовывались гористые берега с холмами Нью-Джерсея. Открывалась панорама Нью-Йорка.

* * *

Первым американским впечатлением Менделеева было посещение парохода сухощавым карантинным доктором с розой в петлице. Ему нужно было удостовериться в отсутствии среди пассажиров заразных болезней. «Он этой обязанности не выполнил», — придирчиво отметил Менделеев в записях своих путевых впечатлений. Ему очень хотелось, чтобы в Новом Свете все делалось как следует. Доктор сидел в курительной комнате с корабельным врачом. Они немощно выпили, и доктор, вполне удовлетворенный, отбыл. Менделееву объяснили, что это посещение стоит кораблю каждый раз всего лишь 50 долларов. Это вполне деловая комбинация, потому что если доктор не будет достаточно любезен, то за время действительного осмотра и вынужденной стоянки па-

роход сожжет угля на много большую сумму.

Между тем берега сузились, и Менделееву, с любопытством в них вглядывавшемуся, стали видны окраины Бруклина, лежащего на правой стороне — на острове Лонг-Айленд. Знаменитый мост через пролив, отделявший Бруклин от Нью-Йорка, тогда только начинал строиться.

Но вот протяжно закричали матросы, кидая причальные канаты. Загремели цепями опускающиеся сходни. На скрипучих досках набережной забросанной апельсиновыми и банановыми корками и обрывками газет, нарядная толпа пассажиров смешалась с потоком встречающих. Черные посыльщики с чемоданами в руках и на плечах пронзительными воплями прокладывали себе дорогу среди гостиничных агентов, разносчиков сладостей и фруктов. Путники погрузились в коляску и затряслись по каменной мостовой. «Я был поражен невзрачным видом улиц знаменитого города», — записал в своих нью-йоркских заметках Менделеев. — Они не широки, вымощены булыжником и чрезвычайно плохи, хуже, чем улицы Петербурга или Москвы. Магазины и лавки напоминают не Петербург, а уездные города России».

Разместившись в гостинице близ Юнион-сквера, Менделеев, в сопровождении Гемиллиана, отправился побродить по городу. Его подмывало поскорее прикоснуться к этой быстрой ключом чужой жизни, которая с самого начала показалась ему столь

странной, столь несхожей с его потаенными думами о ней.

«Шуми-городок», как американцы именовали Нью-Йорк, был весь заткан паутиной бесчисленных проводов. Электрическое освещение, три года назад впервые в мире заменившее два керосиновых фонаря на одной из окраин Петербурга, возле Преображенского плаца, еще не вышло на широкую дорогу из маленькой лаборатории А. Н. Лодыгина. Сеть бесчисленных проводов, в несколько этажей перекрывавшая улицы Нью-Йорка, несла лишь слабые токи телеграфной связи. По рельсовым колесам катили «расписанные картинками» дилижансы.

Путешественники вышли на улицу, на которой все нижние этажи домов были заняты магазинами. Дилижансы здесь ехали прямо по мостовой. На них было написано: «Бродвей».

— Неужели мы находимся на Бродвее? — спросил Менделеев. Его спутник отвечал, что этого быть не может. Не такова должна быть эта улица, пользующаяся такой известностью. Спросили у прохожего. Оказалось, и впрямь — Бродвей. «Впечатление от этой улицы было самое неважное», — записал Менделеев в своем отчете о путешествии. — Ожидалось видеть нечто гораздо более благоустроенное, поразительное, красивое, чем оказалось в действительности».

Если он действительно попал в «свободную страну свободных людей», то такая страна, казалось бы, должна была прежде всего подумать о привлекательности своих жилищ,

Впечатление от этой улицы было самое неважное.

театров, музеев. В человеке заложено стремление к прекрасному. Если общество людей организовано правильно, оно должно способствовать проявлению этого начала. Но почему же вокруг теснились неприглядные фасады грубых кирпичных домов? Уличная толпа казалась судорожно торопливой. Мужчины в котелках, просторных сюртуках и клетчатых брюках, плотно обтягивавших икры, женщины в пышных юбках, которые приходилось придерживать на быстром ходу, чтобы они не мели улицы, — все они куда-то спешили, все были поглощены снедающей заботой.

Менделееву хотелось во всем найти свою положительную сторону. В пренебрежении к внешности могла сказываться поглощенность будущим. Люди еще только строили свой дом, — в нем еще рано было наводить уют. Они торопились — дела приковывали все их помыслы, гнали их вперед и вперед. Но почему же повсюду так много объявлений о сдающихся в наем квартирах? Почему за сетчатыми железными воротами на замках открываются мертвые, безлюдные заводские дворы? Почему магазины сплошь затянuty колениковыми вывесками, изо всех сил зазывающими покупателей обещаниями «дешевой распродажи»? «Вы попали к нам в неудачное время, — говорили ему американцы в ответ на недоуменные вопросы: — Полоса застоя, наступившая три года назад, еще не миновала. Торговая и промышленная деятельность еще не успела вернуться к жизни после недавнего «страшного краха».

Менделеев возвращался в гостиницу полный раздумий. Он видел скверы, на которых все скамейки были заняты дремлющими людьми. Бездомные!.. На окраинных улицах он наблюдал пестрые картины нищеты, вытесненной из парадных деловых кварталов. Нищета просила здесь милостыню по-итальянски, по-немецки, по-шведски — на всех языках мира. Она рядилась в лохмотья, привезен-

ные из Ливерпуля или Марселя, из Ливорно или Триеста.

Как живут люди в Америке, Менделеев уже видел. Как и везде: одни хорошо, другие плохо. Теперь он хотел понять, чем они живут. Об этом не расскажут мимолетные встречи туриста. Чтобы постичь, чем люди живут, надо прежде всего узнать, как они работают.

Слов нет, американцы — народ деловой. Куда бы Менделеев ни приезжал, — а он объездил Пенсильванию вдоль и поперек, — он попадал в круг деловых рекомендаций. Коротенькие записки видных промышленников и инженеров, с которыми он беседовал, представляли другим промышленникам и инженерам знаменитого русского ученого. Никого не удивляло, что прославленный русский химик интересовался нефтью. Почему бы химик не быть деловым человеком?

Но Менделеев интересовался не только нефтью... Что касается американского нефтяного производства, то вся картина для него была ясна уже в первые недели пребывания в долине реки Аллегани, где были расположены главные нефтяные промыслы. Избран отправным пунктом станцию Петролия¹ — центр нефтяных богатств Америки, он обошел пешком десятки нефтеносных участков. Самым старым из них не было еще и двадцати лет. Почти до пятидесятих годов горючее масло добывали здесь из ям при помощи шерстяных тряпок. Они впитывали в себя масло охотнее, чем воду. Потом их выжимали. Такова была первая сепарация нефти. Через шесть лет, когда началась «петрольная горячка», земля около первых нефтяных колодцев оценивалась уже в 1—2 миллиона долларов. 1859 год отшумел, как эпоха «первого колодца Дрэка». Дрэк был изобретателем. О нем на промыслах говорили с добродушной усмешкой, пожимая плечами: «Несерьезный человек!» В Тэйтусвилле ему принад-

¹ От слова «петролеум», то-есть керосин.

лежало 25 акров земли. Когда в этих местах стали добывать нефть, он придумал вставлять в землю железные трубы и в них вести бурение. Выгоды от этого изобретения, в сотни раз ускорявшего и удешевлявшего проходку любых скважин, извлекли другие. Эдвин Дрэк приобрел на этом деле только мифическое звание «полковника», с которым и вошел в историю нефтедобычи¹. Слух о «капитане», а затем «полковнике» Дрэке был распространен ловкими дельцами, торговавшими его изобретением. До тех пор, пока оно не заговорило само за себя, надо было привлечь покупателя авторитетом имени его автора. Между тем для того чтобы закончить свои опыты, «полковнику» Дрэку пришлось продать свой участок за 10 тысяч долларов. Через год его участок стоил 90 тысяч долларов, а еще через несколько лет оценивался в полмиллиона. Дрэк закончил свои опыты с новыми скважинами, но к этому времени у него отняли все юридические права на его изобретения, он ходил с заплатами на коленях и «постреливал» по несколько центов на пиво у старых друзей. Он еще несколько лет толкался по участкам, оборванный и пьяный, и только в 1873 году, чтобы избавиться от этого неприятного «призрака», живого укора общественной совести, пенсильванское законодательное собрание назначило ему крохотную пенсию.

Зачем Менделеев собирал в своем отчете о путешествии в Америку подобные факты? Они не нужны были для выполнения его поручения. Ему следовало познакомиться лишь с федеральными законами обложения акцизом нефтяного производства.

Но правда об этой стране должна быть выяснена до конца. В поисках истины Менделеев был неутомим. Ему до всего было дело. Он замечал и жалкие амбары для хранения инструментов, и приземистые барачки для рабочих, и вышки, кое-как сколоченные из грубого теса. «Дело делается, видимо, настолько, лишь бы пригодно было для торговли», — замечал он. Производить надо ровно столько, сколько можно тотчас сбыть, а там хоть трава не расти! В бурении он не обнаружил никаких следов механизации. Зачем? Кризис еще не кончился, безработица в разгаре, рабочие руки ни почем.

Керосиновые заводы оказались весьма примитивными. Варварски непроизводительные перегонные кубы были настоящими истребителями топлива; Менделеев спрашивал, почему их не заменят более экономичными. Владельцы пожимали плечами. Зачем? Ведь сейчас кризис. Нефть дешева, уголь тоже. А переделка аппаратуры стоит дорого. Но разве у владельцев завода не болит душа за испорченное добро? Американец вежливо переспрашивал. Он не покинул вопроса. Здесь все было расчи-

¹ Первая в мире нефтяная скважина была пробурена на Ухтинском нефтяном промысле известным исследователем Европейского Севера России Синдоровым.

Он видел скверы, где все скамейки были заняты дремлющими людьми.

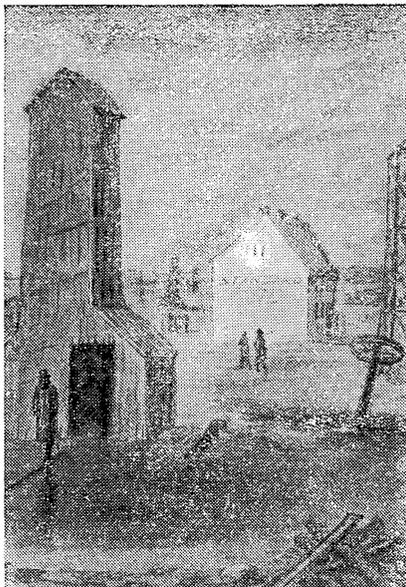
тано до последнего цента, что выгодно, что невыгодно, что стоит беречь и чего не стоит беречь. Что же, собственно, смущало мистера Менделеева?

О, его смущало очень многое... Великолепнейшие леса сводились на корню. На лесопильных заводах обрабатывалось только самое лучшее дерево. В крупных хозяйствах заготавливались только самые лучшие участки земли.

Менделеев проходил километр за километром вдоль нефтеносных участков, и, как в сказке о Коте в сапогах, оказывалось, что все пологие холмы аллеганской долины, на которых пасутся стада, все неустроенные земли с редко разбросанными фермами, все одинокие нефтяные вышки в степи принадлежат одному и тому же таинственному и безликому «маркизу Карабасу». На вопрос: «Чье это?» — он в девяти случаях из десяти слышал один и тот же ответ: «Стандарт ойл». Это было название нефтяной компании, захватившей почти весь нефтеносный район, контролирующей почти всю нефтяную промышленность. «Стандарт ойл» — это был псевдоним банкирского дома Рокфеллеров, знак крушения идеала «свободной конкуренции». Можно было без труда установить, как это крушение произошло.

То были последствия бури очередного промышленного кризиса, пронесшегося над Америкой.

«Очистительной бури», — с улыбкой говорили о последних кризисах в конторах компании «Стандарт ойл». «Страшной бури», — говорили о ней бывшие владельцы нефтяных колодезцев, проданных за долги, рабочие, уволенные с тысяч и тысяч остановившихся предприятий. За три года до приезда Менделеева в Америку ударом «страшного краха» закончился период стихийного разлива предпринимательства, когда закладывались сотни новых заводов, шахт, рудников, вокруг которых вскипала оргия безудержной спекуляции. Менделеев в своей книге отметил как одну из характерных черт этого периода ту горячку железнодорожного строительства, которая охватила Америку, «чрезмерное развитие железных дорог, не отвечающее производительности страны». Железные дороги в те времена удлиннялись на тысячи миль в год. Наспех уложенные пути прокладывались в пустынях, где их не ждали еще никакие грузы. Не к этому ли периоду относились описанные Жюлем Верном приключения Финеаса Фогта, который «прыгал» на паровозе через рассыпавшийся на глазах мост? Небрежно насланные насыпи, легкие мосты... Компании по эксплуатации новых линий возникали, как пузыри в дождь. Строительство дорог обгоняло заселение новых районов. Господствовали риск, стихия. Дорога не понадобится? Может случиться, что грузы потекут в другие места или их еще долго не будет вовсе? Ну, что же, значит, поставленная карта будет бита! Таков закон игры — игры, в которой принимае-

Он замечал все: и жалкие амбары для хранения инструментов, и приземистые бараки, и вышки, кос-как сколоченные.

участие множество участников. Средства на строительство притекают из тысячи рук, пестрые бумажки акций обмениваются на золото на десятках бирж, сотни маклеров собирают жатву доверчивости мелких держателей.

Газеты с умилением рассказывали историю двенадцатилетнего торговца спичками, скопившего деньги на счастливую акцию, которая пошла в гору. Он не зевал и дальше, и его подхватил вихрь успеха. Он стал миллионером, — казалось, таков был путь, «открытый для всех».

Но вот в «черную пятницу», в сентябре 1873 года, паника охватила биржу. Стоимость искусственно вздутых акций стала таять, как снег под лучами солнца. Все кинулись продавать свои ценности с тем же ожесточением, с каким недавно их приобретали. Тогда обнаружилось, что большинство акций железных дорог, заводов, копей, созданных за четыре года в большем количестве, чем за предшествующую четверть века, стоят немногим дороже бумаги, на которой они отпечатаны. Десятки тысяч владельцев акций, еще накануне лихорадочно следившие за колебаниями курса купли-продажи своих бумаг, в один день превратились в нищих.

Немногие «избранники» скупали за бесценок несчетные богатства. Именно в те дни Вандербильт и Гульд начали овладевать всеми действующими и строящимися железными дорогами. В дни наибольшего обострения кризиса они их покупали, а когда депрессия стала сменяться шумом нового подъема, они душили своих соперников непосильной конкуренцией. Свои рокфеллеры, вандербилды и гульды рождались в каждой отрасли индустрии. «Король Монополия» появлялся на исторической

арене, сагая через горы трупов, через моря нищеты.

Устоявшие дельцы самодовольно говорили Менделееву: «Добродушное войско не может рассчитывать на победу». А для него весь вопрос был в том, за что ведется война. Он не видел никаких радостей, никаких высоких идей в жизни, которая завоевывалась ценой отречения человека от всего человеческого, ценой превращения его в волка, грызущего других волков, чтобы не быть растерзанным самому.

Он ожидал, что в стране «свободного предпринимательства» за науку будет признано ее значение. Напрасные надежды. «Я обращался ко многим ученым для получения ближайших сведений о научной разработке нефтяных вопросов в Америке, — писал он. — Был немало удивлен, узнав, что ни с химической, ни с геологической стороны нет еще у американцев ответов на самые первые научные вопросы, относящиеся к нефти». И в другом месте: «Научная сторона вопроса о нефти, можно сказать, в последние десять лет не двинулась... В Америке... заботятся добыть нефть по возможности в больших массах, но беспокоясь о прошлом и будущем, о том, как лучше и рациональнее взяться за дело».

Побывав в Филадельфии, Менделеев оттуда поехал почти прямо на запад — через Гарисбург в Питтсбург. Там его познакомили с проектом нового нефтепровода, который должен был пересечь материк. Он интересовался экономическими обоснованиями проекта. Ему хотелось узнать, как учитывались интересы развития производительных сил отдельных районов. Еще один удар! Предприниматель, который ему демонстрировал проект, «главным поводом для проведения труб в Филадельфию... выставлял стремление... отнять, по возможности, у Нью-Йорка всю нефтяную торговлю». Бизнес — вот единственный владыка дум. Стремление схватить за горло конкурента — вот единственный двигатель технического развития.

Менделеев присутствовал на торжественном обеде у морского министра, на который были приглашены дипломаты и другие министры с семьями. Во время обеда зашел разговор о суде, который происходил в то время над военным министром, попавшимся во взяточничестве. Когда подали мадеру, хозяйка, по свидетельству самого Менделеева, сказала с улыбкой:

— Вы можете пить спокойно: Это вино куплено еще до того, как мой муж сделался министром...

От приемной министра до конторы партийного «босса», угрозой и подкупом добывавшего нужного кандидата голоса на выборах, вся политическая жизнь также была проникнута бизнесом. Это слово переводилось в данном случае не только как «продажность». Политика была в одно и то же время бизнесом и служанкой бизнеса. Менделеев, со свойственной ему прямоотой, называл вещи своими

именами. Он написал в своей книге: «Все, что пришлось узнать относительно местных политических партий и способов их действий, чрезвычайно мало говорит в их пользу... Хотя политикой интересуется всякий, но действуют в ней и руководят... немногие политики, которые при помощи политического движения обде- лывают преимущественно свои дела».

Третий месяц путешествия — июль 1876 года — был на исходе. Пора было думать о возвращении домой. Перед Менделеевым снова открылся безбрежный простор океана.

Новые настроения царили на пароходе. «Скучали не оттого, что составили Америку, возвращались домой, — писал Менделеев, — а оттого, что оставили в Америке веру в правдивость некоторых идеалов... В Америке думалось найти их подтверждение, нашлась куча опровержений...»

О каких идеалах он говорил? Это были идеалы, навеянные движением русской демократии, с которой он вырос. Это они делали его способным на сильную и смелую критику американской действительности. Он наблюдал картины буржуазного быта: «...отсутствие каких-либо идеальных стремлений», «политические неурядицы», «вражду к неграм», вообще «взаимную вражду национальностей», «стремление политикой, кампаниейскими приемами, прессой нажать и нажиться», «пользование трудом тех безответных, которые лишены капитала». Передавая в книге свои разговоры с возвращавшимися, Менделеев заключал: «Всем было ясно, что в Северо-Американских Штатах выразились и получили развитие не лучшие, а средние и худшие стороны европейской цивилизации... Новая заря не видна по ту сторону океана».

«Побывать в Америке поучитель-

но, — писал он. — Но оставаться там жить не советую никому из тех, кто ждет от человечества чего-нибудь, кроме того, что уже достигнуто, кто верит в то, что для цивилизации неделимое есть общественный организм, а не отдельное лицо... Им, я думаю, жутко будет в Америке...»

Но главного, основного, решающего вывода из всего виденного и слышанного Менделеев сделать не смог. Недостатки капиталистического общества, которые он наблюдал, так сказать, в «чистом виде», уже без примеси удручающей дикости крепостнического наследия, дольшего над развигнем капитализма в России, он не сумел воспринять как органические пороки системы, как язвы, с которыми капитализм родился и которым суждено углубляться и расширяться по мере его роста и рано или поздно неминуемо привести его к гибели.

Менделеев не смог подняться до понимания научно обоснованной Марксом и Энгельсом и к тому времени уже провозглашенной ими в «Коммунистическом манифесте» исторической обусловленности смены одного общественного уклада другим. Он не понимал, что крушение капитализма и смена его социализмом так же неизбежна, как наступление дня после ночи, что только социалистическая революция в состоянии ликвидировать вековечное противоречие между государственным и частным, общим и личным!

Во время приезда Менделеева в Америку в дымном Питтсбурге вспыхнула первая большая всеобщая забастовка рабочих, прокатившаяся до Сан-Луи. Менделееву не дано было понять, что первые пикеты забастовщиков, которые он видел, первые очаги сопротивления молодого рабочего класса своим поработителям — это и были провозвестники подлинной свободы и демократии,

это и была та заря, которая уже горела не только в Новом Свете, но и во всех уголках Старого Света, и в России ярче, чем где бы то ни было.

Менделееву представилась возможность наблюдать в кризисном обна- жении «весь механизм современного. капиталистического, уклада, всю «анархию производства», всю раздробленность производителей, всю войну каждого против всех и всех против каждого»¹. Как честный наблюдатель, он подметил в капитализме органически свойственные ему черты «цивилизованного варварства». Но буржуазная ограниченность мешала ему сделать отсюда смелые, далеко идущие выводы. «Кризис показывает, — писал Ленин в 1901 году. — что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты»².

К подобному революционному анализу явления капиталистических кризисов Менделеев не был готов ни во время поездки по Америке, ни позже. Но мы не можем не отметить величия духа русского гения, так ярко проявившегося в его органическом неприятии неприглядной действительности капиталистической Америки того времени. Его переживания близки нам — свидетелям распада и разложения капиталистического общества, первые признаки которого внушили великому русскому ученому содержащиеся в его путевых заметках строки горечи и разочарования.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 185, изд. 3-е. «Сожаление и стыд».

² В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 166, изд. 3-е. «Уроки кризиса».

В ТАЙГЕ

С. ГЕРАСИМОВ

Гомню, в одно из моих странствований по приморской тайге мы безнадежно заблудились: пробираясь по мари, застряли в непроходимом болоте. Развьючили лошадей. Хотелось одного: сесть на сухую кочку, ни о чем не думать, не шевелиться, а главное — снять надоевший накомарник, эту проклятую сетку, которую пришлось надеть в болоте, и подставить разгоряченное лицо прохладному ветру.

Я сорвал накомарник. Тотчас тучи мошкеры с противным писком набросились на меня. Они залезали в уши, в ноздри, в рот. Отогнать их было немисливо: вокруг носи-

лись мириады этих маленьких хищников.

Снова надевая спасительную сетку, я увидел: наши развьюченные лошади, на минуту оставленные без присмотра, быстро уходили, отступая перед комариными тучами. Опыт таежной жизни вел их из болота на вершины далеких сопок, где этого страшного, надоедливового гнуса меньше.

Три дня искали мы наших лошадей. Три дня прыгали с кочки на кочку, перебирались через валежник, карабкались на крутые гольцы.

Отдыхая, варили на костре кашу,

добрая четверть которой состояла из комаров.

Мы, наконец, нашли наших беглецов на вершине сопки: лошади стояли, мирно пощипывая траву.

Я был счастлив и нашей находкой и окончанием тяжелого перехода. Но в первый момент меня захватило другое чувство: отсюда, с вершины сопки, я впервые увидел приморскую тайгу с птичьего полета. Как волны взбаламученного зеленого моря, лежала под мной тайга. И это ощущение бескрайности леса, его баснословных богатств, его своеобразного очарования заставило меня забыть и

усталость, и трудность поисков, и жестокие комаринные укусы.

С тех пор я не раз бывал в тайге и часто ловил себя на том же: забывалось все тяжелое, трудное, неприятное — внезапные грозовые ливни, переходы сквозь густой кустарник на горячих кучах, казалось бы, непроходимого валежника. Оставалось только чарующее впечатление, вызываемое этим удивительным, неповторимым лесом.

Осенней порой особенно хороша багряно-золотая тайга. Под ногами шуршат сухие листья. Тихим ясным утром ветер не качает деревьев, не шевелит увядшей листвы. Встанешь у ствола дерева, прислушаешься минуту-другую, и в лесной тишине различаешь голоса птиц и зверей.

Наша приморская тайга поистине край непуганых птиц. Здесь рябчики упоенно возятся в пыли или сухом песке, не обращая внимания на подошедшего к ним охотника. Важно, с сознанием собственного величия, медленно расхаживают фазаны с длинными цветистыми хвостами. Здесь юркие бекасы и жирные перепела. Несметные стаи уток, гусей, куликов с громким криканьем, гогогом, свистом пролетают почти над головой, не обращая внимания ни на выстрелы охотников, ни на падающих, подбитых птиц.

Греясь на солнце, дремлет темно-бурый уссурийский енот. По склонам сопки быстрыми скачками, закинув назад изысканную, как бы точеную голову с маленькими острыми рожками, пронесится пугливая, чуткая кабарга. В зарослях кустарника неожиданно появляется лохматая голова черного гималайского медведя. Он внимательно, чуть-чуть удивленно смотрит на кроны стройных кедров, где хлопочут белки, и, словно что-то вспомнив, смешно переваливаясь, бежит к ручью.

Плотно прильнув к дереву, неподвижно сидит барс. Золотисто-палевый мех с густо разбросанными черными пятнами скрывает его, как камуфляжная окраска. Кошачьи глаза с узкими зрачками зорко всматривают добычу — кабаргу, коосулю, пятнистого оленя. Но нет гарантии и для человека, что притаившийся в засаде барс неожиданно не прыгнет на него.

Я видел в тайге стада кабанов, бродивших по лесу в поисках их излюбленной пищи — желудей. Иногда они отдыхали, лениво валяясь в грязи, как безобидные домашние свиньи. Но горе охотнику, повстречавшему в тайге разъяренного самца-кабана, дикого и бесстрашного. Его могучее мускулистое тело весит до трехсот килограммов. Он ловко пользуется своими сильно развитыми бивнями, и даже тигр не всегда выходит победителем в схватке с рассвирепевшим кабаном.

В своих странствованиях по тай-

ге я встречал барсука, ласку, бурндука, зайца, лисицу; и не раз таежные охотники с каким-то особым уважением показывали мне характерные следы уссурийского тигра, этого настоящего «хозяина» приморской тайги.

Но даже не это обилие и богатство животного мира поражает в лесах Дальнего Востока. Вся прелесть приморской тайги, все очарование ее — в бесконечном разнообразии флоры. Идешь по тайге, и кажется, будто перелистываешь богатый ботанический альбом, где собраны иллюстрации всех видов растений, населяющих нашу страну, — от севера Сибири до юга Закавказья.

Вот северные породы — аянская ель и белокорая пихта. Травы почти нет: под ногами мох, лишайник, клековка. Но пройдешь немного, и рядом с елью и пихтой появились даурская береза с темной и лохматой корой и мощные стволы корейского кедра. Тут же липа, густая заросль орешника, ажурные клены, огромные дубы и высокие тополя с раскидистыми кронами. То и дело встречаются папоротники-великаны. Иногда среди высокой травы вспыхивает огоньком яркокрасная лилия или покажется синий выюнок. Снова дубы, тополя, кусты боярышника, светлокорая ольха, черемуха, бересклет, малина, теряющая свои спелые ягоды. И снова северная ель, пихта, кедр, лишайник. А рядом бархатное дерево, лимонник, кусты дикого винограда и ветвистый рододендрон, цветущий весной красными и нежно-фиолетовыми цветками.

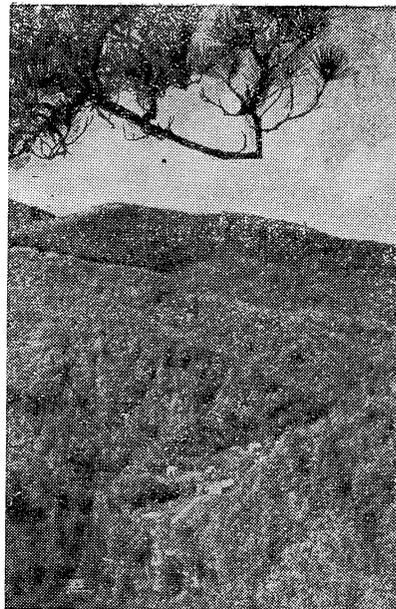
Ботаники насчитали только в Приморском крае 1966 отдельных видов растений. О некоторых из них стоит рассказать подробно.

Помню, в одно из странствований по тайге мой спутник, старый таежный охотник, подвел меня к незнакомому дереву. Его изумрудно-зеленые мелкие листья образовали раскидистую пышную крону. Изящный ствол покрывала светло-серая морщинистая кора.

— Амурский бархат, — представил дерево охотник.

Я дотронулся до его коры — она действительно оказалась мягкой, как бархат.

Это замечательное дерево таит в себе много возможностей. В его желтых мелких цветах содержится большое количество нектара. Плоды применяются в народной медицине как лечебное средство, хотя до сих пор их целебные свойства полностью не раскрыты. Но главное богатство дерева — кора. Она обладает чудесными свойствами. Она способна превратиться в гладкий линолеум или в узорчатый линкруст, которым обивают каюты пароходов, стены вагонов, кабины самолетов. Из нее можно приготовить круглые ползачки для рыболовных сетей, тужики, автотракторные прокладки и обык-

Приморская тайга в районе курорта Вангю.

новенную пробку для закупорки. Недаром наш амурский бархат часто называют пробковым деревом.

С давних пор единственным сырьем для пробкового производства была кора алжирского дуба. С берегов Средиземного моря она развозилась почти во все страны мира. Советские ученые немало потрудились над тем, чтобы вырастить это драгоценное дерево на нашей земле. Но оказалось, что первый сбор коры его можно производить лишь спустя двадцать с лишним лет после посадки дерева. К тому же алжирский дуб — теплолюбивое субтропическое растение и требует особых климатических условий. От плантаций алжирского дуба на советской земле пришлось отказаться. И вот тогда-то вспомнили о нашем амурском бархате.

Сейчас в приморской тайге работают люди необычайной профессии — корозаготовители. Они заготавливают амурский бархат. Обычно он растет в одиночку. Но есть места в тайге, где бархат составляет больше половины деревьев. Такие счастливые участки наши дальневосточники справедливо называют «пробковыми фабриками».

Заготовка коры идет круглый год, но самым выгодным периодом считают полтора летних месяца — с июня до середины июля.

Небольшими деревянными лопатками рабочие осторожно снимают кору, стараясь не задеть дерева. Обычно ширина снятого кольца не превышает трех метров, причем его нижняя линия начинается на высоте до полуметра от корня. Дерево, с которого снята кора, не умирает. Наоборот, через пять лет оно снова наращивает кору и притом гораздо лучшего качества.

Кора амурского бархата отправляется из тайги на завод в Хабаровск. Отсюда сотни тонн «экспанзита» — раздробленной, спрессованной пробки — расходятся по всей стране и повсюду пользуются доброй славой.

Так, советское бархатное дерево прекрасно заменило чужой алжирский дуб.

В приморской тайге растет также одно из редчайших деревьев земного шара — железная береза. Впервые я увидел ее на крутом каменистом склоне: она поднималась из груды камней, покрытых мхом. Мой спутник предложил мне срезать ножом тонкую ветку этой березы. Древесина оказалась такой же крепкой, как железо: нож только царапал ее поверхность. Плотность этого дерева поразительна: его удельный вес — 1,048. Обрубок железной березы тонет в воде.

Мне рассказывали, что из железной березы в виде опыта сделали подшипники для паровой машины на одном из амурских катеров. Испытания дали неожиданные результаты: деревянные подшипники работали долго и с низким коэффициентом стирания.

С одним из удивительных растений приморской тайги мне пришлось познакомиться при обстоятельствах, не совсем обычных.

Это было в сентябре. Со старым охотником мы настойчиво преследовали раненого кабана. Несколько часов шли по следу. Я буквально выбился из сил, карабкаюсь на склоны сопки, пробираясь сквозь заросли колючего кустарника. Казалось, еще четверть часа такой погони — и я откажусь от нее.

Неожиданно мой спутник остановился. Внимательно оглядевшись, он отошел на несколько шагов в сторону, сорвал гроздь оранжево-красных ягод, по внешнему виду напоминавших красную смородину, и протянул мне:

— Кушай!

Не раздумывая, я проглотил их. Ягоды были кислые, даже скорее горьковато-кислые.

Через несколько минут усталость как рукой сняло. Будто не было этой тяжелой погони, будто я иду по лесу после хорошего длительного отдыха.

Мы, наконец, достигли звера и расположились у костра. Я спросил спутника о чудесных ягодах. Он назвал их как-то по-своему и сказал, что настоящий таежный охотник не расстается с ними. Осенью он собирает эти ягоды, сушит и заготавливает на весь год. Даже от сухих ягод проходит усталость и быстро восстанавливаются силы.

На обратном пути я рассмотрел это растение — тонкую вьющуюся лиану длиной шесть-восемь метров, похожую на плющ или дикий виноград. Сорвав небольшой овальный листочек, я растер его и почувствовал характерный запах лимона.

На очередном привале после утомительного перехода нанаяц бросил в кипяток несколько листочков этого растения. Выпив кружку вкусного кислотоватого снадобья, я снова почувствовал его удивительные свойства.

Много спустя, уже вернувшись во Владивосток, я узнал от своих друзей, что это растение называется лимонником.

Советские ученые провели многочисленные опыты с препаратом лимонника и пришли к выводу, что он ускоряет возбудимость нервной системы, повышает умственную и физическую работоспособность, снижает сонливость, вызывает бодрость, усиливает чувствительность зрения и при этом не вызывает никаких неприятных последствий.

Лимонник испытывали на студентах во время подготовки к экзаменам: студенты занимались по ночам, не ощущая утомления. Лимонник давали медицинским сестрам в больницах: во время ночных дежурств они чувствовали себя значительно бодрее. Физкультурники, принимавшие лимонник, давали лучшие результаты в соревнованиях, меньше уставали, меньше теряли в весе.

Пока лимонник растет только на нашем Дальнем Востоке, преимущественно в приморской тайге. Но это вовсе не капризное растение: по мнению ботаников, оно свободно может произрастать и в нашей центральной полосе. Во всяком случае его уже несколько лет с успехом культивируют в питомнике Института леса в Пушкино, под Москвой. И, быть может, недалеко то время, когда плантации этого чудодейственного дальневосточного лимонника появятся в Белоруссии, на Украине, на берегу Черного моря.

Мне посчастливилось увидеть в Приморье еще одно удивительное растение — редчайшего представителя восточной флоры.

Пожалуй, ни одно растение на земном шаре не окружено такой славой, как оно. Ни об одном не написано так много, не сложено таких увлекательных легенд. Ни одно растение народ не называет такими громкими, такими восторженными и таинственными именами, как «корень жизни», «чудо мира».

Все с тем же стариком-охотником мы бродили по тайге и ярким августовским полднем оказались в глухом горном ущелье. Его крутые склоны густо поросли столетними кедром. На дне ущелья высоко поднимались разлапистые дальневосточные папоротники. Было прохладно и сумрачно: даже в погожий полдень сюда не проникали солнечные лучи.

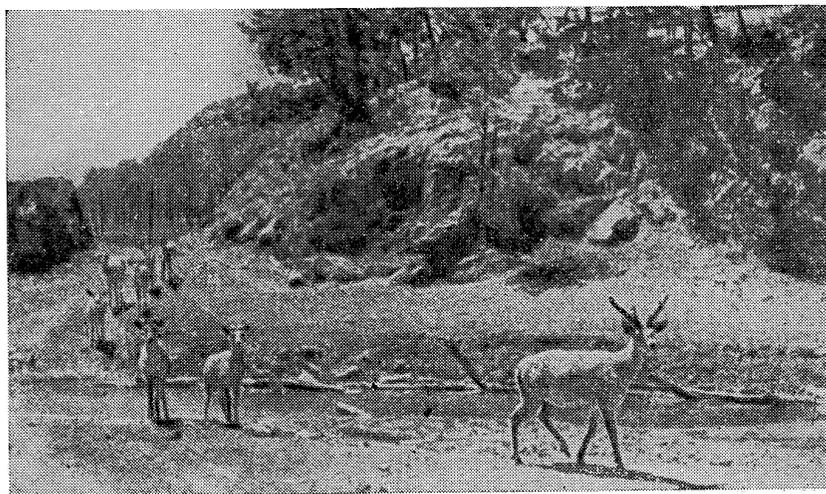
И вот здесь, в этом тихом ущелье, мы неожиданно наткнулись на старого нанайца. Он сидел на корточках у подножья скалы и что-то внимательно рассматривал. Старик, очевидно, был так увлечен, что заметил нас, лишь когда мы почти вплотную подошли к нему.

Мой спутник приветствовал старика, как своего хорошего знакомого. Обменявшись короткими репликами, они уселись на корточки и молча стали рассматривать крохотное, с моей точки зрения ничем не примечательное, растение: на невысоком тонком стебле росли пять небольших листочков, отдаленно напоминавших пять раскрытых пальцев человеческой ладони, и тушко блестели маленькие красные ягодки.

Потом нанаяц отошел в сторону, срезал тонкие прутки и соорудил из них изгородь вокруг растения.

Старик нашел знаменитый женьшень, «корень жизни». Вот уже добрых двадцать лет из года в год, с начала июля до снегопада, бродит он по тайге в поисках этого «чуда мира».

Нелегко найти женьшень: он прячется от глаз человека вот в таких затемненных, защищенных от

Стадо оленей у ручья.

ветра, глухих ущельях, среди папоротников, дикого винограда, густого мха. Там, где хотя бы раз прошел пожар, жень-шень уже никогда не вырастет.

Почему же старик-нанаец не выкопал «корня жизни»? Зачем он соорудил вокруг него эту крохотную ограду из палочек?

Найденное растение еще молодо — ему не исполнилось полных пяти лет. Надо подождать: чем старше корень, тем он дороже. Есть корни жень-шеня, которые весят 200 граммов — они прожили добрых сто лет. К тому же — на нем ягоды.

Редчайшая находка: корень жень-шеня, которому 98 лет.

Кто знает, быть может, из их семян в этом ущелье родится новое «чудо мира». А маленький заборчик из прутьев — это просто заявка: если на нее наткнется другой искатель жень-шеня, он будет знать, что растение уже имеет своего хозяина, и даже не притронется к драгоценной находке. Таков неписанный священный закон, сотни лет бытующий в приморской тайге.

На следующий год старик непременно вернется в это ущелье. Надо полагать, растение сохранится, хотя жень-шень очень нежен: солнце, ветер и дождь легко могут погубить его. Но если все же оно останется жить, нанаец осторожно выкопает корень, стараясь сохранить даже мельчайшие отростки его, тщательно уложит в ящичек и отвезет во Владивосток, на заготовительный пункт. Там за этот корень полагается хорошее вознаграждение.

Впоследствии мне довелось побывать на этом заготовительном пункте. Я видел счастливые лица искателей жень-шеня, которые явились с богатой добычей: они принесли около килограмма этих ветвистых корней, своими очертаниями смутно похожих на фигуру человека. Приемщик определил их возраст, пересчитал отдельные отростки, взвесил на точных весах, как взвешивают величайшую драгоценность, и действительно выдал много-много денег.

Тут же, на заготовительном пунк-

те, мне рассказали историю этого «корня жизни».

Родина жень-шеня — Тибет. Три тысячи лет своего существования насчитывает это «чудо мира», как одно из важнейших средств тибетской медицины. Древняя литература Тибета и Китая посвятила ему целые томы исследований. Тибетские врачи до сих пор утверждают, что жень-шень излечивает почти все болезни, восстанавливает силы изнуренным, возвращает юность старикам.

В старом Китае право сбора жень-шеня принадлежало исключительно двору богдыхана: каждый год, повинувшись его приказу, в тайгу уходили девять тысяч искателей. В Тибете далай-лама поручил высшей духовной школе в Лхассе взять под контроль изучение лечебных свойств этого «божественного» растения.

У нас в приморской тайге до последнего времени сбором жень-шеня занимались отдельные искатели, ревниво оберегавшие друг от друга открытые ими заповедные места. Сейчас опытные искатели сплошь и рядом объединяются в бригады по три-четыре человека, берут с собой молодежь и обучают ее этому сложному и трудному мастерству.

Долгое время европейские врачи с недоверием относились к лечебным свойствам жень-шеня. Но не так давно советские ученые провели обстоятельную исследовательскую работу и подтвердили большое значение жень-шеня как медицинского препарата.

Конечно, жень-шень не может вернуть юность старику, но его тонизирующее, омолаживающее действие бесспорно. Он оказывает благотворное влияние на обмен веществ, нервную и сердечно-сосудистую системы улучшает, повышает сопротивляемость ослабленного организма.

Весь день просидели мы в ущелье. На закате старый нанаец отправился поливать жень-шень: вот уже пятый день не было дождя, и нанаец боялся за свою находку.

Утром я поднялся на вершину сопки: хотелось еще раз полюбоваться восходом солнца в тайге.

На западе полнеба сияло яркими красками. И по мере того как разгоралось небо, все вокруг окрашивалось в розовый и красный цвета. Сначала зажглись вершины деревьев, затем их стволы вспыхнули пожаром, и на вороненую сталь моего ружья легли его красноватые отсветы.

По распадкам и вершинам сопки медленно ползла пелена тумана. Она рассеивалась. Наступал новый таежный день, полный напряженного труда и заманчивых приключений.

Советскими учеными в течение последних лет были проведены интересные археологические раскопки в различных районах нашей родины.

Сорок с лишним экспедиций Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии наук СССР, а также экспедиции других научных учреждений страны производили изыскания в Средней Азии, на Алтае, в Прибалтике, Крыму, на Украине, в Армении, Татарии, Коми АССР и других местах Советского Союза. Очень интересными по своим результатам оказались экспедиции в восточную часть Алтая и в Среднюю Азию.

Горно-Алтайской экспедицией под непосредственным руководством профессора С. И. Руденко в 1948 году изучены курганы Пазырыкского погребения в долине реки Улаган. В курганах сохранились трупы людей и богатейший погребальный инвентарь. В одном из курганов найдено хорошо сохранившееся в условиях вечной мерзлоты тело скифского вождя, почти сплошь покрытое татуировкой. Татуировка изображает горных багров, оленей, рыб, а также грифонов и других фантастических животных. Эта находка представляет большую научную ценность. Ни один из древних авторов скифского времени не упоминает об украшении тела раскрашкой, а тем более татуировкой. Найдены также большой кожаный ковер с аппликацией, кожаный сосуд с изображением гуса в когтях орла, телега, топоры, ножи, шиты и стрелы, различные украшения. Все эти погребения относятся к V—IV векам до нашей эры и указывают на интенсивные связи Алтая этого времени с переловыми культурами Средней Азии.

В результате археологических раскопок Горно-Алтайской экспедиции древняя восточно-скифская культура выступает в совершенно новом свете. Она отличается очень высоким уровнем развития, самобытностью, своеобразным стилем.

Ночью крупные открытия сделаны в прошлом году археолого-этнографической экспедицией С. П. Толстова в древнем Хорезме. О ее работе подробно рассказывалось на

страницах нашего журнала в 1948 году.

В долине Зеравшана, близ города Пянджикента, расположены развалины древнего города, разрушенного арабами в первой половине VIII века. Здесь произведены раскопки Согдийско-Таджикской экспедицией, возглавляемой членом-корреспондентом Академии наук СССР А. Ю. Якубовским. В состав экспедиции вошли научные сотрудники Государственного Эрмитажа, Ленинградского отделения Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра и Таджикского филиала Академии наук СССР.

Участники экспедиции прошли по древним торговым путям от Такфана на реке Ягнуб до Кулььольи на реке Кштут, обследовали район горного озера Искандер-Куль и через перевал Луклон проникли в долину Арча-Майлан.

При раскопках городища Кайнао-Су экспедиция обнаружила на остатках стен двух древнейших зданий следы росписи. «Живопись выполнена с большим мастерством, — рассказывает руководитель экспедиции А. Ю. Якубовский. — Эти выдающиеся произведения таджикского народа, несомненно, привлекут к себе пристальное внимание историков искусства Востока».

В результате раскопок в Гиссаре экспедиция обнаружила 74 погребения. Найденные остатки материальной культуры подтверждают, что предки таджиков — согдийцы — жили здесь свыше двух тысяч лет тому назад.

В залах Государственного Эрмитажа выставлены остатки материальной культуры согдийцев. Все эти разнообразные предметы двенадцативековой давности — монеты, скульптуры, изделия из агата, халцедона, янтаря — найдены экспедицией Якубовского. В 1949 году экспедиция продолжает свою работу.

В течение последних трех лет археологи широко изучали древние исторические памятники, находящиеся в Туркменистане. Особое внимание ученые уделили изучению столицы парфянского государства Несы, расположенной в восемнадцати километрах к юго-западу от Ашхабада.

Кремневые орудия, собранные на территории городища Новой Несы, свидетельствуют о пребывании здесь первобытного человека. В одном из помещений был найден редкий клад — древние ритоны (сосуды в виде рога для вина), принадлежащие парфянским царям. Нижние части сосудов сделаны в виде скульптурных изображений грифонов, центаров, тиленов, женщин. По верхнему краю размещаются фриз с изображением различных сцен, четыре ритона отпавлены в настоящее время в Эрмитаж.

Александр Якубов

В июле этого года судостроительный и паровозостроительный завод «Красное Сормово» имени А. А. Жданова справляет свой столетний юбилей.

Столетняя история «Красного Сормова» — это в известной мере история всего русского рабочего класса от времен крепостного права до наших дней, история его формирования, его борьбы, поражений и побед и, наконец, история его громадных завоеваний в годы советской власти. За свою долгую жизнь завод воспитал в своих цехах тысячи амотверженных борцов за социализм и коммунизм. Еще в 1879 году в его столярной мастерской работал Степан Халтурин, которого В. И. Ленин назвал корифеем революции; Халтурин пытался организовать в Сормове ячейку Северного рабочего союза. Здесь уже в середине 90-х годов прошлого века начинают работать марксистские кружки, в которых постепенно была подготовлена знаменитая сормовская демонстрация 1902 года. Именно здесь, на улице Сормова, рабочий паровозного цеха Петр Заломов впервые в рабочей толпе поднял знамя с призывом «Долой самодержавие!» Роман А. М. Горького «Мать» дает картину сормовских событий тех лет, — рабочий Заломов послужил прообразом Павла Власова, а под именем Ниловы изображена мать Заломова Анна Кирилловна.

В декабре 1905 года на улицах Сормова шел бой: восставшие сормовичи сражались с царскими войсками. Восстание было подавлено, 43 сормовича были убиты, несколько сот арестовано.

В октябре 1917 года сормовичи были в первых рядах борцов против Временного правительства, а затем в 1918 — 1921 годах они вооружали суда для Волжской военной флотилии, борющейся с белогвардейцами, построили 43 боепоезда, строили по приказу В. И. Ленина танки — первые танки в России. В годы Великой Отечественной войны «Красное Сормово» вооружало нашу доблестную Красную Армию великолепным оружием, за что неоднократно получало благодарность от И. В. Сталина и было награждено орденами. В Сормове в разное время работали виднейшие деятели партии большевиков — Я. М. Свердлов, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, А. С. Шербаков, и особенно много — долго А. А. Жданов, чье имя присвоено заводу.

Вместе с тем история завода — это история русского судостроения от капитана с деревянным корпусом до прекрасных теплоходов. Кроме судов, завод за свою долгую жизнь строил паровозы, всевозможные вагоны, диз-

ли, мосты, котлы, землечерпалки, краны, понтоны, различные станки и машины.

На всех реках нашей страны ныне плавают пароходы и теплоходы, построенные на «Красном Сормове». По всем железным дорогам ходят пассажирские паровозы с маркой «СУ» (Сормовский усовершенствованный).

Первые пароходы, построенные в Сормове, были настолько совершенны, что завод стал на Волге известен как самый лучший. За первые двадцать лет он построил 101 пароход. Все они отличались высокой прочностью и необыкновенным качеством отделки. В советское время судостроение на «Красном Сормове» развернулось особенно широко. В 1937 году завод построил замечательные теплоходы для канала имени Москвы — «Иосиф Сталин», «Вячеслав Мухомов», «Клим Ворошилов», «Михаил Калинин» и 12 катеров, носящих имена Героев Советского Союза. Эти суда являются лучшим украшением канала имени Москвы — этого величайшего сооружения сталинской эпохи. На «Красном Сормове» построен теплоход «Максим Горький» — единственное, неповторимое по красоте отделки и по высоким качествам судно на всех реках Советского Союза.

После Великой Отечественной войны завод становится специально судостроительным и паровозостроительным. Его конструкторы и технологи разработали новые типы судов и новые способы их очень быстрой постройки. Теперь суда строятся в десять раз скорее, чем они строились до войны. За внедрение скоростной стройки и за разработку новых типов судов пятнадцать работников завода удостоены Сталинских премий 1948 года.

Летом текущего года большая группа теплоходов, построенных на «Красном Сормове», пойдет вперёд по Волге, потом по каналу в Белое море, а затем в сопровождении ледоколов пойдет через Карское море в океаном в сибирские реки Обь, Енисей и Лену для постоянной работы.

Из других многочисленных достижений сормовичей следует отметить следующие: в 1857 году они построили землечерпалку для Астраханского порта — первую на Волге. В 1870 году на заводе построена мартеновская печь — первая в России. В 1903 году сормовичи построили теплоходы «Сармат» и «Вандал» — первые в мире.

Справляя славный юбилей, сормовичи с гордостью могут оглянуться на свой пройденный путь. Они всегда высоко и мужественно держали знамя русского рабочего класса.

КОГДА СПАДАЕТ АРАКС

ВАХТАНГ АНАНЯН

Рис. Г. Нинольского

С наступлением весны снег, лежащий на вершинах Арагаца, Бингёла и других крутизнах армянского «Хоровода гор», начинает таять и бурными потоками стекать в реку Аракс.

И каждую весну Аракс становится многоводным, выходит из своего русла и затопляет прибрежные камыши и ближайшие к реке участки Араратской равнины.

Богата рыбой река Аракс. А в этом районе рыбы никто не трогает, и у нее есть здесь прекрасные солнечные «пляжи» для прогулок и обильные кормовые заводы.

Когда весной Аракс вздувается и выходит из берегов, вместе с ним выходит и кишит в мутных водах, заливающих Араратскую равнину, и бесчисленное множество большоголовых сомов, белобрюхих усачей и покрытых жесткой чешуей сазанов.

И выходят на берег все эти рыбы не только потому, что их несет с собою вздыбившиеся воды реки, нет — на прибрежных лугах и полях они находят корм, да такой, какого в реке не сыщешь...

Крупные рыбы, особенно огромные сомы, может быть, даже и помнят, что в прошлые весны, когда вот так же разливался Аракс, они находили в Араратской равнине и соч-

ные водяные травы, и несчетное множество лягушек, червей и улиток. Вот и выходит они сейчас, в часы подъема воды, на поиски новых значных мест.

Повинуясь животному инстинкту, следуют за старыми и молодые рыбы.

Увы, большая часть этих рыб уже не возвращается домой, в русло Аракса. Увлечшись охотой и все дальше уходя от реки, они становятся жертвами многочисленных врагов своих, живущих на берегу.

Воды Аракса, начиная спадать, уходят назад в свое русло с такой неожиданной быстротой, что не все рыбы и другие речные животные, вышедшие на прогулку на берег, успевают вернуться домой вместе с ними.

В прибрежных зарослях камышеника, в озерах, образовавшихся в выбоинах почвы, в канавах, наполненных водой, остаются в плену все те, кто не успел уйти.

В это-то время и начинается настоящее побоище. Ансты, цапли, вороны в мутной воде озерца и луж

охотятся за рыбами, безжалостно вылавливая и истребляя их.

И не только хищники грозят оставшимся на берегу рыбам. Вскоре после спада вод Аракса в Араратской равнине начинаются жаркие дни, и рыбы, не доставшиеся хищникам, начинают задыхаться и биться на быстро высыхающем иле.

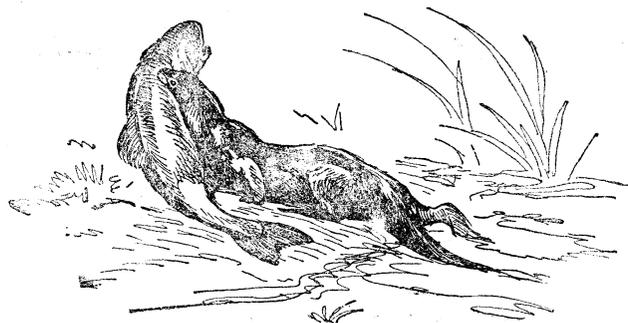
Наиболее трагично положение оставшихся на берегу сомов. Они велики, громоздки, малоподвижны и могут «маневрировать» только в глубоких, многоводных бассейнах. А здесь, в спавшей, низкой воде, только и видишь их темные спины, обвисшие усы, вытаращенные глаза, одурелые и неподвижные.

* * *

Однажды весной, в дни, когда воды Аракса начинают спадать, мы пришли поохотиться на кабанов, водившихся в прибрежных зарослях.

Потоки воды сокрушили, смяли и прижали к земле высокие камыши и покрыли их густыми наслоениями ила и водорослей. Воздух был насыщен запахом рыбы. Еще не высохшие озера были полным-полны ею. В низкой воде то и дело мелькали то темные, то серебром отсвечивающие рыбы спины или светлые бока с голубоватыми жабками.

Мы вошли в гущу

камышей и затаились в них в ожидании прихода кабанов.

Множество ворон и других птиц с шумными криками носилось над нами и садилось на обсыхающие поля, жадно пожирая оставшуюся на них рыбу.

Передо мной довольно большое «озеро», окруженное желто-зеленой стеной камыша. Это глубокая и довольно широкая впадина, еще до краев полная воды. Вода в ней неспокойна. Волнуется, кипит, расходится кругами. словно кто-то живет и ходит под нею, то останавливаясь, то снова начиная свои прогулки. Вода всплескивается все чаще, все ближе, и, наконец, недалеко от меня из нее выходит на берег выдра с огромной живой рыбой в зубах.

Очутившись на берегу, рыба забилась, свернулась кольцом, ударила по земле хвостом, сбила выдру с ног и вместе с нею скатилась назад в воду. Борьба между выдрой и рыбой перенеслась в глубины водоема...

* * *

Настал вечер. Вышла луна и осветила поверхность озера. Зашумели камыши, послышалось осторожное, сдержанное хрюканье. Шли кабанов...

Огромная хищная морда просунулась в рыжую камышевую стену. За ней — другая, еще одна... Целое стадо кабанов!

Кабаны вошли в воду и, расплескивая ее, цепочкой двинулись вперед. Когда они вышли из тени, падавшей на края озера от стены камышей, я увидел при свете луны, что они, погружая рыла в воду, что-то в ней выплескивают и, сопя и хрюкая, жадно пожирают.

Кабаны были близко, но я не выстрелил, — так меня заинтересовали их действия.

Когда кабанов подошли уже к самому берегу, в воде мелькнуло вдруг что-то огромное, темное, словно чья-то гладкая и мокрая спина.

Один из кабанов кинулся стремительно и вцепился было клыками в эту спину, но она скользнула, изогнулась, из воды вылетело что-то, как бревно, большое, черное и с силой обрушилось на кабана...

Началась бешеная схватка между гигантским сомом и кабаном. Сом в своей стихии был сильнее кабана. Поблескивая в свете луны, из воды то появлялась, то снова исчезала его мощная скользкая спина. Могучий хвост угрожающе бил по воде, под короткой и толстой шеей кабана черной тенью мелькала огромная, как двухпудовая гиря, голова сома.

Кабан выл и делал тщетные попытки вырваться и сбежать от подвального чудища.

Наш выстрел положил конец этому бою. Пуля попала кабану в голову, он упал и глубоко погрузился в озеро. Но вода еще продолжала клокочить, бурлить, и над нею то и дело возникало извивающееся тело сома, казалось, не желавшего расставаться даже с поверженным своим врагом.

Загадка разъяснилась, когда мы извлекли кабана из воды.

Сом и здесь не покинул его.

Нога кабана по самый пах вонзилась в пасть сома, и острые копытца, разорвав связки челюсти, застряли в них. Кабан был пойман сомом, как в калкан. Но сом и сам не мог уйти, попявшись на эту живую «удочку»...

Выиграли в результате мы, убив «двух зайцев» сразу — кабана и сома. Но этот редкий охотничий трофей был для меня ничем в сравнении с таким удивительным открытием: я нашел кабанов-рыболовов.

* * *

Полностью продуманную и умно организованную охоту на рыб мы увидели, однако, только на другой день в таком же небольшом мелком озере.

На этот раз «поудить рыбку» пришли птицы с очень крупным телом, покрытым бело-розовыми перьями, и громадными, похожими на клрки, клювами. Это были «бабы-птицы», пеликаны.

Войдя в озеро в его широкой части, пеликаны поплыли.

Плыли они цепью, образовав полукруг, обоими концами упиравшийся

ся в берега водоема и постепенно сжимавшийся по мере приближения птиц к его узкому концу.

По пути птицы опускали в воду свои длинные и широкие, как черпаки, клювы и, захватывая ими мелкую рыбу, наполняли ею просторные зобы, большими кожаными мешками свисавшие у них под шеей, а воду отливали.

Когда пеликаны, все туже затягивая образованную ими петлю, приблизились к тесной прибрежной «заводи», вода взметнулась, закипела. Множество рыб, попавших в окружение, забилось, понаталось в поисках выхода. Сверкающими стрелками замелькали на поверхности воды их серебряные спинки.

Огромные бело-розовые птицы то ропливо хватали своих пленниц, жадно проглатывали и снова ударяли по воде сажеными черпаками-клювами.

Крупную рыбу пеликаны проглатывали не сразу и не просто.

Любопытно было видеть, как «баба-птица» с ловкостью искусного жонглера сначала подбрасывала большую рыбу в воздух, заставляя ее перевернуться вниз головой, и тогда лишь открывала ей навстречу свой прожорливый зев...

«Зачем это они так делают?» — подумал я, но тотчас же сообразил: «Попробуй проглотить рыбу с хвоста — все жабры и плавники и да-

же чешуя колом встанут, подавишься... А с головы — «как по маслу»... Умные птицы!..»

Притаившись в камышах, мы долго наблюдали за организованной пеликанами рыбной ловлей и удивлялись невиданному обжорству этих птиц.

Но, присмотревшись, мы поняли, что пеликаны не съедают всей пойманной ими рыбы, значительную часть ее складывая в своей большой, как дорожный баул, кожаный зоб-мешок.

— Поразительное зрелище! — не выдержав, высказал свое удивление мой спутник. — Настоящий артельный лов... И эти мешки. Знаешь, один из наших арташатцев¹ сделал

¹ Арташат — местечко в Армении.

из такого мешка шкуру для барабана.

Он в изумлении покачал головой и добавил:

— Не подстрелить ли нам одну из этих «птичек» для нашего краеведческого музея?..

Он говорил, должно быть, очень громко. Птицы услышали, прекратили лов и уставили на нас свои огненно-красные глаза.

Затем, тяжело расправив крылья, они взлетели.

Раздался выстрел, и одна «баба-птица» грузно шлепнулась на землю.

Мы подбежали и подняли пеликана. Ну и велик был он: полтора метра от хвоста до кончика клюва! На коротких, сильных ногах между пальцев — крепкие кожаные плавательные перепонки. А в мешке-зобе мы нашли килограмма два еще живой рыбы...

— А каким же искусным рыболовом была эта птица! — не без некоторого угрызения совести сказал мой товарищ, с трудом поднимая с земли мертвого пеликана.

— И ловким жонглером, — добавил я, вспоминая, как перевернутая в воздухе рыба летела прямо в широкие лопасти пеликанова черпака-клюва...

Перевел с армянского
А. Гюль-Назарянц

В Таджикистане ведется лов зверей и птиц для зоологических парков СССР.

В высокогорном Дашти-Джумском районе пойманы винторогие козлы и три ягнятника-бородача, размах крыльев которых достигает двух метров. В том же Дашти-Джумском и Сарье-Хосарском районах ловится синяя птица, представляющая большую редкость для зоопарков.

Колхозник Джиргатальского района, известный охотник Садык Бегалиев, проверяя капканы, обнаружил один со спущенными створками, в которых торчали клочья шерсти: из капкана вырвался барс. Бегалиев вскоре нашел зверя и начал его преследовать. Когда барс подошел к ручью, Бегалиев бросился на него сзади, схватил за хвост и быстро опутал веревкой задние ноги ошеломленного зверя. Затем, приготовив мешок, он снова бросился на зверя и скрутил его накрепко.

Колхозник сельхозарттели «Красный Октябрь» района Астры (Азербайджан) Салах Салаев, опытный охотник, обнаружил следы леопарда и в глубоком ущелье нашел логово зверя. Леопард, завидев человека, приготовился к прыжку, но Салаев уложил его первым же выстрелом. В логове Салаев нашел двух детенышей леопарда.

Достали Бабаев, колхозник села Астрахановка (Азербайджан), пользуется славой опытного змеелова. За один только 1948 год Бабаев поймал свыше 40 ядовитых змей. Как сообщает корреспондент «Комсомольской правды» К. Хромов, Бабаев только за последние восемь лет сдал в различные научные организации 2 500 ядовитых змей. Бабаев знает их 70 видов. Особенно ловко ловит он гюрзу, укуса которой считается смертельным. Однажды огромная гюрза трижды укусила его в руку. Бабаев высосал яд, но все же 14 дней ему пришлось пролежать в больнице.

В Кабардинской АССР на четырнадцатилетнего мальчика Тита Шадова, возвращающегося из местечка Малгабек домой в село Нижний Курп, напала волчица. Мальчик не растерялся. Схватив валявшуюся на земле кость, он левой рукой всунул ее в пасть волчицы, а правой начал наносить ей удары и убил зверя. Волчица лишь легко погрызла мальчику руку. Сельсовет премировал Тита за отвагу.

Ленинградский охотник Рыжеев ведет борьбу с пернатыми хищниками, пользуясь услугами такого же крылатого хищника — филина. Филин усаживается где-нибудь на открытом месте на пень и привязывается ремешком за одну из ножек. Недалеке, в шалашике, прячется охотник. Заметив филина, на него целыми стаями набрасываются вороны, сороки, а за ними и ястреба-тетеревятники. Начинается драка. Филин легко отражает нападения. Охотник, открывая стрельбу, уничтожает хищников. Интересно, что выстрелы только на минуту распугивают птиц, затем они нападают на филина с прежней яростью.

На полях Приволжья

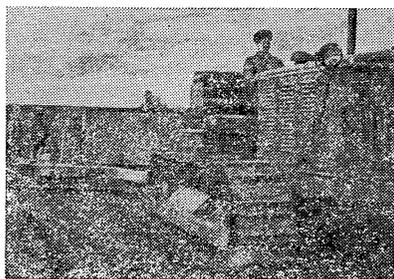

Введение травосеяльной системы земледелия, культурной пахоты, создание водоемов, лесозащитных полос — верные пути к изобилию, указанные сталинским плаком преобразования природы.

На громадное значение для сельского хозяйства полоса защитных лесных полос впервые указали замечательные русские ученые Докучаев и Вильямс. Лесные полосы удерживают снег розным слоем на полях, надежно сохраняя озими и многолетние травы от вымерзания, не дают ветрам сносить снег в овраги и низины. Задерживая весеннее таяние, они дают возможность земле досыта напитаться влагой.

На громадных пространствах агро-мелиоративные станции и колхозы ведут борьбу за преобразование природы. Тысячи колхозников проводят в этом году посадки деревьев и кустарников. Земля была подготовлена еще с осени, и вот по точно установленным вешкам движутся сажальницы, вооруженные «мечом Колесова». Меч, сверкнув, вонзается в землю. Мечник делает лобкое движение, раскачивая меч, и щель расширена. Второй сажальщик осторожно опускает корень саженца в посадочную

щель. Тоже делает второй мечник и т. д.

Трактор ведет сноп.

Но короткий посадочный сезон (весной 5—6 дней) требует большого количества рабочих, и для того чтобы ускорить темпы посадочных работ и повысить их качество, на помощь пришла техника. Лесопосадочные машины лауреатов Сталинской премии М. И. Чашкина и Неданкэвского движутся по полям Приволжья. Мы видим, как могучий трактор «ЧТЗ» ведет сноп из семи машин Чашкина. На каждой машине работают две сажальницы. Сошник машины образует борозду глубиной до 30 сантиметров, за сошником движутся два конических катка, которые засыпают

Сажальницы поочередно опускают семена через полость коробки сошника.

посадочную щель и плотно уминают землю, а вслед за катками зубья боронки разравнивают почву вдоль ряда. Сажальницы, взяв из ящика пучок семян, поочередно опускают их через полость коробки сошника в посадочную борозду и придерживают, доводя до каточков, которые аккуратно обжимают семена землей. Сноп непрерывно движется вперед со скоростью 2,5—3 километра в час, оставляя за собой полную семярядную полосу посадки. Такой могучий агрегат за рабочий день делает посадку на 15—18 гектарах.

Пройдет несколько лет, и вокруг полей встанут могучие зеленые стены, которые сэберегут драгоценную влагу, отразят засуху и суховей, помогут победить слепые силы природы. И за это земля, вырванная советскими людьми из власти стихии, наградит их могучим изобилием.

Я. Толчан

ХОРОШО ЛИ ВЫ ЗНАЕТЕ КАРТУ СВОЕЙ РОДИНЫ?

Ответы к серии вопросов помещенных в № 6

I

1. Реки Кулу и Аян-Урх дают начало реке Колыме, впадающей в Восточно-Сибирское море.
2. Землепроходец Семён Дежнев начал свое путешествие из Нижне-Колымска вниз по реке Колыме и, обойдя берега Сибири, открыл пролив между Азией и Северной Америкой. Именем Семёна Дежнева назван мыс, являющийся северо-восточной оконечностью Азии у Берингова пролива.
3. Советские ученые обнаружили в бассейне реки Колымы золото, слюду и другие полезные ископаемые.

II

1. Крупнейшая река Средней Азии Аму-Дарья, впадающая в Аральское море.
2. У самых истоков она называется Вахджир, затем Вахан-Дарья, после слияния с рекой Памир ее называют Пянджем, а ниже устья реки Вахи она зовется Аму-Дарьей.
3. Аму-Дарья течет по территории Таджикской ССР, Узбекской ССР и Туркменской ССР.
4. По плану послевоенной пятилетки будут закончены работы по обводнению земельных массивов в бассейнах рек Мургаба и Теджена водами Аму-Дарьи. Большой Каракумский канал длиной в сотни километров углубится в пустыню и около города Мары вольется в реку Мургаб. Мургабский оазис — главный оазис Туркменской ССР — получит обильную аму-дарьинскую воду. Затем канал пройдет дальше на запад и обводнит еще и Тедженский оазис.

III

1. На схеме изображена Кара-Калпакская АССР, границы которой лишь на небольших участках образованы Аральским морем и рекой Аму-Дарья. Большая же часть границ проходит по пустынным, малозаселенным районам, не имеющим никаких естественных рубежей.
2. Кара-Калпакская АССР занимает низовья реки Аму-Дарьи с прилегающими пустынными пространствами Усть-Урта на западе и Кызыл-Кумов — на востоке.
3. За годы сталинских пятилеток Кара-Калпакская АССР покрылась сетью дорог. Автомобили, караваны верблюдов и самолеты, так же как и парусники и моторные суда (на Аральском море и Аму-Дарье), поддерживают связь между отдельными районами республики.

Г. С., В. Я

Наши зеленые друзья

ЛИСТВЕННИЦА

Когда едешь из Москвы по Октябрьской дороге и поезд уже начинает выбираться из черты города, в раскрытое окно можно увидеть прямую и красивую аллею, которая ведет от железнодорожной платформы Петровско-Разумовское к главному зданию Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Это широко известная лиственничная аллея. Ажурная и нежная хвоя деревьев приятно ласкает взор. Весной, когда на ветках рыхлыми пучками начинают появляться хвоя, она имеет бледнозеленую окраску, летом — темноизумрудную, а осенью, перед тем как опадать, приобретает золотисто-желтый цвет.

Лиственница — хвойное дерево, но она сбрасывает на зиму свою хвою так же, как сбрасывают листву большинство деревьев лиственных пород. На ветках остаются лишь небольшие светлокоричневые шишки. И хотя семена созревают в год цветения к осени, шишки раскрываются лишь весной, и тогда перезимовавшие семена лиственницы летят во все стороны. В условиях континентального климата Алтая, Саян, Верхней Лены, Бурят-Монгольской республики семена выпадают из шишек уже в сентябре.

На территории Советского Союза встречается несколько видов лиственницы, причем наиболее ценными являются сибирская, даурская и европейская. Сибирская лиственница имеет широкое распространение в северной полосе Европейской части России, в Западной Сибири, а граница ее произрастания оканчивается на озере Байкал. Здесь она встречается с даурской лиственницей, которая занимает почти всю Восточную Сибирь и Дальний Восток. Таким образом, эти два вида лиственницы распространены на площади, которая насчитывает почти 300 миллионов гектаров. Что же касается европейской лиственницы, то она встречается у нас в диком состоянии на небольших площадях лишь в юго-западных областях, но зато широко — в парках и приусадебных садах.

Для искусственного лесоразведения в Советском Союзе используются главным образом сибирская и европейская лиственницы.

В создании государственных защитных лесных полос культура лиственницы занимает видное место. И это не случайно. Лиственница прекрасно чувствует себя в условиях континентального климата, и лучшим температурным режимом для нее является жаркое лето с быстрым переходом от весны к лету. На ее рост благоприятно влияет интенсивное проветривание древостоев, сухость воздуха, наличие влаги в почве и достаточное количество тепла в период вегетации. При этих условиях лиственница

нередко растет в полтора раза быстрее сосны и ели, а высота ствола ее достигает 45 метров. И наоборот, большая влажность воздуха, низкая температура летом, слабый обмен воздуха и недостаточная влажность почвы отрицательно сказываются на развитии лиственницы.

Благодаря мощной корневой системе, которая позволяет черпать влагу из большого объема почвы и противостоять сильным порывам ветров, лиственница в известных условиях хорошо приспособлена для борьбы с засухой и суховеями. Хотя крона лиственницы ажурная, она все же задерживает передвигающиеся воздушные массы, чем ослабляется сила ветра. Лиственница быстро приживается при пересадках, обладает значительно долговечностью и живет нередко 300 — 350 лет. Все это делает лиственницу очень ценной культурой для озеленения.

Древесина лиственницы имеет много полезных качеств. Она хорошо сохраняется в воде и земле, обладает большой прочностью, твердостью и высокой сопротивляемостью при сжатии и изгибе. В связи с этим лиственница находит широкое применение в ряде отраслей промышленности, например машиностроении, и особенно в строительстве. Лиственница с успехом заменяет здесь дуб и ясень и идет на изготовление ответственных деталей. Кроме того, из древесины лиственницы можно получать спирт, целлюлозу, а из коры добывать дубильный экстракт, краски для тканей и т. п.

В Советском Союзе накоплен богатейший опыт по искусственному разведению лиственницы. Обладая ценными водоохраняющими и защитными свойствами, лиственница является хорошей породой для искусственного лесоразведения. В связи с этим особое значение приобретает изучение и распространение научно обоснованных методов разведения лиственницы. В этом отношении огромное значение имеет научный труд профессора В. П. Тимофеева, изложенный им в работах «Лиственница в культуре» и «Выращивание лиственницы», за которые он недавно был удостоен Сталинской премии. Обобщив в своей работе многолетний опыт по выращиванию лиственницы на территории лесной опытной дачи Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, В. П. Тимофеев разработал способы дальнейшего разведения этой породы в различных зонах Советского Союза. Естественно, что большая научная работа профессора Тимофеева будет способствовать успешному претворению в жизнь великого сталинского плана преобразования природы.

На Каспийском море и в дельте Волги в этом году открылись водные почтовые линии. Почтовые катеры совершают рейсы, доставляя письма и газеты рыбакам, занятым на путине. К рыбакам, находящимся в море, выходит почтовые яхты. Протяженность их маршрута — около 1 200 километров.

В Якутии издавна была в ходу поговорка: «Когда на сопках вырастут яблони», означавшая бесплодные, несбыточные мечты.

Но вот при советской власти — лет десять назад — в Якутию было завезено несколько яблонных саженцев — сибирских мичуринских сортов. Саженцы хорошо прижились и через три года дали первые плоды. Сейчас в Покровском плодово-ягодном опорном пункте Института плодородства имени Мичурина растет более 200 яблонных деревьев 12 различных сортов, и все они ежегодно плодоносят. Многие колхозы Якутии начали закладывать яблонные сады.

В Ямало-Ненецком округе, на 66-й параллели, до первых заморозков, начинающихся здесь рано, успевают вызреть скороспелые сорта ячменя и картофеля. В передовых колхозах — «Путь Ленина» и «Заря» — урожаи картофеля достигают 20 и 23 тонн с гектара. Это результат работы комсомольца Мкрытчиана, поселившегося здесь по окончании Тимирязевской академии.

Комсомолец Павел Казанцев выращивает капусту, репу, турнепс, помидоры, огурцы.

В Хвалынске Саратовской области при районной библиотеке организована Мичуринская комната. Здесь собраны книги, брошюры, статьи и наглядные пособия, рассказывающие о жизни и деятельности великого преобразователя природы и о работе его учеников и последователей. Комнату охотно посещают агрономы, животноводы, мастера высоких урожаев. По примеру районной библиотеки мичуринские комнаты и уголки организуются также в сельских клубах и избах-читальнях. Всего по району открыто до тридцати таких уголков.

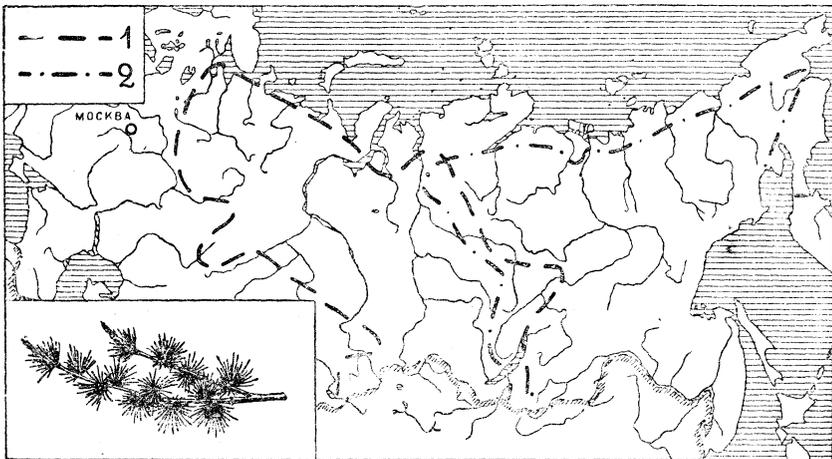
В Пенжинском районе — самом отдаленном в Хабаровском крае — десять сельскохозяйственных артелей. Четыре из этих артелей получили в этом году миллионные доходы.

Район населяют корки, ламуты, чучки, камчалы. Все они объединены в колхозы.

Рыболовецкий колхоз-миллионер «Искра» на 500 голов увеличил свое стадо оленей, построил новую избу-читальню, электростанцию, деревянные дома для всех колхозников. Колхоз «Маяк Севера» построил электростанцию, клуб, новые дома для всех своих членов. Артель «Путь Севера» переселила всех своих членов — бывших кочевников — в новые дома. Во всех колхозах района есть школы, магазины, бани.

Управление по охране исторических и археологических памятников при Совете Министров РСФСР организовало паспортизацию 28 тысяч археологических и 12 тысяч исторических памятников, находящихся на территории республики.

Среди взятых на учет памятников — первое в мире подземное каскадное гидротехническое сооружение, построенное в 1783 — 1786 годах изобретателем К. Д. Фроловым в районе старых шахт Вознесенской и Екатеринбургской (Змеиногорский район Алтайского края), линия оковов, вырытых по приказанию В. И. Чапаева бойцами полка имени Степана Разина во время боев с белогвардейцами (Ивантеевский район Саратовской области), могила 28 панфиловцев, героически защищавших подступы к Москве в 1941 году (Волоколамский район) и многие другие.

Распространение лиственницы сибирской и даурской в СССР: 1 — сибирская лиственница, 2 — даурская лиственница.

„ТАЙНА ВЕЧНОЙ НОЧИ“

В Москве идет научно-фантастическая пьеса лауреата Сталинской премии И. В. Луковского «Тайна вечной ночи». Этот спектакль, мастерски поставленный на сцене Центрального детского театра заслуженным деятелем искусств Г. А. Товстоноговым и А. А. Некрасовой, о большом волнении смотрят и юные и взрослые зрители.

Пьеса Луковского рассказывает советскому юношеству о его замечательных современниках — ученых и изобретателях страны социализма, об их творческом труде, о самоотверженном служении своему отечеству и героической борьбе за приоритет русской науки.

Действие пьесы происходит в наше время. Мирной, созидательной жизнью живет наша социалистическая родина. Все труды и помыслы ее сынов и дочерей направлены к одной заветной цели — построению коммунистического общества. Вдохновенно трудятся советские ученые, подчиняя науку служению этому великому делу.

Иные задачи ставят перед наукой реакционные ученые империалистических государств, используя ее под руководством своих милитаристски настроенных хозяев в военных целях.

В пьесе «Тайна вечной ночи» автор разоблачает коварные действия поджигателей новой войны, прикрывающихся наукой, срывает маски с империалистических агрессоров и пригретых ими немецких военных преступников, продолжающих свои черные дела под покровительством доллара.

Содержание пьесы таково. Советский теплоход «Россия», совершая свой обычный рейс, возвращается из Сан-Франциско во Владивосток. В районе глубоководной тихоокеанской впадины Тускарора он попадает в зону мощного подводного извержения, причины которого неизвестны. Образовавшийся при этом какой-то странный «зеленый туман» окутывает корабль.

Вернувшись на родину, все свидетели этого явления, бывшие на пароходе, в том числе и молодые советские ученые Турчина и Черкасов, временно теряют зрение.

Для выяснения причин, вызвавших это странное явление, на теплоходе «Россия» из Москвы в район Тускароры отправляется экспедиция, оснащенная изобретенным профессором Лаврентьевым гидростатом. Эта герметическая камера для погружения в морские глубины, способная выдерживать колоссальное давление огром-

ной массы воды, позволит ученым опуститься на глубину 6 тысяч метров и исследовать дно гигантской впадины. По всем данным, там может быть обнаружен в большом количестве плутоний, обладающий сильными радиоактивными свойствами. В этой экспедиции принимают участие и вылетевшиеся биолог Турчина и химик Черкасов.

Сцена из спектакля Центрального детского театра «Тайна вечной ночи».

Но о необыкновенном случае в Тихом океане стало известно и темным силам человечества, которые стремятся завладеть тайной Тускароры, чтобы использовать ее в военных интересах. «Цель оправдывает средства» — по этому принципу действуют замаскировавшиеся фашисты, применяющие для достижения своей цели убийства, шантаж, подлог.

Незадолго до прибытия советской экспедиции на Тускарору здесь появляется безобидное на вид судно «Морской кузнечик», которым командует немецкий адмирал Мирбах. Втянутый обманом в эту авантюру, на дно Тускароры спускается в своем гидростате прогрессивный норвежский ученый Биакер, прибывший сюда на «Морском кузнечике». Но гидростат Биакера не выдерживает сжатия, и ученый гибнет. С ним погибает и доктор Иодль, обманувший и погубивший Биакера. Лишь в последние минуты жизни Биакеру удается разоблачить Иодля.

Потерпев неудачу и ничего не узнав о тайне Тускароры, адмирал Мирбах решает потопить безоружное советское судно, на котором находится советская экспедиция. Он стремится завладеть гидростатом Лаврентьева, как только тот поднимется на поверхность.

Но на советском теплоходе знают о трагедии Биакера и о коварных планах Мирбаха. Погибая, Биакер успел послать вверх бобины диктофона, установленного в его гидростате. Они всплыли недалеко от

теплохода «Россия» и были подобраны его командой. Звукозапись рассказала советской экспедиции о той страшной трагедии, которая разыгралась в глубинах Тихого океана. А с «Морского кузнечика» бежала и добралась впасть до теплохода дочь и помощница Биакера Эльза, раскрывая замыслы Мирбаха.

Подводная лодка, охранявшая во время пути теплоход и всплывшая у Тускароры на поверхность, повергла в бегство иностранных авантюристов. Советские ученые успешно закончили исследование Тускарорской впадины.

Пьеса Луковского — научно-фантастическая. Современная наука пока не располагает возможностью, позволяющей человеку спуститься на такую гигантскую глубину и произвести там наблюдения. Многие тайны природы, в том числе и морские, еще не раскрыты учеными полностью. Но, присутствуя на спектакле «Тайна вечной ночи», зритель верит в то, что сегодняшняя фантастика может завтра стать явью. Это подтверждает стремительное развитие советской науки.

«Тайна вечной ночи» — познавательная пьеса. Она прививает ребятам интерес к морю, любознательность, обогащает их знанием географических открытий, рассказывает им о разнообразных, но одинаково нужных и интересных профессиях биолога, гидрографа, химика, океанографа. Пьеса Луковского также учит бдительности, бесстрашию, настойчивости и патриотизму. Спектакль «Тайна вечной ночи» поставлен детским театром с изобретательностью и выдумкой, хорошо выполнено светящимися красками живописное оформление. Зрители видят и плывущий в океане пароход, и спускающийся на дно Тускароры гидростат, и глубоководных светящихся морских животных. Постановку удачно дополняют киносъемки.

В фойе Центрального детского театра организована интересная выставка. Зрители могут познакомиться с историей исследования Тихого океана русскими мореплавателями (именно русским, и никому другому, принадлежит честь первых исследований Тихого океана), с моделями кораблей, изображениями разнообразных глубоководных животных, картой рельефа дна океана, могут наглядно представить себе, где расположена Тускарорская впадина, какова сила давления воды на глубине 6 километров и т. д.

Центральный детский театр заботливо и серьезно отнесся к постановке полезного и нужного спектакля, используя все возможности, чтобы лучше довести его до юного зрителя, обогатить познания ребят.

Е. Березкина

ПОБЕДА НАД ПУСТЫНЯМИ

На первый взгляд исключительно трудно, казалось бы, написать о бескрайних песчаных и каменистых просторах, выжженных беспощадным зноем, объемистую книгу, которая читалась бы с неослабным интересом. Такая затея и впрямь была бы неосуществимой до социалистического пресбразования нашей родины. Ибо только советское государство проводит — и лишь ему это под силу! — невиданную, грандиозную, планомерную работу по коренной перделке природы, титаническую бесстрашную борьбу за покорение стихии во имя блага человека. Б. Федоровичу удалось правдиво отразить в своей книге эти бессмертные подвиги дерзания и отваги. Автор — давний исследователь пустынь, и в «Лике пустыни»¹ он воплотил плоды долгого изучения и личных наблюдений.

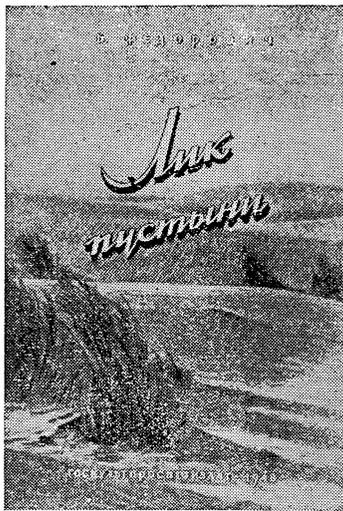
Б. Федорович дает разностороннюю и красочную характеристику того, чем ныне в действительности являются эти безмерные просторы, и попутно без остатка развенчивает многие укоренившиеся превратные и ложные представления. Обстоятельно и подробно рассказывает он о богатейшей растительности будто бы бесплодных пустынь (достаточно сказать, что только в среднеазиатских и казахских пустынях произрастает до двух тысяч видов кустарников и трав), об их богатейшем животном мире.

В пустынях растут самые настоящие леса, нередко сгущающиеся в непроезжие, непроходимые джунгли. Песчаные почвы во многих местах сплошь покрыты зарослями саксаула — «леса без стволов», без листьев и хвои и без тени. Только в низовьях реки Чу площадь саксаульников, дающих прекрасное, легко добываемое топливо, исчисляется 2 миллионами гектаров. «И это лишь малая доля того, что имеется по староречьям Сыр-Дарьи». Фауна пустынь вовсе не исчерпывается пресмыкающимися, грызунами и птицами — тут обитает

множество крупных млекопитающих, в первую очередь различных представителей подсемейства антилоп.

Оказывается, именно области пустынь должны быть по праву признаны одной из колыбелей человеческой культуры. Еще незащитный первобытный человек находил тут наиболее благоприятные условия для существования. Ведь как раз здесь в основном обеспечивавшие его пищей животные — будь то дикие или, позднее, домашние — круглый год находили подножный корм.

Что же удивительного в том, что раскопки древнейшего города Анау, на самой окраине Каракумских песков «показали всему миру, что в те времена, когда в Европе человек прятался еще на деревьях и в пещерах, когда он жил еще лишь охотой, рыбной ловлей и собираньем корней и ягод, здесь, на узкой полоске равнины, зажатой между песками Кара-Кумов и пустынным

хребтом Копет-Дага, развивалась одна из древнейших на земле культур».

Десятки столетий человек силится подчинить своей власти непослушные пустыни, обуздать их, поставить себе на службу. Были за это время

достигнуты некоторые успехи. Но какими же непрочными и преходящими выглядят они по сравнению с гигантскими работами, развернувшимися тут в социалистическую эпоху!

Автор противопоставляет две разительные цифры: за каких-нибудь 30 лет большевики сумели отнять у пустынь и создать богатейшие плантации на площади, более чем в два с половиной раза большей, нежели добилось того человечество по меньшей мере за 5—6 тысячелетий! Только в одном Узбекистане оросительная сеть ныне достигает 120 тысяч километров — ею можно было бы два с половиной раза опоясать всю землю по экватору. И это не считая десятков тысяч километров каналов в Туркмении, Таджикистане и Казахстане.

Социалистическая общность всенародных интересов вызвала к жизни такую невиданную форму организации созидательного труда, как народные стройки, творящие настоящие чудеса. Из многих фактов назовем лишь один. В 1939 году колхозники за 48 дней построили Большой Ферганский канал. По сути дела была проведена целая новая река длиной в 280 километров и в 25—30 метров шириной, с 400 ирригационными сооружениями. По желанию народа этому каналу было присвоено имя вдохновителя всех наших великих деяний — И. В. Сталина

Но как ни грандиозно само по себе уже сделанное, все это только красноречивое предисловие к тому, что будет создано в самом недалеком будущем. Б. Федорович повествует об этом в отдельной главе книги, и она по справедливости должна быть признана одной из наиболее увлекательных. Предстоят истинные великие походы на пустыню. Будут сооружены новые колоссальные каналы. 1200 колхозов, каждый из которых будет обладателем 1000 гектаров плодородной, насыщенной влагой земли, возникнут на орошенных площадях вокруг нового канала в Узбекистане.

Историческое постановление партии и правительства от 24 октября 1948 года о создании сети полезащитных лесонасаждений касается и пустынь Прикаспийской низменности — большая их площадь будет облесена и закреплена.

Автор рассказывает о грядущей судьбе рек, о том, как в пустынях вырастут десятки новых промышленных центров, о том, что «в перспективе вырисовывается грандиозный проект поворота алтайских и сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию... Это даст возможность в будущем увеличить площади орошения не в 4—5 раз, а в десятки раз». О небывалом размахе предстоящих работ свидетельствует хотя бы такое обстоятельство, что автор многозначительно и вполне обоснованно мог

¹ Б. Федорович, Лик пустыни, М. Госкультпросветиздат, 1948, 216 стр., ценз. б. р. 50 к., тираж 50 000 экз.

благлавить один из разделов главы о будущем — «Будет ли упразднено море?», и здесь обсуждает реальную возможность полного исчезновения — впервые в истории человеческого общества! — целого моря — Аральского. Правда, «судьба его еще не решена... вернее всего, что мы его сохраним», — разве в этом вскользь брошенном замечании с чрезвычайной наглядностью не запечатлены те необъятные просторы, какие раскрывает перед дерзающей творческой мыслью созидательная социалистическая деятельность?

Все эти поразительные воображение работы будут осуществлены мозгом и руками советских людей — бесстрашных новаторов, строителей коммунизма. Приходится выразить сожаление, что как раз о замечательнейших наших людях, о подлинно героическом труде отдельных творцов в книге говорится слишком скупо. Это ощутимый недостаток хорошего и полезного издания.

Я. Черняк

„Золотое дно“

Студент-геолог Синицкий приехал на практику в Баку. Он попадает в «подводный дом» инженера, смелого новатора Васильева. Это огромный танк, ползущий по дну Каспийского моря и производящий здесь, глубоко под водой, не только нефтеразведку, но и непосредственно бурение сверхскоростным алмазным буром. Нефть должна накачиваться в большие шаровые цистерны — они и будут, всплывая, выносить драгоценную добычу наверх.

Но отдельные сотрудники научно-исследовательского института считают Васильева беспочвенным фантазером. Инженер Гасанов строит надводные буровые сооружения. Бурение дна будет производиться отсюда, с поверхности моря. Это труднее, чем непосредственно на дне, но зато нефть сразу потечет по трубам, а не будет посылаться во всплывающих шарах. Завязывается ожесточенный спор между сторонниками того и другого методов. Парторг Рустамов стремится выявить наиболее важное, полезное в каждом проекте...

Так начинается новая научно-фантастическая повесть Вл. Немцова «Золотое дно»¹.

Инженер и изобретатель, писатель Вл. Немцов известен читателям «Вокруг света» по напечатанным в журнале научно-фантастическим повестям «Огненный шар» (1947 г.) и «Рекорд высоты» (1949 г.). Начал он свой литературный путь с научно-популярных книг, в большинстве описывающих его собственные изобретения. Вышедшие в дальнейшем его научно-фантастические рассказы и повести посвящались в основном

проблемам радиотехники недалекого будущего.

Советская научно-фантастическая литература — это литература, зовущая в завтра. Как литература художественная, образная, литература социалистического реализма, она призвана «показать наш народ не

только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день, помочь осветить прожектором путь вперед» (А. Жданов). Она не может не питаться животворными соками научного предвидения, присущего науке социалистического общества — марксизму-ленинизму.

Молодая советская научная фантастика имела в прошлом ряд серьезных срывов, идущих прежде всего от рабского преклонения отдельных авторов перед зарубежными приключенческими штампами. Ряд ошибок в отборе произведений научной фантастики имела редакция «Библиотеки приключений» Детгиза (повести Гуревича и Ясного, Брагина, Палея). Ранним рассказам и повестям Вл. Немцова вредили недостаток умения в обрисовке действующих лиц и чрезмерное увлечение молодого автора «острыми» сюжетными положениями, приключениями ради самих приключений.

В новой своей работе писателю в результате настойчивой работы над собой удалось не только поставить увлекательную научно-техническую проблему, но и приблизиться к изображению подлинного героя нашего времени — человека социалистической эпохи.

В повести «Золотое дно» перед нами встают люди грядущих пятилеток; автор стремится показать те первые ростки коммунизма, которые уже сегодня наблюдаем мы в жизни нашей социалистической родины.

Образы советских людей-строителей, инженеров Васильева и Гасанова, практиканта-студента Синицкого, парторга Рустамова, написаны автором «Золотого дна» с большой искренностью и теплотой. В повести показана сила коллекти-

ва, сила социалистического соревнования.

В «Золотом дне» мы снова, как и в прежних вещах Немцова, видим интересную техническую идею. Это добыча нефти со дна Каспийского моря на больших глубинах, притом довольно простым методом, без дорогостоящих приспособлений. По замыслу автора, инженер В. И. Немцова, скважину бурит в дне моря сверхскоростной бур из подводного танка, затем скважина с аппаратурой для выкачки нефти покрывается стальным полушарием, от которого идет гибкий шланг, подающий нефть на поверхность. В повести это результат совместной работы всего коллектива института, творческий синтез методов Васильева и Гасанова. Остроумие этой идеи именно в ее простоте по сравнению с действующими сейчас на небольших глубинах сложными и надводными и подводными сооружениями.

Поиски нефти, научные споры, разработка и усовершенствование инженерно-технической идеи — вот движущая сила развертывания сюжета повести. Все приключения, которых в произведении немало, основаны на развитии этой идеи. Люди мужественно борются со стихией, презирая опасности, готовы пожертвовать жизнью для дела, не страшатся признать сделанные ошибки и настойчивым трудом исправлять их.

И в эпилоге видишь результат работы этих людей. Мы — в диспетчерской созданного советским человеком каспийского архипелага искусственных островов — цехов подводных нефтяных промыслов. Ярким неугасимым светом горят огни на голубой стекляннной карте. Дежурный инженер телеавтоматически управляет отсюда всем этим сложным хозяйством, — и льется, и льется «черное золото» из покоренных глубин...

Увлекательная, патристическая повесть Вл. Немцова не только знакомит юного читателя — пионера, комсомольца — с нефтяной промышленностью сегодняшнего Советского Азербайджана, но и заставляет мечтать о завтрашнем дне нашей науки и техники, уже видеть его контуры и активно бороться за его приближение.

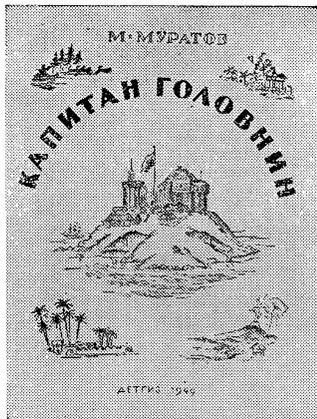
Вл. Шевченко

ПЛАВАНИЕ „ДИАНЫ“ И „КАМЧАТКИ“

В 1816 году вышел в свет в тогдашнем Санкт-Петербурге «Записки флота капитана Головинна о приключениях его в плену у японцев в 1811 и 1813 годах». В дальнейшем записки эти, вызвавшие необычайный интерес в широких кругах русского общества, несколько раз переиздавались и, расширенные, рассказывали уже и обо всех перипетиях плавания, совершенного Головинным вокруг света из военном парусном шлюпе «Диана» и позже на «Камчатке». Под заголовком «Путешествие Дианы» записки Головинна были изданы в 1819 году, затем 75 лет спустя, в 1894 году,

¹ Вл. Немцов, Золотое дно. Рис. А. Лурье. «Библиотека научной фантастики и приключений», М.—Л., Детгиз, 1949. Цена в перепл. 9 р. 50 к

и до наших дней больше не переиздавались. Повышенный интерес людей советского поколения к открытиям и завоеваниям русских ученых и первооткрывателям и установлению их приоритета в различных областях науки снова привлек внимание наших ученых и писателей

к Головинну и его интереснейшим кругосветным плаваниям. Только за последнее десятилетие вышел целый ряд советских работ о Головине — журнальных статей, научных работ и беллетризованных описаний его путешествий. К наиболее крупным из них относятся исторические повести А. Зонина — «Капитан «Дианы» (1939 г.), Р. Фаермана и П. Зайкина — «Жизнь и необыкновенные приключения капитана-лейтенанта Головина, путешественника и мореходца» (1946 — 1948 гг.), большая биография Головина в книге «Русские кругосветные мореплаватели» Н. Нозикова (1947 г.) и, наконец, вышедшая недавно в издании Детгиза книга М. Муратова «Капитан Головин».

Основным материалом для книги Муратова, так же как и для других авторов, писавших о Головине, послужили, конечно, обстоятельные и содержательные «Записки» самого мореходца, творчески переработанные и сокращенные. В пересказе Муратова умело использовано то главное, чем были богаты два кругосветных плавания В. М. Головина (на шлюпах «Ди-

1 М. Муратов, Капитан Головин, М., Детгиз, 1949 г., стр. 268, цена 12 руб.

на» — 1807 — 1813 гг. — и «Камчатка» — 1817 — 1819 гг.), их научная и познавательная ценность.

Плавание В. М. Головина на «Диане» было вторым кругосветным путешествием русских мореходцев после совершенного И. Ф. Крузенштерном и Ю. Ф. Лисянским на кораблях «Надежда» и «Нева» (1803 — 1806 гг.). Русским военным морякам была поставлена задача установить морской путь между столицей великой русской земли и ее далекими окраинами: Камчаткой и Алеутскими островами. Задача эта Крузенштерном и Лисянским была выполнена блестяще. Результаты плавания были ценны и для морского министерства, понимавшего необходимость изучения наших дальневосточных морей, и для так называемой Российско-Американской компании, торговавшей мехами, добываемыми на Алеутских островах и на Аляске. Первый удачный опыт такого плавания побудил правительство послать вслед за первой и вторую экспедицию такого же характера. Ее осуществление было поручено на этот раз В. М. Головину, зарекомендовавшему себя опытным и отважным моряком. Головину было поручено уточнить очертания Курильских островов и измерить глубины моря у их побережья.

Несмотря на то, что плавание Головина осложнилось рядом непредвиденных приключений — годичным пребыванием в плену у англичан и почти трехлетним в плену у японцев, — задача, поставленная экспедиции, была выполнена ею успешно. Головин привез с собой богатейший материал, дававший представление о наших далеких окраинах, людях их населяющих, жизни и быте этих людей. Но особенно ценны были сведения о Японии, стране, тогда еще мало известной, тщательно замыкавшейся от чужаков.

Успех этого плавания Головина повлек за собой отправление его и во втором путешествии такого же рода на парусном шлюпе «Камчатка». Это плавание, совершенное уже без особых осложнений, также дало ценный научный материал о нашем Дальнем Востоке.

Муратов рассказывает о плаваниях и приключениях Головина простым, ясным, неприхотливым языком, в запоминающейся форме. Книга снабжена картами рейсов «Дианы» и «Камчатки» и богатым иллюстрированным материалом. Удачно использованы старинные гравюры и литографии, дающие яркое представление о той эпохе, ее людях, их быте, нравах. Иллюстрации эти (в частности относящиеся ко времени пребывания Головина в плену у англичан и японцев) оживляют книгу и делают ее особенно ценной и привлекательной для юного читателя.

Г. Назаров

В издании Государственного издательства географической литературы вышла книга З. Н. Зубковой «Алеутские острова» (физико-географический очерк). В книге рассказывается о том, как были открыты Алеутские острова, дается их подробное описание, сообщаются данные об их рельефе, климате, биogeографии.

«Географические очерки Маньчжурии» В. А. Анучина вышли в издании Государственного издательства географической литературы. В книге сообщаются сведения о русских географических исследованиях Маньчжурии и дается географическая характеристика страны.

Институт истории Академии наук СССР подготовил к печати «Книгу Большого чертежа». «Книга» эта, составленная в 1627 году, включает в себе данные о русском государстве начала XVII века, свидетельствующие о самостоятельности русской географической мысли и высоком уровне знаний русских людей той эпохи, а также их картографическом мастерстве. До сих пор книга издавалась дважды: в 1773 и в 1846 годах.

В издании Государственного издательства геологической литературы выпущена в свет книга М. В. Томосова «О слоях земных». В этой книге собраны геологические работы великого русского ученого: «Первые основания металлургии или рудных дел», «Слово о рождении металлов от трясения земли» и др.

Государственное издательство географической литературы выпустило книгу В. И. Роборовского «Путешествие в восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань». В этой книге собраны труды экспедиции Русского географического общества, работавшей в Центральной Азии в 1893 — 1895 годах.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 7 ИЮЛЬ 1949

О. Чистовский — Создатели карт	2
Г. Гулиа — Мой город	6
А. Авдеенко — Песнь над морем. Рис. П. Кирпичева	10
В. Перцев — На Черных землях. Рис. Б. Берендгофа	15
Акад. В. Г. Фесенков — Вестники из межпланетного пространства	21
М. Беляев — У рыбаков Японии. Рис. В. Бродского	27
М. Григорьев — Люди мичуринской науки	31
В. Сапарин — «Синяя птица». Рис. В. Цельмера	35
А. Дубовицкий, А. Дубицкий, Н. Почивалин — Еремень-тау	44
О. Писаревский — Менделеев в Америке. Рис. С. Прусова	46
С. Герасимов — В тайге	51
Александр Яковлев — «Красное Сормово»	55
В. Ананиян — Когда спадает Аракс. Перев. А. Гюль-Назарянца. Рис. Г. Никольского	55

Я. Толчан — На полях Приволжья	59
Е. Березкина — «Тайна вечной ночи»	61

В мире книг

Я. Черняк — Победа над пустынями. — В. Шевченко — «Золотое дно». — Г. Назаров — Плавание «Дианы» и «Камчатки»	62—63
---	-------

Хроника. — Письма читателей. — Заметки

Экспедиции советских ученых (23). — По музеям и архивам (31). — Ясное выветривание горных пород (45). — В далеких морях (45). — Находки наших археологов (51). — В несколько строк (53). — Наши зеленые друзья (60). — По родной стране (60).

На обложке в рамке: акварель художн. В. Цельмера к рассказу В. Сапарина «Синяя птица».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции: Москва, Суцеская, 21. Тел. Д 3-20-60, доб. 25

Редактор И. В. Иноземцев.

Члены редакционной коллегии: Д. Л. Арманд, Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев, Е. Н. Пральнико, Н. А. Солнцева.

Техн. редактор А. Губер

А07713 Подписано к печати 2/VI 1949 г. Бумага 60x92¹/₈. 8 печ. листов по 53 тыс. знаков. Тираж 80 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 1015

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Суцеская, 21.

Двести семьдесят пять лет назад, в 1674 году, умер Джон Мильтон — великий поэт и деятель английской революции.

300 лет назад, в 1649 году, он начал работу над книгой «Московия или известия о Московии». Этот труд Мильтон выполнил еще тогда, когда был зрячим.

В 1941 году советский ученый М. П. Алексеев опубликовал отрывки из «Московии» Мильтона, касающиеся Сибири,

сопроводив их цепными примечаниями. Джон Мильтон писал об Оби, Мангазее, Тюмени, Тобольске, Томске. Одна из глав книги названа «О Тунгусе и других прилежащих с востока стран до самого Китая». Дж. Мильтон сообщил о русских открытиях на Енисее и Пясины, свидетельствовал о торговле русских с купцами из Китая в Сургуте (1611). Мильтон знал о походе в Китай казака Ив. Петлина в 1618 году.

«Эти известия внесены сюда потому, что мы их имеем от русских, которые также рассказывают, что за Обью есть море, до того теплое, что в окрестностях его живут всякого рода морские птицы и зимой и летом», — писал Дж. Мильтон. Это замечательное для того времени свидетельство о Тихом океане. В поэме «Потерянный рай» Мильтон указывает на «предполагаемый пролив, находящийся восточнее Печоры и ведущий к цветущим берегам Китая». Северный полюс, Печора, Обь снова владели тогда воображением великого поэта. К тому времени пролив из Ледовитого океана в «Теплое море» был действительно пройден русскими людьми...

Известно, что Дж. Мильтон вел дипломатическую переписку с Москвой.

В 1799 году, полтора года назад, мичман В. И. Штейнгель — впоследствии декабрист — получил приказ о выезде в Охотский порт для вооружения корвета «Слава России». Штейнгель совершил долгое путешествие из С.-Петербурга на северо-восток, в уже знакомые ему места. В раннем детстве он был привезен в берестяном коробе в Охотск и Камчатку, где отец Штейнгеля прослужил несколько лет.

В. И. Штейнгель учился в морском корпусе вместе с Ф. Беллингаузеном и впоследствии участвовал в ряде плаваний.

В 1802—1810 годах Штейнгель служил в Охотском порту, затем проводил усовершенствования в Иркутском адмиралтействе. Он знал начальника

первой русской кругосветной экспедиции Н. П. Резанова, адмирала Рикорда, директора Российско-Американской компании М. М. Булдакова и др.

В 1808 году Штейнгель готовился к отъезду на службу в Русскую Америку. Через четыре года он составил план исследования и занятия Амура. Знакомство с К. Ф. Рылеевым в доме Российско-Американской компании привело Штейнгеля к вступлению в тайное общество. Он был увезен в кандалах в сибирскую ссылку. В Сибири В. Штейнгель написал ряд очерков, в которых описывал свои путешествия и морские походы.

Декабрист-моряк В. И. Штейнгель умер в 1862 году в С. Петербурге.

«ГЕОДЕЗИСТ» ФЕДОР ЛУЖИН

225 лет назад, в 1724 году, «геодезист» Федор Лужин получил приказ составить описание каменного «идола», найденного в Иркутской провинции. Через год Ф. Лужин не только описал эту редкую археологическую находку, но и представил рисунок «идола».

Это был тот самый Лужин, который ранее, выполняя указ Петра I, выяснял, «сошлась ли Америка с Азией». Как известно, во время этого плавания Ф. Лужин и М. Евреинов достигли Курильских островов. Совсем недавно советские исследователи отыскали русскую карту северо-востока Азии, основанную частично на данных, полученных Ф. Лужиным во время его плавания.

После своих археологических занятий в Сибири Федор Лужин появился в 1727 году в Якутске, в составе экспедиции Беринга.

11 марта 1727 года Ф. Лужин умер. Этот скромный и одаренный труженик был настолько беден, что все наследство его состояло из 37 копеек, нательного креста, перстня из серебра, квадранта и астролябии.

О трудах Ф. Лужина знал А. С. Пушкин. Изучая историю Камчатки, Пушкин писал, что Лужин и Евреинов «доезжали почти до Матсмая», то есть побывали у самых берегов Японии.

В 1849 году, сто лет назад, в Охотске находился казначий сотник Иван Кобелев. Он отличался редким долголетием. В 1849 году ему было более ста лет.

В 1779 году Иван Кобелев отправился из Гижиги на острова Диомиды, лежащие в проливе между материками Азии и Америки. Там И. Кобелев встретил туземного старшину, уроженца Северной Америки. От него сотник получил замечательные сведения о том, что на «американском берегу» живут борodatые «российские люди», поклоняющиеся иконам и имеющие у себя книги русского письма.

И. Кобелев познакомился затем с одним чукчей, который не менее пяти раз бывал на материке Северной Америки. Этот чукча в свое время якобы видел «письмо», вырезанное на доске. Доска с резной надписью была

прислана, как объяснял чукча, белыми поселенцами Аляски, причем «борodatые люди» просили доставить ее русским в Анадырский острог.

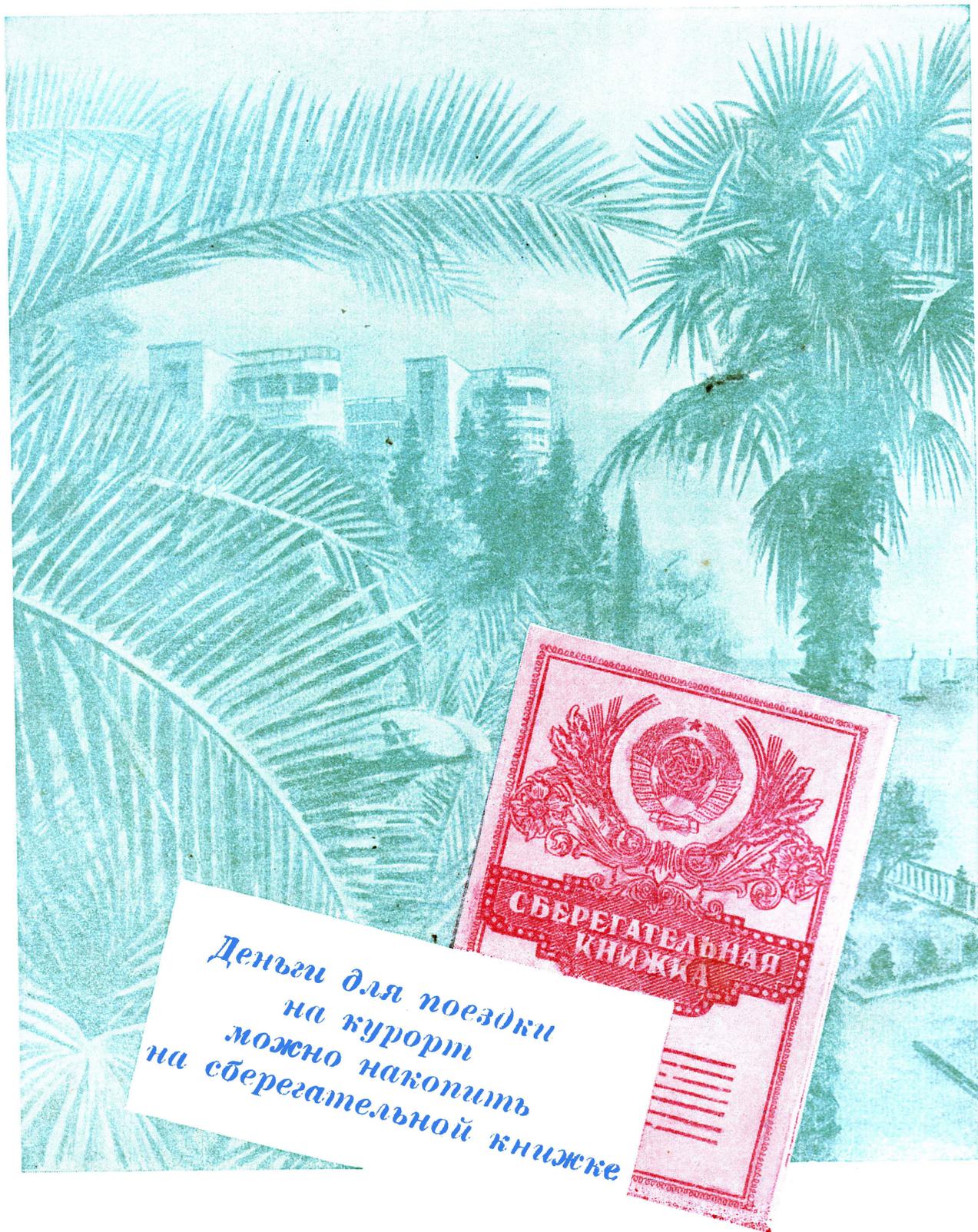
В то время, когда И. Кобелев сообщал эти сведения, считалось, что Аляска еще не была заселена европейцами.

Позднее И. Кобелеву удалось первым из русских людей побывать близ устья реки Юкон и на «Укинень-острове» (остров Нунивок) у берегов Северной Америки. Кобелев участвовал в русских экспедициях на северо-восток и, хорошо зная чукотский язык, в течение 50 лет служил правительственным переводчиком.

Составил С. Марков
Рисовал В. Чернецов

Цена 6 руб.

**ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ!**